

АЙНЕЛЬ МЕШАДИЕВА

**ФОРМАЛЬНОЕ
ОПИСАНИЕ
ЗАКОНА ГАРМОНИИ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ им. И. НАСИМИ

АЙНЕЛЬ МЕШАДИЕВА

**ФОРМАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ
ЗАКОНА ГАРМОНИИ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

БАКУ - “ЭЛМ”-2004

НАПЕЧАТАНА НА ОСНОВАНИИ РЕШЕНИЯ УЧЕНОГО
СОВЕТА ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ им. НАСИМИ НАЦИО-
НАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА (протокол № 1
от 4 февраля 2004 года)

Редактор: М.А.Махмудов, доктор филологических наук

Рецензенты: И.Б.Кязимов, доктор филологических наук

К.А.Велиева, доктор филологических наук

Айнель Энвер кызы Мешадиева. Формальное опи-
сание закона гармонии в тюркских языках. Баку, Изда-
тельство “Элм”, 2004, 244 стр.

ISBN 5-8066-1619-3

Монография посвящена формальному описанию закона гармонии в тюркских языках. В данной книге впервые проведено формальное описание всех видов закона гармонии в древнетюркских письменных памятниках и современных тюркских языках. Помимо этого, в исследование включены материалы диалектов и говоров современных тюркских языков и таких агглютинативных языков как монгольский, венгерский и финский. Данная монография предназначена для филологов-тюркологов, научных сотрудников, студентов и магистров факультета востоковедения.

4601000000
655 (07) 2004

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Азерб.	- азербайджанский
Алт.	- алтайский
Араб.	- арабский
Аф.	- аффикс
Бак.	- бакинский
Башк.	- башкирский
Букв.	- буквально
Вин.пад.	- винительный падеж
Вм.	- вместо
Гаг.	- гагаузский
Графич.	- графический
Д.	- диалект
Дат.-напр. пад.	- дательно-направительный падеж
Дат.пад.	- дательный падеж
Дем.	- демский
Джек.	- джекающий
Джерг.	- джергетальский
Др.	- другие
Ед.ч.	- единственное число
Заим. сл.	- заимствованные слова
Им.пад.	- именительный падеж
Исход. пад.	- исходный падеж
К.-калп.	- кара-калпакский
Каз.	- казахский (диалект азербайджанского языка)
Казах.	- казахский (язык)
Кар.	- карабахский
Караим.	- караимский
Кипч.	- кипчакский
Кирг.	- киргизский
Куб.	- кубинский

Кумык.	- кумыкский
Л.	- лицо
Лаб.	- лабиализованный
Лит.	- литературный
Лит.-орфограф.	- литературно-орфографический
Марг.	- маргиланский
Мн.ч.	- множественное число
Муг.	- муганский
Наманг.	- наманганский
Напр.	- например
Ног.	- ногойский
Обязат.	- обязательный
Орд.	- ордубадский
Отриц.	- отрицательный
Перс.	- персидский
Прошед. вр.	- прошедшее время
Разг.	- разговорный
Род. пад.	- родительный падеж
Сальют.	- сальютский
Сев.	- северный
Сив.	- сивасский
Собств.	- собственный
Ср.	- сравните
Срав. ст.	- сравнительная степень
Стяж.	- стяженный
Таб.	- табризский
Тат.	- татарский
Ташк.	- ташкентский
Т.д.	- так далее
Т.п.	- тому подобное
Т.е.	- то есть
Ток.	- токатский

Тув.	- тувинский
Тур.	- турецкий
Туркм.	- туркменский
Тюрк.	- тюркский
Узб.	- узбекский
Уйг.	- уйгурский
Указ. мест.	- указательное местоимение
Утв.	- утвердительный
Хакас.	- хакасский
Чуваш.	- чувашский
Шек.	- шекинский
Шем.	- шемахинский
Эвенк.	- эвенкийский
Юж.	- южный
Якут.	- якутский
Яз.	- язык

ОТ АВТОРА

Как известно, закон гармонии занимает одно из самых важных мест в фонетическом строе тюркских языков.

В процессе развития и воздействия на тюркские языки различных субстратов и адстратов фонетический строй отдельных конкретных тюркских языков в той или иной степени, подвергся изменению и каждый из этих языков приобрел присущие себе особенности.

В связи с этим закон гармонии в тюркских языках, будучи основным законом фонетического строя данных языков, проявляется по-разному, т.е. имеет свои сходные и отличительные особенности.

В силу этого, рассмотрение закона гармонии в современных тюркских языках в сравнительно-историческом освещении, с тем, чтобы выявить сходства и отличия в осуществлении данного явления в этих языках считается актуальным.

С целью сравнения в процесс исследования включены также материалы языка древнетюркских письменных памятников, диалектов и говоров тюркских языков, так как считаю, что закон гармонии более последовательно проводится в современных тюркских языках, нежели в древнетюркских письменных памятниках, диалектах и говорах тюркских языков.

В данной монографии проведено формальное описание закона гармонии в древнетюркских письменных памятниках, в современных тюркских языках. После каждого вида закона гармонии приводятся таблицы, в которых рассматриваются переходы гласных и согласных, для более наглядного представления состояния данного закона в вышеназванных языках. Относительно же диалектов и говоров тюркских языков, то посредством формального описания выявлены те или иные случаи нарушения закона гармонии в них.

По мнению автора, проведенная научная работа дает возможность еще глубже исследовать фонетический строй и лингвистическую сущность сходных и отличительных особенностей закона гармонии в тюркских языках и послужит для тюркологов практическим руководством по изучению закона гармонии в современных тюркских языках.

ОТ РЕДАКТОРА

Монография Айнель Энвер кызы Мешадиевой посвящена одной из актуальных проблем исследования тюркских языков на теоретическом уровне.

Впервые закон гармонии в тюркских языках рассматривался систематически и с помощью формального описания, методом анализа получены оригинальные результаты. Сравнивая сходные и отличительные стороны проявления форм закона гармонии в различных тюркских языках, автор выявила лингвистическую сущность универсальных особенностей закона гармонии. Изучение проблемы в этом направлении немаловажно не только для тюркологии, но и в целом с точки зрения развития и обогащения теории языкознания.

С целью обеспечения наглядности формального описания в монографии даны 10 таблиц и 24 рисунка, характеризующие закон гармонии в тюркских языках с различных аспектов.

В первой главе книги закон гармонии рассматривается на различных фонетических, морфологических и морфонологических языковых ярусах.

Автор, анализируя проведенные до настоящего времени исследовательские работы в этой области, сделала попытку определить лингвистический статус закона гармонии в системе тюркских языков и успешно достигла этой цели.

Одной из самых интересных частей данной книги является вторая глава. Здесь нашли свое отражение особенности проявления закона гармонии в древнетюркских письменных памятниках и современных тюркских языках. Приведенные автором параллельные сопоставления дают возможность проследить развитие направления и тенденцию этого фонетического явления. Таблицы, отражающие гармонию гласных и согласных как в древнетюркских, так и в современных тюркских языках можно считать самыми успешными научными результатами второй главы.

Одним из самых удачных сторон монографии является то, что автор не ограничилась использованием материалов лишь тюркских языков огузской группы. Используя материалы почти всех тюркских языков, А.Мешадиева добилась создания монументального труда.

Достаточно указать лишь то, что в таблице на 162 странице книги проявление закона гармонии в современных тюркских языках находит свое отражение по 11 аспектам. В данной таблице кроме азербайджанского и турецкого языков, охвачены чувашский, гагаузский, туркменский, караимский, кумыкский, караево-балкарский, крымско-татарский, татарский, башкирский, ногайский, каракалпакский, казахский, узбекский, ново-уйгурский, тувинский, якутский, хакасский, киргизский, алтайский языки.

Все это является особенностями, характеризующими высокий научный опыт, умение А.Мешадиевой анализировать и обобщать.

Присущие черты проявления закона гармонии вышеперечисленных тюркских языков нашли научное отражение в таблице, помещенной на одной странице в сжатой форме.

В третьей главе монографии даны научные анализы и описание случаев нарушения закона гармонии в древнетюркских письменных памятниках, в диалектах и говорах современных тюркских языков.

В таблице, помещенной на странице 173 отражены в трех аспектах случаи нарушения губной гармонии в древнетюркских письменных памятниках. В таблице использованы материалы из таких древнетюркских памятников, как "Книга моего Деда-Коркуда", Онгинский памятник, памятник в честь Кюль-Тигина, памятник в честь Бильге-Кагана, памятник Тоньюкука, памятник в честь Кюли-Чора, памятник Моюн-Чора, памятник Уюк-Турана и Таласские памятники.

В таблице же, помещенной на 183-й странице монографии,

которая отражает случаи нарушения гармонии гласных в диалектах и говорах тюркских языков огузской группы, охвачено 29 диалектов и говоров.

Все это подчеркивает широту и глубину научных поисков А.Мешадиевой. В этой главе монографии случаи нарушения закона гармонии гласных в диалектах и говорах тюркских языков киргизско-кыпчакской группы также были успешно отражены в таблице.

Полученные автором результаты обобщены в сжатой форме в последней главе книги.

В ходе работы А.Мешадиева использовала много тюркоязычной литературы, основывалась на научных источниках.

Монография Мешадиевой Айнель Энвер кызы под названием “Формальное описание закона гармонии в тюркских языках” написана на высоком научном уровне и является ценной исследовательской работой.

М.А.МАХМУДОВ,
доктор филологических наук.

ВВЕДЕНИЕ

В процессе развития и воздействия на тюркские языки различных субстратов и адстратов фонетическая система отдельных конкретных тюркских языков в той или иной степени подверглась изменению, и каждый язык приобрел свои характерные, специфические особенности.

Наблюдения показывают, что в фонетике тюркских языков помимо сходных, общих черт, существует много отличительных особенностей, которые и по сегодняшний день требуют лингвистического анализа.

Кроме того, как отмечает Н.А.Кондрашов: "...Естественно, что родственные языки характеризуются также закономерными морфологическими и лексическими соответствиями, но решающим при установлении языкового родства является факт фонетических соответствий..." [101, с. 161]. Так и сингармонизм, будучи областью фонетики, является вспомогательным средством при установлении языкового родства тюркских языков.

В настоящее время явление сингармонизма считается достаточно изученным, имеются определенные представления о его месте в просодической системе языков мира, раскрыты и описаны его языковые функции. Сингармонизм рассматривался в качестве морфонологического явления (А.Реформатский, Ф.Джалилов, В.Касевич, В.Богородицкий), в рамках общей фонологической теории (В.Богородицкий, Н.Трубецкой), как словообразующее средство (В.Радлов, И.Бодуэн де Куртенэ). Отмечено также просодическое значение сингармонизма (В.Радлов, Л.Адам, И.Бодуэн де Куртенэ, А.Щербак, В.Виноградов). Сингармонизм также рассматривался с ассимилятивной точки зрения, т.к. ассимиляция считается одним из проявлений сингармониз-

ма (М.Граммон, Е.Поливанов, А.Кононов). Помимо этого, высказывалась мысль о тесной связи закона гармонии с агглютинацией (М.Черкасский, Б.Серебренников, Э.Азизов, Э.Тенишев, Т.Бертагаев, О.Суник, также Г.Мельников), выдвигалась также парциальная точка зрения, где сингармонизм распространяется только на аффиксы, но не касается корней (В.Богородицкий, Н.Трубецкой, Ф.Кязимов) и т.д.

Так, сингармонизм, будучи общим для всех тюркских языков структурно-типологическим явлением, проявляется по-разному, т.е. имеет свои сходные и отличительные особенности.

В силу этого, нам представляется актуальным рассмотреть сингармонизм в современных тюркских языках в сравнительно-историческом аспекте для того, чтобы выявить сходства и отличия в проявлении данного явления в этих языках и дать их формальное описание.

Как справедливо отмечают Б.П.Ардентов и Т.П.Ломтев: "...Сравнительно-историческое языкознание изучает историю языков и устанавливает степень их родства в их генетических связях"; [15, с. 173], а также "... Сравнительно-исторический метод есть метод познания закономерного развития языка, он был и является единственным методом исторического исследования закономерного хода развития языка" [112, с. 63].

По этой причине возникает большой интерес сравнительного исследования сингармонизма не только на основе материалов тюркских языков всех групп, но и языка древнетюркских письменных памятников и который занимает важное место в фонетике данных языков.

Кроме того, нами дается формальное описание закона гармонии в древнетюркских письменных памятниках, в современных тюркских языках: до сих пор формально

описывался лишь закон гармонии гласных, а гармония согласных не затрагивалась.

Сингармонизм являясь специфическим явлением, присущим тюркским языкам, отличает их от других языковых систем.

В данной работе сингармонизм рассматривается на фоне фонетического, морфологического и морфонологического ярусов языка, описываются отдельно закон гармонии гласных, закон гармонии согласных, выявляются также особенности их проявления, так как палатальный сингармонизм прослеживается в тюркских языках относительно одинаково, а что касается губного сингармонизма, то он проявляется довольно разнообразно.

После описания каждого вида закона гармонии дается таблица, где рассматриваются переходы гласных, их соответствия, для более наглядного представления степени проявления данного закона в тюркских языках.

Для сравнения сингармонизм рассматривается также в нетюркских языках, таких, как венгерский, монгольский и финский, которые являются агглютинативными языками.

По-нашему мнению, закон гармонии проводится более последовательно в современных тюркских языках, нежели в письменных памятниках, в диалектах и говорах данных языков.

С целью доказательства нами приводится много фактического материала, где зарегистрированы случаи нарушения закона гармонии в письменных памятниках, диалектах и говорах тюркских языков.

Но может возникнуть вопрос: "Разве в тюркских литературных языках не существуют случаи нарушения закона гармонии?" Да, существуют, но лишь в заимствованных, сложных словах и в словах с начальным "и" в твердорядных словах, который в древнетюркском языке выступал как "ы". Что же касается нарушений в письменных памятниках,

в диалектах и говорах тюркских языков, то они наблюдаются, в большинстве случаев, в исконно тюркских языках. Это, в свою очередь, является доказательством того, что с процессом дальнейшего развития и формирования норм литературного языка закон гармонии стал более последовательно проводится в тюркских языках, нежели в письменных памятниках, в диалектах и говорах тюркских языков.

Несмотря на то, что основной целью данного исследования является формальное описание закона гармонии в современных тюркских языках, дается также для сравнения формальное описание случаев нарушения его в древнетюркских письменных памятниках, диалектах и говорах тюркских языков.

Основной задачей данной работы является определение, помимо общих черт, также отличительных особенностей закона гармонии в современных тюркских языках с исследованием лингвистической сущности данного разнообразия. Подход к проблеме с этой точки зрения делает необходимым истолкование явлений закона гармонии в современных тюркских языках на уровне фонетических исследований. Лишь объяснение фонетического строя современных тюркских языков на современном научном уровне может раскрыть основную суть закономерностей сходных и отличительных черт закона гармонии в родственных языках.

Целью исследования является определение основных характерных особенностей, сходных и отличительных черт закона гармонии, формальное описание данного явления с целью выявления степени проявления его в современных тюркских языках, выявление тенденции развития закона гармонии в тюркских языках.

Для достижения этой цели необходимо в первую очередь выполнить следующие задачи в современных тюркских

языках:

- 1) Описание закона небной гармонии гласных
- 2) Описание закона губной гармонии гласных
- 3) Описание закона гармонии согласных
- 4) Описание случаев нарушения закона гармонии в письменных памятниках, в диалектах и говорах тюркских языков

5) Составление таблиц, соответствующих тому или иному закону гармонии в древнетюркских письменных памятниках, современных тюркских языках, диалектах и говорах тюркских языков.

В данном исследовании впервые дано системное исследование закона гармонии во всех существующих современных тюркских языках. Впервые проведено формальное описание не только закона гармонии гласных, но и согласных, с помощью чего выявляется наибольшая или наименьшая степень проявления данного явления, дается наглядное представление о состоянии закона гармонии в современных тюркских языках. Впервые на материале современных тюркских языков определены сходные и отличительные особенности закона гармонии.

Исследования, проведенные в связи с данным фонетическим явлением способствуют расширению границ теоретической общности. Это также дает возможность еще глубже исследовать фонетический строй конкретного тюркского языка в отдельности, определения лингвистической сущности отдельных явлений сингармонизма. С другой стороны, данное исследование способствует изучению фонетического строя современных тюркских языков в общетюркологическом контексте. Вышесказанное, в очередной раз, подчеркивает теоретическую ценность данного исследования.

Важна также практическая ценность исследования. Результаты исследований, связанные с теоретическим изучением закона гармонии в современных тюркских языках, могут быть использованы в процессе составления учебников, учебных пособий и сравнительной грамматики современных тюркских языков.

Основным объектом исследования является закон гармонии в современных тюркских языках. В процессе работы, с целью сравнения, исследовался также закон гармонии в древнетюркских письменных памятниках и других нетюркских языках. Затрагивались также случаи нарушения закона гармонии на материалах письменных памятников, диалектов и говоров современных тюркских языков.

ГЛАВА 1. СИНГАРМОНИЗМ НА ФОНЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО, МОРФОЛОГИЧЕСКОГО И МОРФОНОЛОГИЧЕСКОГО ЯРУСОВ ЯЗЫКА

1.1. Сингармонизм в качестве предмета морфонологии, закона гармонии гласных, согласных и просодического средства

Это оригинальное явление, именуемое сингармонизмом в тюркских языках, привлекает внимание многих исследователей, причем не только тюркологов, но и теоретиков общего языкознания.

Благодаря сопоставительно-типологическому анализу с языками других генеалогических семей теоретики общего языкознания установили, что сингармонизм в полном виде проявляется лишь в тюркских (“туранских”) языках.

О происхождении гармонии гласных бытует фактически одна точка зрения, объясняющая возникновение ее необходимостью фонетического выражения смысловой целостности слова. Впервые ее высказал А.Шлейхер [195, с. 69-70] и она была поддержана В.В.Радловым, Л.Адамом, И.А.Бодуэном-де-Куртенэ и другими [195, с. 70].

А.А.Реформатский отмечает, что “сингармонизм же в таких языках, как тюркские, - не просто фонетическое явление и тем более не только разновидность ассимиляции, а фундаментальное структурно-типологическое явление, затрагивающее не только все уровни фонетического яруса структуры языка, но и ярус морфологический” [170, с. 434].

Из вышеприведенного высказывания А.А. Реформатского по- нашему мнению, следует, что сингармонизм необходимо рассматривать в качестве

морфонологического явления.

Кстати, про морфонологию говорится в “Введении в языкознание” следующим образом: “Между фонологическим и морфологическим ярусами есть зона морфонологии, не образующая особого яруса, а входящая как особая сфера и в фонологию, и в морфологию [134, с. 93].

Другое определение морфонологии выглядит следующим образом: “Морфонология - раздел языкознания, изучающий связи между фонологией и морфологией, т.е. использование фонологических средств в словоизменении и в словообразовании” [24, с.232].

Ф.А.Джалилов рассматривает закон гармонии как предмет морфонологии, так как явление аблаута утратило свою функцию ее в раннем пратюркском языке [206, с. 63].

Г.Шухардт справедливо отмечает: “Фонетические законы не знают исключений в течение “известного периода времени”. Это лишь уточняющее определение. Иными словами, в течение известного периода времени, который может быть определен лишь по своему завершении, фонетический закон осуществляется на всей территории, занимаемой языковым сообществом, и действителен по отношению ко всей совокупности речевого материала” [194 с. 36].

Как отмечают А.Н.Савченко и В.В.Иоффе: “... но вместе с тем многие процессы, происходящие в языке, не вызываются какими-нибудь сознательными стремлениями людей и не связаны с развитием общества. Таковы фонетические и некоторые морфологические изменения...” [159, с. 5].

Так сингармонизм будучи фонетическим законом тюркских языков осуществляется на всей территории проживания тюркских народов.

В.Б.Касевич также указывает на непосредственную связь сингармонизма с морфонологией, относя его к трем

разделам морфонологии.

Так, В.Б.Касевич высказывает следующее: “Во-первых, законы сингармонизма определяют фонологический облик морфем, диктуя, какие фонемы могут сочетаться в пределах морфемы, а какие - нет. Во-вторых, фонемы аффиксов в сингармонических языках варьируют в зависимости от фонологических характеристик корня, “при котором” они находятся. В-третьих, законы сингармонизма определяют фонологический облик слова (словоформы) в целом” [96, с. 119-120].

Третий пункт, В.Б.Касевич рассматривает как производный от двух первых.

Т.Садыков также относя сингармонизм к явлениям морфонологии, справедливо подчеркивает: “Сингармонизм как главный источник алломорфии в тюркских языках, безусловно, относится к явлениям морфонологическим...” [160, с.19].

В настоящее время о наличии централизующей функции гармонии гласных, которая проявляется в свою очередь в указании на границы слова и в выделении слова как особого, относительно замкнутого, фонетического комплекса, отмечают многие тюркологи [177, с. 311, 312].

В возникновении закона сингармонизма основную роль играют закономерные связи гласных звуков. Одним из ведущих факторов закона гармонии является иерархия сильных-слабых звуков, которая является основным принципом их внутренних связей. Взаимодействие равноправных и сильных звуков осуществляется на основе данной иерархии.

В законе сингармонизма наблюдается также сопровождение сильных звуков слабыми, что является своего рода парадоксальностями данной системы связей [196, с. 25]

Как отмечает М.И.Юсифов: “Однако подобная парадок-

сальность за счет агглютинативного характера тюркских языков в основном превращается в норму рече-языковых отношений и отмечается как новый этап развития закона гармонии. В превращении парадоксальных связей в норму важную роль играет и то, что сильной позицией характеризуется начальный слог в слове, слабой - последующий". Далее он отмечает следующее: "В противоположность дихотомии сильных-слабых звуков, сильная позиция, выступая в отношении с сильным звуком, находящимся в слабой позиции, как бы обеспечивает сильное качество слабого звука. Другими словами, в парадоксальных случаях иерархия сильных-слабых звуков регулируется сильными и слабыми позициями слова" [196, с. 25].

Двухуровневая природа тюркского сингармонизма оставалась общим положением до тех пор, пока В.А.Богородицкий не сформулировал законы сингармонизма в тюркских языках в своем фундаментальном для тюркологии теоретическом труде "Введение в татарское языкознание", опубликованном в 1934 г. (см. 2-е изд.1953).

По В.А.Богородицкому, основание тюркской гармонии гласных заключается в морфологическом строе этих языков. В этой связи заслуживают внимания следующие наблюдения В.А.Богородицкого: "... а именно - в полном отсутствии префиксов и в наличности лишь аффиксов, всегда идущих за корнем, этою главною морфемою корня" [53, с.50].

В ряде общетюркологических трудов и в работах по конкретным тюркским языкам рассматривание явления сингармонизма как разновидность ассимиляции в последние годы определило и аспект его изучения. Уточним, что законы чередования гласных на основе материала одного языка (включая его диалекты) и на материале различных

тюркских языков формулировались при характеристике вокализма. Сингармонизм сводясь к гармонии гласных в слове, растворялся в общих явлениях ассимиляции звуков. Необходимо отметить заслугу В.А.Богородицкого, которая заключалась в том, что он сформулировал законы сингармонизма гласных в синхроническом и диахроническом аспектах, рассмотрев гласные в рамках этого тюркского явления, а также выделил то общее, что характерно для каждого гласного звука в отдельности, и это общее сделалось им предметом специального рассмотрения [170, с. 435].

Следует отметить, что В.А.Богородицкий выдвигая новый взгляд на сингармонизм, рассматривает его на фонологическом уровне.

А.А.Реформатский видя в этом заслугу В.А.Богородицкого, пишет: "Поразительно, как без фонологической убежденности Богородицкий сумел так фонологично поставить вопрос" [170, с. 435].

В.А.Богородицкий сформулировал следующее положение о том, что "вокализм корня представляет одну существенную особенность сравнительно с вокализмом придаточных морфем: в нем гласные выступают каждый в своей индивидуальности без чередования с другими гласными, тогда как в придаточных морфемах гласные ограничены двумя основными типами - либо гласный широкий, либо узкий, видоизменяющееся сообразно с вокализмом корневым в отношении палатальности или непалатальности, а также губности или ее отсутствия" [170, с. 436].

Мы не согласны с данным высказыванием В.А. Богородицкого, так как, считаем, что гласные корня также чередуются между собой и, что сингармонизм в тюркских языках сводится к уподоблению не только гласных аффикса корневым гласным, но и к уподоблению гласных последующих слогов гласным начального слога слова.

В тюркских корнях В.А.Богородицкий выделяет “классическую восьмерку” гласных (а/ä, ы/ï, о/ö, у/ü) и два основных типа аффиксального (по Богородицкому - суффиксального) вокализма - с широким гласным (а/ä) и с узким гласным (ы/ï) [170, с. 436].

Н.С.Трубецкой в статье о типах вокализма (1929), а затем в своей классической работе “Основы фонологии” (1939; русск. перевод. 1960) сформулировал закон о гласных корня и аффиксов тюркского слова на фонологическом уровне.

В первой работе Н.С.Трубецкого высказывается мысль о том, что в аффиксах тюркских языков есть две гласные фонемы: широкая и узкая (т.е. “а” и “ï”), прочие же гласные звуки являются фонетической реализацией сингармонизма, обусловленной вокализмом корня [149, с. 137].

Выделяя ту же “классическую восьмерку” гласных (о, и, а/ï, ö/ü, ä/ï - транскрипция Трубецкого) он отмечает: “В тех тюркских языках, где последовательно осуществляется так называемая “гармония гласных”, приведенная выше система наличествует в полном, то есть фонологически значимом, виде лишь в первом слоге слова; во всех прочих слогах тембровые противоположения нейтрализуются и тембровые признаки гласных непервого слога своей реализации равняются на гласный предшествующего слога” [170, с. 436]. Следовательно, Н.С.Трубецкой рассматривает вокализм корней и вокализм аффиксов в сингармонистических языках тождественными фонетически, но не фонематически.

В своей формулировке к рассуждению В.А.Богородицкого, Н.С.Трубецкой дополняет мало: те же восемь гласных в корнях (или в первом слоге) и два в аффиксах, но в терминологическом аспекте интерпретация иная [149, с. 137].

Необходимо отметить, что природа сингармонизма стройно теоретически истолковывалась для всех авторов последующих работ в области сингармонизма в трудах В.А.Богородицкого и Н.С.Трубецкого. Эта теория является фундаментальной, несмотря на то, что в процессе исследования усложняются задачи, меняется их целенаправленность, применяются новые методы и т.д. Сформулированные В.А.Богородицким законы сингармонизма, а также фонологически решенная проблема сингармонизма в тюркских языках Н.С.Трубецким все еще являются бесспорной научной истиной [170, с. 436].

Но, несмотря на то, что Трубецкой был одним из первых, кто попытался рассмотреть проблему сингармонизма в рамках общей фонологической теории, как было изложено выше, он тотчас же нашел своего оппонента в лице Л.Новака. Л.Новак возражая против предложения Трубецкого об определении аффиксального вокализма как архифонем, что сводит сингармонизм к одному из типов нейтрализации, отметил, что несмотря на экзоцентрическую обусловленность сингармонизма, оппозиции по тембру присущи как к корню, так и аффиксу, и по этой причине в обоих случаях следует говорить о фонемах, а не о вариантах фонем или архифонемах. Собственно, сам Л.Новак вместо нейтрализации предпочитает видеть в сингармонизме зависимую альтернацию фонем, которая отличается им от комбинаторной альтернации, при которой чередуются варианты одной фонемы [143, с. 345].

Мы также примыкаем к данной точке зрения Л. Новака, так как нам представляется, что в аффиксальном вокализме наличествуют фонемы, а не варианты фонем.

Н.С.Трубецкой рассматривает гармонию гласных как особый вид афонематического группового сигнала [177, с.

311].

Н.С.Трубецкой также полагает, что необходимо отличать так называемый сингармонизм от “гармонии” гласных [177, с. 312]. Мы не разделяем данной концепции Н.С.Трубецкого, так как рассматриваем сингармонизм в качестве гармонии гласных и согласных.

Закон гармонии гласных интерпретируется А.Н.Кононовым следующим образом: “Закон гармонии гласных состоит в том, что гласные как в составе слова турецкого корня, так и в соединении корня с аффиксами качественно определяются гласным первого слога” [103, с. 35].

Что же касается В.А. Богородицкого, то он по поводу закона гармонии гласных отмечает следующее: “Явление это состоит в том, что гласным корня определяется характер последующих гласных” [52, с. 268].

А.Н.Кононов указывает на влияние закона гармонии при варьировании аффиксов и по этому поводу пишет: “В силу этого звуковой состав турецких аффиксов не стабилен и варьируется в зависимости от фонетического состава корня или основы слова как по линии гласных, так и по линии согласных” [103, с. 35].

Небезынтересно отметить, что Н.С.Трубецкой сравнивая сингармонизм с тональностью в музыке, высказывает следующее: “... в “сингармоническом” языке каждое слово представляет собой как бы ряд звуков, имеющий определенную тональность, причем язык знает только две такие тональности, и изменение ее внутри предложения используется в качестве сигнала границы между словами. Но если в “сингармонических” языках слово представляет собой, так сказать, единство в плане характерного тона, то в других языках тона оно рассматривается как определенное ритмическое единство” [177, с. 313].

Так, все вышесказанное, в очередной раз, подтверждает непосредственную связь сингармонизма с морфонологией.

Сингармонизм рассматривается Ж.Абуовым следующим образом: "...сингармонизм - не просто фонетический факт казахского языка, а фундаментальное явление, на основе которого осуществляется вся словесная, слоговая и звуковая реализация казахской (тюркской) речи" [3, с. 16].

При изучении тюркского сингармонизма встает еще один существенный вопрос: относится ли сингармонизм также и к согласным?

Н.К.Дмитриевым этот вопрос решается однозначно: "Сингармонизм делится на гармонию гласных и гармонию согласных" [170, с. 436]. "Гармония согласных заключается в ассимиляции согласных по звонкости и глухости: и после конечных согласных корня (основы) должны следовать начальные звонкие согласные аффикса и обратно" [76, с. 11; 170, с. 40].

По этому поводу представляют большой интерес следующие наблюдения А.А. Реформатского: "Прежде всего чисто фактически сингармонизм касается не только гласных, но и согласных, о чем уже неоднократно говорилось в науке, во-вторых, сингармонизм вовсе не только ассимиляция гласных, изучаемая в фонетике на фонетическом уровне, а прекрасный пример суперсегментного явления, затрагивающего все три фонологических уровня, и, в-третьих, явление, охватывающее и единицы других ярусов языковой структуры (морфему и лексему), и при том явление, очень важное для структурно-типологического понимания агглютинирующих языков" [149, с. 134].

Однако возникает, в свою очередь, еще и другой вопрос: зависит ли качество согласных звуков от гармонии глас-

ных? Иначе говоря, влияют ли на звучание соседних согласных палатальный сингармонизм и губной сингармонизм? Если ответ утвердительный, то, соответственно, возникает другой вопрос: оказывает ли влияние на предшествующий согласный и последующий или лишь на один из них?

Именно в таком порядке рассматриваются некоторыми исследователями согласные в связи с гармонией гласных.

Что касается того, что сингармонизм охватывает не только гласные, но и согласные, то тоже было высказано много различных мнений, с некоторыми из которых мы также согласны.

В особенности с вышеприведенными высказываниями Н.К.Дмитриева и А.А.Реформатского, так как, по-нашему мнению, сингармонизм должен распространяться не только на гласные, но и на согласные, в силу того, что при уподоблении согласным корня аффиксальных согласных тоже прослеживается гармония.

По этому поводу А.А. Реформатский приводит следующее высказывание Ж.Дени: "Явление гармонии гласных, что касается по существу только гласных, имеет отзвук в некоторых согласных, например, в гуттуральных и в латеральном вибранте" [149, с. 135].

А.А.Реформатский это соображение находит справедливым, но недостаточно, и высказывает следующее: "... так как не только "гуттуральные" и латеральные будут разными в словах заднего и переднего сингармонизма, но и носовые, переднеязычные взрывные и фрикативные, коротко говоря, все согласные, кроме йота, могут быть представлены в двух разновидностях, в словах заднего и переднего сингармонизма, что только более ощутимо и очевидно для "к", "г" и "л"" [149, с. 135].

Подобно Ж.Дени, этот вопрос интерпретировался и Н.К.Дмитриевым. Однако Ф.А.Кязимов относясь к этому критически отмечает следующее: "... проф. Дмитриев отмечает, что "несколько иначе обстоит дело со звуком л, который имеет два варианта, доходящие, строго говоря, до положения отдельных фонем". Едва ли можно согласиться с этими фонологическими оценками. Если выбор между двумя звуками обуславливается фонетическим окружением, то мы имеем дело не с двумя фонемами, а с двумя комбинаторными вариантами одной фонемы" [111, т. XIII, 1954].

Ф.А.Кязимов же считает, что "...сингармонизм в тюркских языках распространяется не только на гласные, но и на согласные" [111, т. XIII, 1954]. Прийти к этому выводу Ф.А.Кязимову позволило экспериментальное исследование звукового состава азербайджанского языка.

Правильность положения о том, что в тюркских языках сингармонизм распространяется и на гласные, и на согласные, но в отношении последних сингармонизм выражается в том, что звуковая окраска согласного меняется в зависимости от гласного как элемента сингармонистического звукового комплекса, подтверждается новым исследованием вопросов сингармонизма на материале казахского языка А.Джунисбекова. А.Джунисбековым были исследованы фонетические свойства согласных в этих комплексах и выявлены изменения в артикуляции сочетаний согласных с гласными. А.Джунисбеков отмечает, что: "Гласные казахского языка сочетаются только с определенными оттенками согласных, и, наоборот, в зависимости от соседних гласных согласные приобретают различные оттенки. Ни один из них нельзя назвать основным... Все они равноправные оттенки одной фонемы" [170, с. 437].

Сформулировать это положение позволили ему фоноло-

гический и экспериментально-фонетический анализ.

Далее отмечается, что “оттенки согласных фонем по своим артикуляционно-акустическим признакам также вполне определенно соответствуют тому или другому сингармоническому варианту”. Гармония гласных рассматривается автором в общепринятом порядке, в двойном виде: палатальность/непалатальность, губность/негубность [170, с. 437].

Таким образом, мы придерживаемся той точки зрения, в которой сингармонизм рассматривается не только как гармония гласных, но и согласных.

Необходимо отметить, что сингармонизм быстрее всех других подобных явлений, наличествующих в языке, оказался в центре внимания исследователей и был отмечен в качестве основного просодического средства в системе агглютинирующих языков. Подразумевается, во-первых, ударение, которое несмотря на то, что в агглютинативных языках сравнительно слабо выражено, тем не менее, выполняет существенную просодическую, в частности, кумулятивную функцию [50, N 2, 1968].

Некоторые лингвисты (В.В.Радлов, Л.Адам, И.А.Бодуэн де Куртенэ и другие) приписывают гармонии гласных ту функцию, которая во многих других языках присуща ударению [195, с. 70].

Относительно тезиса А. Шлейхера о сингармонизме, Бодуэн де Куртенэ считал, что гармония гласных в структуре слова агглютинативных языков играет такую же роль, как и ударение в индоевропейских языках.

Необходимо отметить, то формулирование акцентной значимости этого явления более точно отразилось в трудах И.А.Бодуэна де Куртенэ. По этому поводу И.А.Бодуэн де Куртенэ высказывает следующее: “Гармония гласных в ту-

ранских языках служит, так сказать, цементом, соединяющим или связывающим слоги в словах. В арио-европейских языках эту роль соединения слогов в слова играет прежде всего ударение... В арио-европейских словах до тех пор нельзя говорить о цельных словах, пока отдельные слоги и сочетания звуков, корни, суффиксы и вообще приставки, окончания и т.д. не соединены в одно целое свойственным одному из них ударением... В туранских языках отдельные слоги и комплексы (сочетание звуков) нужно считать самостоятельными словечками, если они в известном выражении сохраняют свойственные им гласные, вопреки закону гармонии гласных. Если же они склеены цементом гармонии гласных, в таком случае вместо нескольких односложных слов образуют одно многосложное слово..." [167, с. 322, 323].

В.А.Богородицкий, возражая против данного заявления И.А.Бодуэна де Куртенэ, отмечает следующее: "Я не могу согласиться с проф. И.А.Бодуэном де Куртенэ, противопоставляющим туранскую гармонию гласных индоевропейскому ударению...", и далее: "Ударение индоевропейских языков необходимо сопоставить с ударением же в языках туранских."

Мы также не согласны с высказыванием И.А.Бодуэна де Куртенэ, так как считаем, что подобное можно было бы предполагать лишь при отсутствии ударения в тюркских языках.

И.А.Бодуэн де Куртенэ соглашаясь с этими примечаниями Богородицкого, возражает другому, которое гласит следующим образом: "Ведь в последних, как, и в первых, всякой форме слова свойственно определенное ударение." И.А.Бодуэн де Куртенэ в свою очередь, отмечает: "В том то и дело, что формам слов в языках "туранских", то есть ура-

ло-алтайских и угро-финских, чуждо известное определенное ударение...” [55, с. 34].

По И.А.Бодуэну де Куртенэ, определенное ударение свойственно “туранскому” слову лишь как отдельно произносимому синтаксическому целому, а не как морфологически сложному целому [55, с. 34].

А.А. Реформатский по этому поводу приводит высказывание В.В.Радлова, где он назвал это сопоставление И.А.Бодуэна де Куртенэ “блестящим”, отметив, в свою очередь, что сингармонизм “применяется как морфологическое словообразующее средство” и что “причина возникновения гармонии гласных лежит в морфологии и теснейшим образом связана с внутренней формой урало-алтайских языков” [149, с.96].

По поводу отождествления сингармонизма с ударением В.И.Золхоев приводит следующее высказывание Н.А.Оглобина: “Для “склеивания” корневых морфем с постфиксами в единое слово используется сингармонизм гласных: “В языках агглютинативного строя морфемы обладают большей семантической самостоятельностью, чем в языках флективного строя. Для скрепления такого рода морфем в слова, то есть для создания смыслового и фонетического единства слова, нужен “цемент”. Если в арио-европейских языках эту роль играет ударение, то в урало-алтайских эту роль играет сингармонизм. Как видим, закон гармонии гласных является средством скрепления морфем в единое слово; исторически же сингармонизм, следствие морфемного членения слова” [87, с. 5].

Как отмечает А.М. Щербак, В.В.Радлов по поводу уподобления гармонии гласных ударению высказывается однозначно: “Задача резко выделяемого ударения в индоевропейских языках - группировать слоги и корни в единое

целое, в урало-алтайских и главным образом и в тюркских языках выпадает на долю гармонии гласных” [195, с. 70].

Бодуэн де Куртенэ, полагает, что соединение и сцепление морфем в слове зависят в этих языках от гармонии гласных и что цельность слова в туранских языках основана главным образом на ней. Это выявляется из того, что он и здесь отождествляет гармонию гласных с ударением в индоевропейских языках.

Таким образом, Бодуэн де Куртенэ рассматривает гармонию гласных в качестве такого же просодического средства, как и ударение. Эту точку зрения Бодуэна де Куртенэ полностью разделяют современные лингвисты. Так, как отмечает Т.А.Бертагаев, например, ученик А.А.Реформатского В.А.Виноградов высказывает следующее: “Многосторонняя функциональная нагрузка сингармонизма ставит его в один ряд с таким универсальным просодическим средством, как ударение [50, N 2, 1968].

В.Б.Касевич также разделяя концепцию И.А.Бодуэна де Куртенэ, высказывает следующее: “...тезис об ударении и сингармонизме как о “цементе”, склеивающем слоги в слова, справедлив преимущественно в применении сингармонизма...” Однако В.Б.Касевич приводит ряд существенных оговорок; так он отмечает: “... во-первых, речь должна идти не о слогах, а о морфемах; во-вторых, не существует самого процесса “склеивания” - имеет место процедура заполнения абстрактных схем словоформ, входящих в предложения, конкретными морфемами, при которой морфемы должны согласовывать определенным образом свои фонологические характеристики; в-третьих, это чисто фонологическая, а не фонетическая консолидация” [96, с. 127].

Так, В.Б.Касевич относительно уподобления сингармонизма ударению подчеркивает следующее: “Разумеется,

речь здесь может идти только о, так сказать, предрасположенности к сочетанию двух явлений - наличия сингармонизма и отсутствия ударения, а не об обязательной их связи" [95, с. 183].

Мы предполагаем, что эти две величины, по всей сути, разные и их нельзя отождествлять по их значимости в структуре слова. Так, к примеру, Т.А.Бертагаевым выдвигался ряд доводов против тезиса И.А.Бодуэна де Куртенэ о приравнивании гармонии гласных ударению. Как отмечает Т.А.Бертагаев: "...ударение тесно, органически связано со структурой слова как бы слито если можно так сказать, с ней в единый корпус слова, изъятия ударения или его исчезновение нарушает всю структуру слова, и слово как таковое перестает существовать - это общеизвестно и не требует особых доказательств". А также Т.А.Бертагаев пишет, что "сингармонизм не является суперсегментом ни по своей акустико-физической природе, ни функционально" [50, N 2, 1968].

Мы полностью примыкаем к данной точке зрения Т.А.Бертагаева, так как, по-нашему мнению, нарушение сингармонизма или его исчезновение в ряде случаев никак не отражается на существе слова, а исчезновение ударения, как было сказано выше, нарушает всю структуру слова.

Т.А.Бертагаев приводит следующее высказывание А.А.Реформатского, где указывается, что "он обладает "силой", "суперсегментно воздействующей на фонемный уровень и создающий аллофонические вариативы подфонемного уровня" [50, N 2, 1968].

Т.А.Бертагаев полагает, что "вариативы подфонемного уровня (а то, что они вариативы, - совершенно справедливо) в языках типа монгольского обязаны своим появлением прогрессивной ассимиляции и подчинены как звуки слабой

позиции “силе” в огласовке корня. В огласовке корня нет иной “силы”, кроме “силы” словоразличителя, как и в любой фонеме”. Едва ли есть основание относить это “заурядное” явление к “силам”, действующим в надфонемном уровне, поднимать сингармонизм, являющийся следствием прогрессивной ассимиляции, до роли ударения и наделять его полнотой функций ударения [50, N 2, 1968].

Приведем для наглядности несколько случаев нарушения закона гармонии.

Наиболее выраженное нарушение сингармонизма наблюдается в дунсянском монгольском языке Китая, несмотря на то, что по своему морфологическому типу этот язык мало чем отличается от всех других монгольских языков [175, с. 89]. Нарушение наблюдалось также и в древнем монгольском языке. Известный монголист Б.Я.Владимирцов высказывает по этому поводу следующую мысль: “Стройная система гласных древнего монгольского письменного языка, с правильным делением на два ряда... существовала сравнительно недолго” [61, с. 119].

Так, в языке памятника первой половины XIV в. “Сокровенное сказание монголов” неоднократно встречаются случаи нарушения сингармонизма: *ögödaï* вместо *ögödei*, *keebe* вместо *keebe*, *medeülba* вместо *medeülbe*, *ireba* вместо *irebe*, *ögtügaï* вместо *ögtügei*, *medetügaï* вместо *medetügei*, *törelegaï* вместо *törelegei* и др [98, с. 486, 501, 503].

Как отмечает Т.А. Бертагаев, во второй части диалектологического труда Н.Н.Поппе по аларскому говору монгольского языка, посвященном целиком текстам, которые были записаны во время полевой экспедиции ученого, можно встретить ряд словоформ с нарушениями сингармонизма. Различные падежные и другие аффиксы являются теми элементами, которые не подверглись сингармоническому

уподоблению [50, N 2, 1968].

В книге Н.Н. Поппе “Аларский говор” приводятся несколько примеров: по закону регрессивной ассимиляции под влиянием аффиксальной гласной и (i) корневые заднеязычные гласные переходят в переднеязычные: ушхајін- вин. пад. в притяжательной форме (от ушха “легкие”), og`boгjё-вин. пад. /от og`огон “шаманка”). м`ахаје- вин. пад./ от м`ахан- “мясо”) и др [142, с. 96, 99, 105].

Необходимо указать, что А.Д.Руднев справедливо отмечает: “если явление регрессивной ассимиляции нарушает гармонию гласных, то, конечно, в монгольских живых говорах этой гармонии нет” [150, с. 228].

Процесс десингармонизации является распространенным во многих монгольских языках. Наиболее последовательно десингармонизация наблюдается в монгольских языках Китая и широко охватывает самые разнообразные формы слов. По Б.Х.Тодаевой, этот процесс охватил в дунсянском и баоаньском языках формы не только словоизменения, но и словообразования. По этому поводу Б.Х.Тодаева высказывает следующее: “Суффиксы словоизменения и словообразования не имеют в дунсянском языке фонетических вариантов в зависимости от характера гласного основы”, то же самое относится и к баоаньскому языку [175, с. 89].

Относительно десингармонизации аффиксов Т.А.Бертагеев отмечает следующее: “Десингармонизованный аффикс подобного рода настолько прочно и органически слит со всем составом слова, что ни о какой самостоятельности его не может быть и речи, вопреки утверждениям тех сторонников сингармонизма, которые видят в последнем основное средство кумуляции агглютинативного слова”. Далее высказывает следующее: это видно хотя бы из того, что не под-

чинающийся сингармонизму аффикс может инфиксироваться между основой слова и любым сингармоническим аффиксом, фонетически видоизменяя последний. Например, в формах прошедшего времени: гаргаба “выпустил” - гарга́шхэбэ, ха́жаба “бросил” - ха́жашхэбэ и др. А случается и так, что сингармонические аффиксы во многих случаях бывают присоединены к основе слова слабее, чем несингармонизованные. Например: газар “земля” - твор. пад. газар-аар, но вин. пад. газар’е: зон народ - твор. пад. зон-оор, но вин. пад. зө́је и др. Здесь в формах твор. падежа основа остается без изменения, и аффикс как бы придвинут к ней, а в формах вин. пад. благодаря изменению основы аффикс как бы вдвинут в нее” [50, N 2, 1968].

Таким образом, из вышесказанного следует, что мысль о том, что сингармонизм есть “основной парадигматический акцент туранского слова (кумулятивная просодия)”; не подтверждается материалами монгольских языков, которые являются одним из самых типичных представителей так называемой “туранской” группы.

Также представители лондонской фонологической школы разрабатывают просодическую методику описания сингармонизма. Джон Лайонз указывая на избыточность фонематического представления многосложного слова в турецком языке отмечает, что “преимущества просодического подхода к описанию турецкой фонологии слова особенно ощущается при переходе от фонологического уровня к морфологии”. Фонологически единообразное представление основы и аффикса урало-алтайского слова является одним из следствий применения просодического метода.

То, что фонологически выглядит как “gözlerimizden” (поссесивный аблатив 1л.мн.ч. от göz “глаз”), морфофонетически (терминология Дж.Лайонза) как gözlx²tx⁴mx⁴zdx²n>

просодически кодируется в виде FR gazlari-mizdan, где F и R- просодические кванторы переднего ряда и лабиализованности [143, с. 347].

Как отмечает В.А.Виноградов: “Просодический квантор, таким образом, в фонологическом отношении представляет собой некоторый дифференциальный признак, релевантный с точки зрения сингармонизма. Морфонологическим содержанием операции квантификации является фонологическое ковариирование морфологических компонентов слова. Степень общности квантора определяется зоной активности соответствующего дифференциального признака. Из сказанного следует, что, вообще говоря, просодический квантор может быть как словесным, так и слоговым, или, в ином аспекте - как словесным, так и морфемным” [143, с. 347].

Таким образом, в тюркских языках, как и в любом другом, наличествует несколько акцентных (просодических) средств, из которых одни являются основными, другие дополнительными. Сингармонизм является основным акцентным средством, характеризующим слово, а ударение является дополнительным акцентным средством. Следовательно, чем последовательно проводится сингармонизм, тем роль ударения становится меньше, наоборот, чем больше нарушений, тем более весомым становится ударение в комбинации с набором грамматических средств, которыми различаются звуковые комплексы, являющимися словами в качестве отдельных частей речи или частиц [170, с. 439].

По-нашему мнению, сингармонизм и ударение нельзя отождествлять, так как эти оба явления в тюркских языках наличествуют одновременно и им присущи различные функции.

А теперь перейдем к рассмотрению понятий разновид-

ностей закона гармонии в интерпретации некоторых языковедов.

Как известно, закон гармонии является важной фонетической особенностью, тесно связанной со звуковой системой и морфологической структурой тюркских языков.

Д. Харрисон справедливо отмечает, что гармония гласных, будучи системой местонахождения среди обычных классов гласных фонем, играет большую роль в организации звуковых систем в урало-алтайских (и особенно в тюркских) языках [249].

Общеизвестно, что исконно тюркские слова состоят либо лишь из передних, либо из задних гласных, и все аффиксы должны подчиняться гласным предшествующего слога слова [250].

Гармония гласных наблюдалась неоднократно в языках мира хотя конечно детали этого явления изменялись в данных языках.

Гармония гласных обнаруживалась в тюркских языках, в монгольских языках и в уральских языках (таких как финский и венгерский) [253].

Прогрессивная гармония гласных сравнивалась с видом прогрессивного умлаута, в которых гласные аффикса гармонируют с таковыми корня [256].

В азербайджанском языкознании о палатальной и губной гармониях высказывались различные мнения.

Э.Азизов отмечает, что исследователи, рассматривая гармонию гласных по положению языка и губ, использовали различные термины и по-разному истолковывали понятие палатальной и губной гармонии [210, № 1-4, 2000].

А.Дамирчизаде и М.Ширалиев рассматривают палатальную гармонию как гармонию нелабиализованных гласных [208, с. 130; 222, с. 59, 60], М.Гусейнзаде как гармонию

языково-небных гласных, Ф.Джалилов как небную гармонию [211, с.38, 41]; [205, с.69], по терминологии А. Алекперова, отмечает Э.Азизов, - “небная гармония” [210, №1-4, 2000]. По Б.Чобанзаде, подчеркивает Э.Азизов, в палатальной гармонии небные гласные следуют друг за другом. Б.Чобанзаде к небным гласным относит переднерядные е, і, ө, ұ, а к не-небным - заднерядные гласные а, ı, о, ы [210, №1-4, 2000]. Таким образом, Б.Чобанзаде рассматривает небную гармонию по признаку твердояркости-мягкостности [210, №1-4, 2000].

Относительно сингармонизма губных гармоний гласных в огузских языках, М.И.Юсифов отмечает, что он развит слабее, чем небных. Слабый сингармонизм губных гласных по сравнению с небным, М.И. Юсифов объясняет тем, что эти гласные по своему возникновению преимущественно относятся к более позднему времени, чем небные. С другой стороны он отмечает, что небные гласные по определенной корреляции в фонологическом отношении являются более сильными звуками, чем губные [196, с.26].

Ш.Абдуллаев рассматривает гармонию гласных как один из видов гармонии переднерядных мягких гласных и заднерядных твердых гласных, а губной сингармонизм интерпретирует как особый вид гармонии гласных и объясняет следование губных и негубных гласных друг за другом в рамках последовательности мягких и твердых гласных [218, с.33-34].

По мнению Э.И.Азизова, губная гармония, по существу, одна из особенностей самостоятельной гармонии по мягкости-твердости, образованная по губным гласным его особая форма. Э.И.Азизов также отмечает, что соблюдение последовательности губных гласных позволительно и принцип гармонии гласных в слове определяется использованием либо только заднерядных, либо переднерядных гласных [210, №1-4, 2000].

Э.И.Азизов отмечает, что Б.Чобанзаде про губную гармонию высказывает следующее: "... Кроме этого, есть еще гармония губных звуков - губное притяжение, здесь гармония, т.е. следование гласных в слогах друг за другом идет не по принципу небной гармонии, а может быть по другой причине, т.е. по уподоблению губных звуков; губные звуки в тюрко-татарских языках в основном эти: (о,ö,у,ü). Например: *üzüm, ızın* [210, N 1-4, 2000].

А.Ахундов рассматривает губную гармонию как одну из разновидностей гармонии по месту образования гласных [204, с. 210].

Как подчеркивает Э.И.Азизов, несмотря на то, что закон гармонии в тюркских языках проявляется в виде гармонии гласных, гармонии гласных с согласным и гармонии согласных, в большей степени рассматривается гармония гласных [210, N 1-4, 2000].

По-нашему мнению, данное высказывание Э.И.Азизова целесообразно отнести к языкам, где гармония согласных проявляется слабо (азербайджанский, туркменский и т.д.) и вследствие этого, гармонии гласных в данных языках уделяется больше внимания.

По мнению А.Ахундова и Н.З. Гаджиевой небная (палатальная) гармония, как основной закон, свойственна всем тюркским языкам, а относительно губной гармонии, то она в различных тюркских языках проявляется по-разному [63, N 2, 1976; 203, с. 36, 38].

Т.Н.Генджан подразделяет гармонию гласных на два вида: большую гармонию гласных и малую гармонию гласных. Так, "Большая гармония гласных заключается в том, что если в первом слоге слова идет твердый гласный, то и в последующих слогах, также будут твердые и наоборот, если в первом слоге слова идет мягкий гласный, то и в последую-

щих слогах будут мягкие” [246, с. 42]. Малую гармонию гласных он называет уподоблением гласных с точки зрения негубности-губности, узкости-широкости [246, с. 43].

В исследованиях по различным тюркским языкам (татарский, туркменский, хакасский, якутский) небная гармония также разъясняется по признаку твердоярности-мягкоярности [210, N 1-4, 2000].

По мнению Ф.Г.Исхакова, “Сущность небного (палатального) сингармонизма заключается в гармонии гласных, входящих в состав слова, по “твердости” и “мягкости” [89, ч. I, 1955].

По поводу небной гармонии Ж.Назбиев отмечает следующее: “...звук (ни гласные, ни согласные) сами по себе в отдельности не могут быть ни твердыми, ни мягкими, т.е. палатальный сингармонизм - качество всего слога” [130, с. 10].

Трудно согласиться с данным высказыванием Ж.Назбиева, так как гласные и согласные независимо от палатального сингармонизма классифицируются по подъему языка (нижний, верхний, средний); по артикуляции языка (передний ряд, средний ряд, задний ряд); по степени участия губ при произнесении (губные и негубные) и т.д., т.е. имеют свою звуковую характеристику.

В небном сингармонизме отмечаются связи равноправных, сильных-слабых и слабых-сильных звуков.

Заднеязычные и переднеязычные гласные принимают участие в фонеморфологических связях равноправных звуков [196, с. 25, 26].

Небезынтересно отметить мнение шведского ученого Т.Мальберга, который рассматривает сингармонизм как примитивное явление. По этому поводу он пишет: “Мы поступим вполне закономерно, - если охарактеризуем язык,

обладающий гармонией гласных, как менее развитый, - если угодно, более примитивный, - по сравнению с языком, в котором все парадигматические разграничения свободно реализуются в пределах синтагмы. Примечательно, что детский язык часто характеризуется гармонией гласных". Далее продолжает: "В основе любого языка, - лежит система ограниченных в количественном отношении единиц. Именно на основе этих единиц возможно существование неограниченного числа знаков" [126, с. 136].

Т.А.Бертагаев, возражая против такого мнения, высказывает следующее: "Ясно, что Мальберг, рассматривая сингармонизм в изоляции от других явлений языка, забывает, что язык есть система". "...в языках, - продолжает он, - где "имеется гармония гласных, этих "ограниченных единиц", т.е. фонем, в несколько раз больше, чем в языках без гармонии гласных. ...О том, что гармония гласных для носителей данного языка - это не то, что гармония гласных у детей, доказывается тем простым фактом, что она отсутствует у родственно близких языков. Например, ее нет в дунсянском и баоаньском монгольских языках КНР [126, с. 136].

Ф.Г.Исхаков отмечает, что "... губной сингармонизм, во-первых, имеет место не во всех современных тюркских языках, во-вторых, проявление губного сингармонизма в разных тюркских языках имеет разные закономерности" [89, ч. I, 1955].

Заслуживает быть отмеченным следующее положение М.А.Черкасского: "...во-первых, так называемое "губное притяжение" в тюркских языках не есть некая механическая накладка на "небное притяжение". И далее продолжает: "Каковы бы ни были взаимоотношения между этими явлениями в плане генезиса (т.е. возникли ли они одновре-

менно или одновременно, наложившись одно на другое), в своем настоящем виде они представляют собой единое целое - гармонию гласных вообще [187, N 4, 5, 6, 1961].

Подобное отмечалось также и Н.К.Дмитриевым: "... говорить о небном и губном притяжении как об отдельно действующих процессах нельзя, а следует иметь в виду единое небо-губное притяжение" [78, с. 17].

Мы также согласны с данным мнением и считаем, что небную и губную гармонию необходимо рассматривать как единое целое. Кроме того губная гармония проводится в рамках небной.

Гармонию гласных рассматривают также как результат регулирующего действия фонетического закона, закона прогрессивной ассимиляции [126, с. 134].

Таким образом, Т.А.Бертагаев полагает, что сингармонизм не является фонетическим законом изменения звуков или законом регулирования звуков, как предполагают некоторые исследователи, а результат действия фонетического закона [126, с. 134].

Сингармонизм иногда называют железным законом фонетической системы тюркских и монгольских языков.

Так, Т.А.Бертагаев по этому поводу пишет: "...Он и не "железный" (в зависимости от ослабления ассимилятивной силы той или иной гласной часто нарушается) и к тому же вовсе не закон, как именуют его некоторые исследователи" [126, с. 134].

Необходимо отметить по этому поводу также высказывание В.И.Цинциуса: "Нарушения" гармонии гласных в рамках слова в действительности оказываются столь частыми и широко распространенными, что общепринятая формулировка этого явления становится недостаточной" [185, с. 119].

Как отмечает Т.А.Бертагаев, “в наиболее ранний период существования агглютинативных языков сингармонизм, возможно, и был “железным”, но законом он никогда не мог быть” [126, с. 135].

Мы не согласны с данным высказыванием Т.А.Бертагаева, так как считаем сингармонизм именно законом, в силу наличия в нем основных положений, обусловленных его сущностью. Относительно же нарушения сингармонизма, то необходимо, по-нашему мнению, отметить, что в любых общественных и научных законах по той или иной причине, происходят нарушения.

1.2. О происхождении небной и губной гармонии гласных.

Из двух разновидностей гармонии гласных палатальной и губной - некоторыми из ученых наиболее древней считается первая.

В.Котвич также отмечая позднее возникновение губной гармонии гласных высказывает следующее: “Особые условия, при которых проявляется закон лабиальной ассимиляции, уже давно дали основание предполагать, что этот закон начал действовать довольно поздно, особенно в тюркских языках” [107, с.100]. Такое мнение относительно якутского языка высказал уже О.Бетлингк, хотя В.Радлов не соглашался с его мнением. Изначальность как палатальной, так и лабиальной гармонии гласных в тюркских языках отмечалась еще В.В.Радловым [172, с. 148].

Так, В.Котвич по этому поводу приводит следующее высказывание В.Радлова: “лабиальная ассимиляция была характерна для тюркского языка с самого начала, подобно тому как палатальная ассимиляция, то есть закон гармонии согласных, проявлялась уже издавна и в полной мере; впро-

чем, с течением времени лабиальная ассимиляция претерпела преобразования и ослабла в разных диалектах" [107, с. 100].

В то время как стало известно, отмечает В. Котвич, что в языке орхонских надписей систематически проявляется палатальная ассимиляция, но наряду с этим наблюдается множество отклонений от лабиальной ассимиляции, то В.Гренбек, П.Мелиоранский, Х.Педерсен вновь согласились с гипотезой О.Бетлингга [107, с. 100].

Мнение В.Радлова нам кажется абсолютно правильным, так как нарушения лабиальной ассимиляции в орхонских надписях не отрицают ее изначальность, а наоборот подтверждают.

По этому поводу примечательно высказывание В.Котвича, которое заключается в следующем: "следует признать, что мнение В.Радлова о давнем происхождении лабиальной ассимиляции очень правдоподобно и что его, во всяком случае, - не следует считать опровергнутым. Данные других алтайских языков не содержат ничего противоречащего этому мнению" [107, с. 102].

По мнению В.Котвича, до получения новых данных, необходимо помнить, что при изучении вопроса о происхождении лабиальной ассимиляции было бы неосмотрительно основываться лишь на данных орхонских надписей. По этому поводу В.Котвич пишет: "Правда, они дают нам представление об архаическом состоянии тюркских языков, однако вопреки мнению Х.Педерсена и других, это состояние не является первичным (пратюркским), и та роль, которую в нем играют гласные, отражает следы серьезного изменения. Таким изменением было ограничение сферы употребления о~ö" [107, с. 101].

В.Котвич также приводит некоторые обстоятельства,

которые явились причиной данного ограничения. “Если присмотреться к вокальной системе языков обеих групп, можно легко убедиться в том, что сильным конкурентом “о” является звук “u”: например, одно слово в каком-нибудь диалекте имеет “о”, в другом “u”, и в результате такого соперничества “u” выступает значительно чаще, чем “о”. Далее отмечает: “В результате “о” в последних слогах было вытеснено, и это состояние согласно общепринятому мнению было характерно для языка орхонских надписей и в не меньшей степени также наиболее древних памятников монгольского языка” [107, с. 101].

Несколько иначе обстоит дело в тунгусских языках. По этому поводу примечательно высказывание В.Котвича: Здесь соперничество “о” и “u”, по-видимому, не было, хотя и выступает в общем тоже значительно чаще, чем “о”. Во всяком случае, во всех диалектах мы находим “о” в старших текстах не только в корнях, но и суффиксах. Можно даже предполагать, что тунгусские языки оказали в этом отношении некоторое влияние на соседние тюркские (якутский, ойротский) и монгольские (бурятский) языки и что в них достаточно давно, возможно несколько веков тому назад, о-ё снова начало выступать в суффиксах”. Далее следует: “Эта тенденция охватила затем и другие языки: киргизский и казахский, на монгольской почве “о” стало играть старую роль в значительно большей степени” [107, с. 101, 102].

Мы примыкаем к данной точке зрения В.Котвича так как считаем, что о-ё в аффиксах киргизского, якутского, алтайского языков наличествуют лишь под влиянием нетюркских языков, в силу того, что данное явление не наблюдается ни в орхоно-енисейских памятниках, ни в других тюркских языках.

Как считает А.М.Щербак: “Нет никаких сомнений в том, что палатальная гармония относится к числу праязыковых явлений и возникла задолго до распада тюркской языковой общности” [195, с. 121].

В этой связи А.М.Щербак высказывает также следующее: “Возникновение ее, по-видимому, относится к тому времени, когда на смену аналитическому строю приходит агглютинация и когда моносиллабический структурный тип слов перестает быть господствующим: в силу отсутствия сильноцентрализующего ударения гармония гласных оказалась важным средством фонетического объединения слова” [170, с. 71].

Однако Т.Талипов по поводу происхождения палатальной и губной гармонии гласных придерживается иной точки зрения: “Многочисленные отклонения от закона лабиальной гармонии гласных в языке орхонских надписей, обнаруженные О.Бетлингом, В.Гренбеком, П.Мелиоранским, Х.Педерсеном и др., лишний раз свидетельствуют не о позднем развитии лабиальной гармонии гласных, а, наоборот, о древности и архаичности параллелизмов в истории тюркских языков и о наметившейся тенденции нарушения лабиальной гармонии аффиксов уже к периоду, предшествовавшему орхонским надписям” [172, с. 148, 149].

Мы также согласны с данным мнением Т.Талипова, так как в орхоно-енисейских памятниках наличествует одновременно как палатальная, так и губная гармонии гласных.

Кроме того, нам представляется, что невозможно наметить многочисленные отклонения от несуществующего по их мнению (О.Бетлинг, В.Гренбек) закона.

Таким образом, мы приходим к уже ранее высказанному мнению, что лабиальная гармония тесно связана с палатальной, и вместе составляет единую систему сингармониз-

ма. В ходе длительного этапа развития и формирования языков эти ассимиляции (лабиальная и палатальная) претерпевали различные преобразования и приобретали различные формы проявления в отдельных языках и диалектах; в некоторых языках наблюдалось даже как бы полное утрачивание, а в других языках возвращение к прежним или в определенной степени измененным формам.

1.3. Рассмотрение закона гармонии с ассимилятивной точки зрения и связи сингармонизма с агглютинацией

Интерпретацию закона гармонии гласных можно рассматривать с ассимилятивной точки зрения, так как в тюркском языкознании ассимиляция рассматривается как одно из проявлений сингармонизма [13, с. 30; 14, с. 25; 32, с. 76, 77; 59, с. 117; 66, с. 63; 108, с. 68; 118, с. 47; 120, с. 107; 171, с. 107; 242, с. 11].

По этому поводу примечательно следующее высказывание Е.Д.Поливанова: "... явления "гармонии гласных", ныне именуемые термином сингармонизм, тоже принято было причислять к прогрессивной фонетической ассимиляции". Однако далее отмечает: "... И, конечно, в генезисе (- в становлении) сингармонических явлений (в частности, в генезисе сингармонических явлений турецких, напр., языков) историко-фонетические изменения типа прогрессивной ассимиляции должны были иметь место; но рассматривать весь наличный состав явлений сингармонизма (в любом из сингармонических - турецких, напр., языков), как совокупность неких неизбежно действующих процессов фонетических изменений из категории фонетических прогрессивных ассимиляций - это значило бы совершенно неверно понимать природу сингармонизма, который в основной своей су-

ти (и в статическом - не генетическом - отношении) оказывается явлением морфологическим, а не фонетическим” [140, с. 340].

Г. Конечна отмечает, что в “Очерках по фонетике” М.Граммона, “...любые фонетические изменения во всех языках мира подчиняются одним и тем же общим законам, возникают как естественный результат господствующих в языке общих фонетических тенденций. Отличающиеся друг от друга изменения, происходящие в разных языках в одну и ту же эпоху, а также различные преобразования, которым подвергается данный язык на разных этапах его развития, зависят от специфики фонетических систем отдельных языков в различные эпохи” [102, N 3, 1958].

Как известно, ассимиляция считается одной из форм фонетических явлений.

По поводу ассимиляции справедливо следующее положение Тадеуша Милевского: “Ассимиляция является феноменом, который наиболее тесно связан с фонетической сферой” [252, с. 139].

Уже первые исследователи тюркских языков отмечали фонетическое изменение, именуемое “ассимиляцией”. Во всякой работе, где описывается фонетический строй того или иного тюркского языка или диалекта, приводятся различные типы ассимиляции и соответствующие примеры. Вопросы, касающиеся причин возникновения ассимиляции и развития ее лишь в определенных направлениях, а также системных и структурных предпосылок ассимиляции, взаимодействия в данном процессе фонологического и морфологического ярусов языка, несходство ассимилятивных чередований с морфологическими, и тому подобные вопросы остаются до сих пор нерешенными. Рассуждать о первичном состоянии тюркских основ и аффиксов (как словооб-

разовательных, так и словоизменительных), о важнейших этапах и направлениях изменения грамматических показателей и т.д. возможно только при основательном научном анализе различных видов ассимиляции [117, N 4, 1972].

Во многих источниках ассимиляция рассматривается как уподобление одного звука другому в потоке речи, приобретение фонетического сходства [57, с. 21; 66, с. 63; 84, с. 192; 85, с.222; 97, с. 138; 118, с. 47; 120, с. 105]. Например, если предшествующий звук звонкий, а следующий глухой, то предшествующий может стать глухим; или же если предшествующий звук твердый, а последующий мягкий, то предшествующий может стать мягким и т.д. [66, с. 63].

Как известно при ассимиляции уподобляются соседние звуки в каком-то компоненте артикуляции, чаще всего уподобляются согласные по звонкости-глухости и твердости-мягкости [97, с. 138].

Небезынтересно отметить, что само латинское слово *assimulatio* может служить примером ассимиляции: оно образовано от *assimulo* - уподобляю, делаю похожим: глагол состоит из приставки *ad>as* и глагола *simulo* ср. *assimilis* (похожий), в составе которого была приставка *ad* - *ad sim-ilis* согласный приставки [d] под влиянием экскурсии звука [s] утратил звонкость и смычность, полностью уподобившись звуку корня [97, с. 138; 189, с. 165].

Ассимиляция наблюдается во многих языках мира, а именно в немецком, французском, испанском, итальянском, латинском, тюркском и в некоторых других языках.

Ассимиляция распространяется не только на согласные, но и на гласные звуки. Ассимиляция гласных особенно свойственна тюркским языкам, где она проявляется, например, в том, что в слове могут быть или только гласные заднего ряда, или только гласные переднего ряда. Такое явление в науке принято называть сингармонизмом (от гречес-

кого *syn* - вместе и *harmonia* - связь, созвучие), или законом гармонии гласных и согласных.

В тюркологических работах ассимиляция рассматривается в двух случаях. В первом случае ассимиляцию в фонетике рассматривают в качестве простого уподобления соседних звуков. При этом можно привести объяснения типа: "ассимиляция подчиняется одному единственному закону, закону более сильного...", или же: "тот коллективно-психологический фактор, который всюду при анализе механизма языковых изменений будет проглядывать как основная пружина этого механизма... есть то, что говоря грубо, можно назвать: "лень человеческая" или - что то же - стремление к экономике трудовой энергии" [117, N 4, 1972]. Ясно видно, что здесь речь идет о чисто фонетическом, физиолого-акустическом или внешнем аспекте ассимиляции. Во втором случае об ассимиляции говорится, когда рассматривается многовариантность тех или иных аффиксов. Так, Э.В.Севортян рассматривая турецкие аффиксы указывает, что "большинство аффиксов, как словообразовательных, так и словоизменяющих, за исключением начинающихся с сонорных и гласных, имеют звонкий и глухой начальный согласный. Это прямо следует из явления ассимиляции согласных по звонкости и глухости: поскольку конечный согласный звук основы может быть либо глухим, либо звонким (например, полувзвонное "d" полувзвонные щелевые *v, j, ʒ* и сонорные), то следующий за основой аффикс должен начинаться соответственно с глухого или звонкого согласного" [165, с. 48].

Особый интерес представляют наблюдения А.М. Мамедова, где оба случая ассимиляции, несомненно, близки друг другу, но и одновременно отличаются друг от друга тем, что в первом из них причина изменения налицо (in

praesentia), тогда как во втором - причина существовала в прошлом, а в настоящее время уже отсутствует (то есть in absentia). В первом случае ассимиляция согласных является живым фонетическим явлением, тогда как во втором она связана с историческим чередованием, обладающим определенным грамматическим назначением [117, N 4, 1972].

А.М.Мамедов, помимо этого, примечает еще одно обстоятельство, что ассимиляция как фонетическое явление, состоящее в уподоблении соседствующих звуковых сегментов в речи данного индивидуума (или коллектива), свойственна для всех без исключения тюркских языков, диалектов и говоров. Необходимо отметить, что материалы тюркских языков свидетельствуют, что процесс ассимилятивных изменений в диахроническом плане в тюркских языках шел неравномерно. Так, например, в одних языках (диалектах) ассимиляция и до сих пор остается на фонетическом уровне, являясь особым случаем артикуляционной инерции, тогда как в других языках вследствие ассимиляции исторически возникли чередования в составе тех или иных морфологических показателей, иначе говоря у ассимиляции появилась определенная грамматическая функция [117, N 4, 1972].

Результатом прогрессивной ассимиляции с положением при абсолютном или относительном индифферентном укладе в татарском языке является выпадение (оглушение) начальной части гласного в абсолютном начале: jæşerep kitte ушел спрятав и т.д. [29, с. 20, 21].

В тюркских языках гармония гласных основывается на влиянии первого слога на последующие слоги, которое обусловлено в известной мере первоначальным ударением; следовательно, она представляет собой прогрессивную ассимиляцию.

Резкое различие между словами с гласными переднего и

заднего ряда, отмечает М.Рясянен, наблюдается почти во всех тюркских языках, а также в древнейших языковых памятниках. Таким образом, это явление можно рассматривать как пратюркское. Оно наблюдается также и в других алтайских языках, и по этой причине можно считать его общеалтайским, даже урало-алтайским, в той степени, в какой теорию родства урало-алтайских языков возможно считать оправданным [158, с.86].

Н.К.Дмитриев и А.Н.Кононов рассматривают сингармонизм как один из видов ассимиляции звуков и по этому поводу примечательны их следующие высказывания.

Так, Н.К.Дмитриев по этому поводу пишет: “Законченный звуковой комплекс, обладающий определенным семантическим единством, должен быть выдержан и с формальной стороны, т.е. состоять из звуков максимально близких в отношении артикуляции [170, с. 433].

А.Н.Кононов также рассматривая закон гармонии как одно из проявлений ассимиляции, высказывает следующее: “Процесс ассимиляции звуков как в корнеслове, так и в соединении аффиксов с корнем или основой, носит название сингармонизма” [103, с. 35].

Вышеприведенные высказывания нам представляются абсолютно правильными, так как закон гармонии, подобно прогрессивной ассимиляции, заключается в уподоблении последующих звуков предшествующим.

В различных тюркских языках и в различных хронологических срезах одного и того же языка ассимилятивные изменения обладают различным функциональным назначением, а это, в свою очередь, указывает на постоянное взаимодействие фонетики и морфологии как двух “ярусов” языковой иерархии и на изменение соотношения фонетических и морфологических явлений в данном языке. Факт, яв-

ляющийся в одном языке (или же в определенной плоскости данного языка) чисто фонетическим явлением, в другом языке (или в другой плоскости этого же языка) может обладать другой позицией и образовать новые разновидности тех или иных морфологических показателей, иными словами относиться к фактам грамматики [117, N 4, 1972].

Таким образом, вышесказанным еще раз подтверждается правильность интерпретации сингармонизма как морфологического явления, так как фонетические изменения, связанные с морфологическими изменениями, как известно, называются морфонологическими.

После В.В.Радлова, при рассмотрении гармонии гласных многими тюркологами высказывалась мысль о связи гармонии гласных с агглютинацией.

Как известно, сингармонизм - фундаментальное структурно-типологическое явление, которое определяет специфику тюркских языков. Сингармонизм является организующим средством тюркского слова, средством его цельного оформления, установления границы слова в тюркском речевом потоке [170, с. 438].

Так как тюркское слово состоит из слогов, образующих аффиксальную цепочку, а сингармонизм является организующим средством тюркского слова и средством, отграничивающим одно слово от другого, то и гармония гласных является определяющей единицей, а гармония согласных, в свою очередь, подчиняется ей.

Понимание агглютинации начинается с шлейхеровских времен, которое наличествует и поныне. Способ агглютинации является основным, определяющим способом словоформообразования в тюркских (алтайских) языках, и который сводится к присоединению аффиксальных морфем в строго определенном порядке к коренной морфеме [104, N

4, 1976].

В научный обиход теорию сложения, или агглютинации ввел Ф.Бопп, хотя сам термин “агглютинация” принадлежит критике его теории Лассену. “Теория агглютинации” основательно вошла в типологическую - морфологическую - классификацию языков [104, N 4, 1976].

По А.А.Реформатскому “Теорию агглютинации” Боппа следует назвать теорией ограничения шлегелевской внутренней флексии путем прибавления местоименных корней извне, а вовсе не аффиксов, в то время как мы сейчас понимаем под агглютинацией главным образом аффиксальную деривацию и реляционную флексию [149, с. 56].

Б.А.Серебренников отмечает, что “...Элементы агглютинации имеются в языках самого различного строя - в семитских, индоевропейских, китайском и мн.др. Степень распространения элементов агглютинации в разных языках весьма различна. Типы агглютинации многообразны, и историческое развитие агглютинативного способа соединения морфем во многом зависит от того, с какими другими способами соединения морфем он сочетается в данном языке. Поэтому китайская агглютинация отнюдь не тождественна турецкой, и неверной является мысль о существовании в языках чистой агглютинации турецкого типа” [126, с. 7].

Б.А.Серебренников рассматривает гармонию гласных, которая связана с сохранением определенного режима, постоянного качества гласных, а иногда и согласных как чистый спутник агглютинации [126, с. 13].

Принцип агглютинации, подчеркивает М.А.Черкасский, определяет собой и гармонию гласных и специфику системы гласных фонем [188, с. 36, 37].

Известно, что возникновение агглютинативного способа

соединения морфем возможно в древних и новых языках, в любую эпоху.

Агглютинативный строй, считает Б.А.Серебренников, в наиболее чистом виде, представляется в языках тюркского и восточноугро-финского типа [126, с. 8].

Мы примыкаем к данной точке зрения Б.А.Серебренникова, так как считаем, что агглютинативный способ соединения морфем, в наиболее полном виде, наблюдается в тюркских языках.

По мнению О.П.Суника, "... под "агглютинацией" обычно понимают не только широко распространенный во всех языках способ соединения ("склеивание") различных компонентов одного цельнооформленного слова (простого или сложного, в том числе, "инкорпорированного"), но и некоторые особенности (иногда мнимые) так называемых агглютинирующих морфем (аффиксов): их неперенный моносемантизм, исключительную регулярность образуемых с их помощью форм словообразования и словоизменения, сингармонизм и т.п." [126, с. 33].

Так, из этого высказывания следует также, что и О.П.Суник указывает на тесную связь агглютинации и сингармонизма.

Э.Азизов отмечает следующее: "... сингармонизм создает предпосылки для вариантивности формообразующих и словообразующих аффиксов, обеспечивая тем самым устойчивость агглютинации" [6, с.6; 141, с. 4-5].

Мы разделяем данную концепцию Э.Азизова, так как считаем, что в тюркских языках благодаря, именно, сингармонизму наличествуют столь многочисленные варианты как словоизменительных, так и словообразующих аффиксов.

Необходимо отметить, что Ф.Бопп "теорию агглютина-

ции” рассматривает как основной аспект истории образования индоевропейской флексии (например, с помощью сложения именных корней с местоименными, ставшими в дальнейшем окончаниями) [126, с. 38].

Ф. де Соссюр противопоставлял “агглютинацию” (не метафизически) “анalogии” и не видел возможности провести различие между ними.

По мнению Ф. де Соссюра, “Агглютинация, - состоит в том, что два или несколько элементов, первоначально различаемые, ... спаиваются в абсолютное или с трудом различимое целое” [126, с. 38].

Предполагается, что в большинстве тюркских языков ослабление гармонии звуков неизбежно становится причиной и ослабления агглютинации, не нарушая ее устойчивости.

Заслуживает большого внимания следующее высказывание Э.Р.Тенишева: “Сингармонизм и агглютинация в тюркских языках тесно взаимосвязаны. Связь такова, что одно явление не мыслимо без другого. Между ними прямая зависимость: усиление или ослабление сингармонизма влечет за собой усиление или ослабление агглютинации” [126, с. 128].

По мнению Т.А.Бертагаева, “... сингармонизм, тем более связанный с чередованием передних и задних, - явление частное, одно из сторон широко представленной фонетической закономерности агглютинативных языков...” [126, с. 133].

По-нашему мнению, возникновение сингармонизма всецело связано с агглютинативным строем тюркских языков.

По Т.А.Бертагаеву, “...сингармонизм предполагает минимум два слога. Только агглютинация - двух или более морфем - могла способствовать появлению сингармонизма

на основе прогрессивной ассимиляции звуков” [126, с. 136].

Вопреки мнению многих тюркологов о связи сингармонизма с агглютинацией, Г.Д.Санжеев высказывает следующее: “Постепенный и длительный процесс смены сингармонизма звуков агглютинацией и есть формальное выражение того, что первый ... непрерывно оказывает сопротивление агглютинации”. Т.А.Бертагаев, указывая на неясность такого высказывания, пишет: “Наоборот, сингармонизм способствует скреплению агглютинируемых морфем” [126, с. 136].

Кроме того, Г.Д.Санжеев отмечает: “... что в современных тюркских и монгольских языках сингармонизм звуков существует лишь как формально-фонетическая система, более формальная, нежели категория рода в современных индоевропейских языках”. Как формально-фонетическая система сингармонизм звуков существует в данных языках как пережиток или реликтовый остаток уже далекого прошлого. Г.Д.Санжеев, указывая на разрушительное действие агглютинации на сингармонизм пишет, что “Этот пережиток прошлого в современных монгольских и тюркских языках сосуществует вместе с агглютинацией, которая всячески стремится нарушить сингармонизм звуков, что особенно ярко заметно в современных тюркских языках, например, в уйгурском и узбекском” [162, с. 116].

Мы не согласны с данным высказыванием Г.Д.Санжеева, так как, по-нашему мнению, сингармонизм в тюркских языках нарушается отнюдь не под воздействием агглютинации, а различных внутренних и внешних факторов.

Сингармонизм гласных, по мнению некоторых языковедов, не был лишь формально-фонетической системой. Так, по этому поводу Г.Д.Санжеев приводит следующее выска-

зывание Б.Я.Владимирцова: "...сингармонизм гласных в монгольских, тунгусо-маньчжурских и, конечно, тюркских или даже в "протоалтайских" языках был не только формально-фонетической системой" [162, с. 116].

Это формально-фонетическая система когда-то была лексико-фонологической, которая являлась более сложной системой, чем современный формальный сингармонизм звуков.

Данная лексико-фонологическая система, отмечает Г.Д.Санжеев, является своеобразной и специфической внутренней флексией основ, которая полностью не развилась и теперь отдельные пережитки в монгольских языках выявляются благодаря уже известным исследованиям Б.Я.Владимирцова и Т.А.Бертагаева, который представил несколько работ о флексии основ по данным бурятских диалектов.

Таким образом, по Г.Д.Санжееву, сингармонизм звуков как лексико-фонологическая система, будучи своеобразной и специфической формой внутренней флексии, был свойственен ранним тюркским, монгольским и маньчжуро-тунгусским языкам или тем неизвестным нам "протоалтайским племенным языкам", на основе которых возникли современные алтайские языковые группы.

Также отмечается, что сингармонизм звуков в сочетании с чередованием согласных составляет лексико-фонологическую систему [162, с. 117].

Агглютинация рассматривается Г.Д.Санжеевым как более совершенный способ в языке, так как она способна не только выражать более сложные лексические понятия, но и передавать более сложные синтаксические отношения в сложном строе предложения в целом [162, с. 117].

Развитие агглютинации в одних языках, например, ран-

них монгольских, происходило значительно быстрее, чем в других, например, тюркских. А в ранних маньчжуро-тунгусских языках агглютинация развивалась быстрее, чем в монгольских.

Отмечается также то свойство сингармонизма звуков, которое не может не предполагать наличие более или менее четких фонем, так как четкость последних является необходимым условием продуктивного применения самого этого сингармонизма звуков речи [162, с. 118].

По этому поводу В.И.Цинциус приводит следующее высказывание В.Гордлевского: “Гармония гласных, вытекающая из исконной - утраченной уже - ударности (ударяемости) первого слога, состоит в известном соответствии гласных второго и следующих слогов с гласной первого, или коренного слога слова.

Соответствие это выражается в том, что в одном слове могут быть: 1) или одни твердые гласные... 2) или одни мягкие гласные” [185, с. 118].

В.И.Цинциус отмечает, что “... с представлением о гармонии гласных прежде всего должна быть органически объединена предпосылка о такой фонологической системе, при которой одна группа гласных или часть их противопоставляется другой группе или части гласных.

Следовательно, явления гармонии гласных могут иметь место только при подобной фонологической системе, когда установлено это противоположение одной группы гласных другой группе” [185, с. 119].

Относительно характера проявления самой гармонии гласных в различных языках, то здесь могут наблюдаться крайне разнообразные случаи.

И крайне различные случаи, по-нашему мнению, присущи, главным образом, губной гармонии гласных, так

как она проявляется в тюркских языках весьма разнообразно.

В.И.Цинциус, выделяя следующий состав гласных тюркских языков, отмечает: “В классическом виде в некоторых тюркских языках гармония гласных определяется самим составом гласных, включающим 8 фонем (а, ы, о, у, $\bar{a}$, и, $\bar{o}$, $\bar{u}$), которые четко противопоставляются одни другим в следующих трех направлениях: 1) задние (ненебные, “гutturальные”, “твердые”, “мужские”, “первого ряда” - а, ы, о, у) - передние (“небные”, “палатальные”, “мягкие”, “женские”, “второго ряда” - $\bar{a}$, и, $\bar{o}$, $\bar{u}$); 2) широкие (“нижнего” или “низкого” подъема - а, о, $\bar{a}$, $\bar{o}$) - узкие (“верхнего” или “высокого” подъема - ы, у, и, $\bar{u}$); 3) негубные (нелабиализованные - а, ы, $\bar{a}$, и) - губные (лабиализованные - о, у, $\bar{o}$, $\bar{u}$)” [185, с. 119].

Г.П.Мельников рассматривает сингармонизм как средство фонетического оформления слова, которое состоит из слабосклеенных морфем агглютинативного языка.

По поводу связи гармонии гласных с агглютинацией Г.П.Мельников пишет: “...в тех языках, где агглютинативные способы соединения морфем начинают вытесняться другими способами, например, фузионными, должна наблюдаться утрата сингармонизма. Это предположение также находит подтверждение: ряд финно-угорских языков приобрел многие черты флективного строя (например, мордовский, эстонский языки), в них развилась фузия и частично или полностью исчез сингармонизм”. Г.П.Мельников, по-нашему мнению, данным высказыванием указывает на очевидность внутренней связи сингармонизма с агглютинацией, поясняя это тем, что “не существует языков неагглютинативного типа, в которых

развит сингармонизм” [126, с. 298, 299].

Однако, В.А.Богородицкий не видит связи между сингармонизмом и агглютинацией, указывая на наличие японского языка и языков банту, которые считаются агглютинативными, но не имеют сингармонизма. По этому поводу примечательно высказывание Г.П.Мельникова, который не утверждает, что “агглютинативный язык должен обязательно иметь явно выраженный сингармонизм” [126, с. 299].

Как указывает Г.П.Мельников, несмотря на то, что “...сингармонизм развивается при агглютинации, но агглютинация, если она пользуется какими-либо другими (кроме сингармонических) средствами оформления слов, вполне может обойтись без сингармонизма” [126, с. 299].

Примечателен тот факт, что несмотря на то, что со времен Шлейхера сингармонизм рассматривается как один из факторов, характерных для так называемых агглютинативных языков, в некоторых флективных языках прослеживаются черты гармонии гласных.

Так, например, в морфологии немецкого языка допускается соединение длинных цепочек корневых морфем, обладающих общей служебной морфемой (например, окончание). По этой причине следует отметить, что в процессе развития такой структуры в немецком языке возникла типичная для агглютинативно-инкорпорирующих языков черта - гармония гласных, которая проявляется в развитии умлаута, к тому же в форме регрессивной ассимиляции, которая наиболее характерна именно для инкорпорирующих языков. Такое явление наблюдается и в индийских языках. Например, в ассамском языке увеличилась роль агглютинативной морфологии. Выражается это в том, что при словоизменении и словообразовании применяется аффиксальный

способ, однозначные некогда слова переходят в аффиксы и послелогои, исчезает флективное согласование определения с определяемым и т.д. Несмотря на то, что ассамский язык не взаимодействовал ни с каким сингармоническим языком, в нем появилась зафиксированная в исторические времена гармония гласных, которая существует в течение последующих столетий [91, с. 281].

Рассмотрев вышеприведенные высказывания о связи агглютинации с сингармонизмом, мы приходим к такому мнению, что сингармонизм именно в тюркских языках не существовал бы без агглютинативного строя языка, так как агглютинация как бы диктует существование закона гармонии.

Рассматривая сингармонизм некоторые тюркологи и языковеды, в том числе В.А.Богородицкий, Н.С.Трубецкой, Ф.Кязимов придерживаются парциальной точки зрения, т.е. распространяющей только на аффиксы, но не касающиеся корней. То возникает вопрос - почему же это явление суперсегментное, накладывающееся на слово в целом?

Такое противоречие А.А.Реформатский поясняет одним киргизским примером.

Сравнивая два корня кам “забота” и кем “недостаток” и их “перевертыши” - варианты аффикса долженствования мак-мек, то А.А.Реформатский отмечает следующее: “1. На подфонемном уровне: попарно одинаковый состав единиц-сегментов (только с обратным порядком согласных); всего же в обеих парах 6 единиц (q, k, a, e, m, t).

2. На фонемном уровне.

а) при “парциальной” точке зрения в паре кам-кем 4 единицы - разные гласные “а” и “е” и одинаковые для каж-

дого из двух слов согласные “к” и “м”; в паре же мак-мек только 3 единицы, так как фонетически одинаковы не только согласные, но и гласные.

б) при “тотальной” точке зрения во всей четверке 3 единицы: “гutturальная” и губная согласная и “широкая гласная” (твердость и мягкость согласных или переднее образование гласных зависит от “накладки” сверху - сингармонизма целого)” [148, с. 104].

Как подчеркивает А.А.Реформатский: “...При “парциальной” точке зрения остается непонятным, почему два “к” (q и R) надо считать одной единицей, а такое же различие двух гласных надо считать двумя разными единицами? Ведь “накладка” сингармонизма определяет задний и передний характер гласных так же, как и “твердость” и “мягкость” согласных!” [148, с. 104].

Далее А.А.Реформатский отмечает: “А при тотальной точке зрения остается неясным, почему в корнях тот же состав фонем (модифицированный “накладкой” суперсегментного сингармонизма) образует две разные морфемы и два разных слова (кам “забота” и кем “недостаток”), а при тех же условиях в аффиксах получают не две разные морфемы, а варианты одной морфемы?” [148, с. 104].

Ответ на эти вопросы А.А.Реформатский находит только в иерархической стратификации структуры языка по ярусам и уровням и в типологии морфологии, т.е. вне фонетического уровня языка.

А.А.Реформатский считает, что сингармонизм распространяется на всё слово в целом; это явление представляет собой суперсегментную “силу”, “накладку” - и не на отдельные сегменты, а на целое [148, с. 104].

Мы также примыкаем к данной точке зрения А.А.Ре-

форматского, так как считаем, что сингармонизм распространяется не только на аффиксы, но и на все слово в целом. Более того, изменения в гласных аффикса, как известно, происходят под влиянием гласных корня слова, а под понятием “сингармонизм” понимают процесс уподобления гласных и согласных аффикса корневым гласным и согласным. Т.е. из этого вытекает, что сингармонизм является суперсегментным явлением, затрагивающим все слово в целом.

Таким образом, из вышесказанного следует, что утверждение А.А. Реформатского о том, что сингармонизм в таких языках, как тюркские, является не просто фонетическим фактом, тем более, не только разновидностью ассимиляции, а фундаментальным структурно-типологическим явлением, которое затрагивает не только все уровни фонетического яруса, но и ярус морфологический, является в настоящее время актуальным [148, с. 105].

С этим утверждением А.А.Реформатского трудно не согласиться, так как мы также рассматриваем сингармонизм как морфонологическое явление.

Подводя итог в первой главе, мы приходим к такому выводу, что закон гармонии в тюркских языках является многосторонним явлением, так как при его рассмотрении необходимо принять во внимание несколько подходов. Иначе говоря, при изучении сингармонизма немаловажно учитывать непосредственную связь сингармонизма с морфонологией. Помимо этого, необходимо разграничивать понятия “гармония гласных” и “ударение”, отмечать одновременное возникновение как палатальной, так и лабиальной гармонии гласных, а также рассматривать сингармонизм в тесной связи с агглютинацией и с ассимилятивной точки зрения.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАКОНА ГАРМОНИИ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ И СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

2.1. Закон небной и губной гармонии гласных

Как известно, в процессе своего развития отдельные конкретные тюркские языки, будучи в составе языковых общностей различных племенных союзов, приобретали признаки, которые являлись, с одной стороны, общими для языков, входящих в данную языковую общность, а с другой - различные. Каждый тюркский язык обладает своей исконной основой, иначе говоря, общими чертами своей лексики и грамматического строя. Так, несмотря на то, что закон гармонии является общим для всех тюркских языков фонетическим законом, но он проявляется в данных языках по-разному.

Таким образом, в данной главе мы рассмотрим некоторые особенности проявления закона гармонии в языке письменных памятников и в тюркских языках, так как законы сингармонизма, как любое фонетическое или языковое явление, в каждом конкретном языке отличаются своеобразием, в силу особенностей исторического развития этих языков и внутренних законов развития каждого из них.

Последовательность рассматриваемых языков будет соблюдаться согласно классификации Н.А.Баскакова, приведенной в книге "Введение в изучение тюркских языков" (М., 1969).

Закон гармонии тесно связан с системой гласных. По этому поводу Ф.А.Джалилов отмечает, что закон гармонии, образованный

по мере возможности; системой гласных, является толчком в развитии данной системы [206, с.60].

Как известно, закон гармонии является такой специфической и важной особенностью тюркских языков, что именно при помощи него известный датский ученый В.Томсен прочитал, найденные на берегу реки Орхон, древние письменные памятники в честь Кюль-Тегина, которые были написаны на неизвестном науке алфавите.

Как отмечает С.Е.Малов, что "...Если до В.Томсена ученые пытались читать эти неизвестные надписи с берегов Енисея и Орхона при помощи существующих и существовавших, им известных, алфавитных знаков, то проф. В.Томсен пошел совсем по другому пути. В.Томсен как бы отстранил от себя все алфавиты. Он пытался самым детальным образом сначала изучить соотношения одних букв с другими. Для В.Томсена при этом выяснилось, что некоторые буквы могут быть в близком соседстве с рядом других букв, другие же нет. Это привело В.Томсена к мысли о делении букв на два класса по числу звуков переднего и заднего ряда. А все это вело мысль к строю тюркских языков" [114, с.12].

Как видно, закон гармонии наблюдался и в надписях древних письменных памятников.

Для наглядности и для того, чтобы выяснить, в какой степени проявляется закон гармонии в письменных памятниках, необходимо привести несколько отрывков надписей.

Отрывки из Памятника в честь Кюль-Тегина.

Малая надпись.

ᠠᠭᠤᠰᠤᠨ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ
 ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ
 ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ ᠤᠯᠤᠰ
 [114, с.19].

поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа [114, с.36].

Памятник в честь Тоньюкука.

ᠲᠣᠨᠢᠶᠤᠭᠤᠨ ᠪᠠᠨ ᠣᠵᠤᠮ ᠲᠠᠪᠠᠭᠠᠴ ᠢᠯᠢᠨᠠ ᠭᠢᠯᠢᠨᠲᠢᠮ ᠲᠤᠷᠦᠭᠪᠣᠳᠤᠨ ᠲᠠᠪᠠᠭᠠᠴᠠᠳᠠ ᠬᠣᠷᠦᠭ ᠠᠷᠲᠢ

[114, с.56]. ᠲᠠᠪᠠᠭᠠᠴ ᠢᠯᠢᠨᠠ ᠭᠢᠯᠢᠨᠲᠢᠮ ᠲᠤᠷᠦᠭᠪᠣᠳᠤᠨ ᠲᠠᠪᠠᠭᠠᠴᠠᠳᠠ ᠬᠣᠷᠦᠭ ᠠᠷᠲᠢ

Транскрипция.

Bilga Tonugug ban özüm Табгаç ilina gylyntym. Türk budun Табгаçда көрүр арти [114, с.61].

Перевод.

Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры нарсда табгач. (Так как и весь) тюркский народ был в подчинении у государства Табгач [114, с.64].

Текст.

ᠲᠠᠪᠠᠭᠠᠴ ᠢᠯᠢᠨᠠ ᠭᠢᠯᠢᠨᠲᠢᠮ ᠲᠤᠷᠦᠭᠪᠣᠳᠤᠨ ᠲᠠᠪᠠᠭᠠᠴᠠᠳᠠ ᠬᠣᠷᠦᠭ ᠠᠷᠲᠢ

ᠲᠠᠪᠠᠭᠠᠴ ᠢᠯᠢᠨᠠ ᠭᠢᠯᠢᠨᠲᠢᠮ ᠲᠤᠷᠦᠭᠪᠣᠳᠤᠨ ᠲᠠᠪᠠᠭᠠᠴᠠᠳᠠ ᠬᠣᠷᠦᠭ ᠠᠷᠲᠢ

[114, с. 56]. ᠲᠠᠪᠠᠭᠠᠴ ᠢᠯᠢᠨᠠ ᠭᠢᠯᠢᠨᠲᠢᠮ ᠲᠤᠷᠦᠭᠪᠣᠳᠤᠨ ᠲᠠᠪᠠᠭᠠᠴᠠᠳᠠ ᠬᠣᠷᠦᠭ ᠠᠷᠲᠢ

Транскрипция.

Türk budun, ganyn bolmajyn. Табгаçда adyrylty. ganlanty. Qanyn godup, Табгаçга jana icikdi. Tanrı anca tāmīs arīnē gan bārtim [114, с.61].

Перевод

Тюркский народ, че будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач, сделался народом, имеющим своего хана; оставив своего хана, снова подчинился государству Табгач. Небо, пожалуй, так сказало: я дало (тебе) хана,... [114, с.64-65].

Приведем примеры из древнетюркского словаря: например: *tanıç* - вера, доверие; *edik* - хорошеть, улучшаться,

bajlīg - богатство, könül- сердце и т.д. [79, с.79, 163, 218, 315].

Из отрывков выясняется, что как было сказано выше, некоторые буквы стоят в близком соседстве с рядом других букв, другие же нет. Иначе говоря из отрывков следует, что если в первом слоге слова идет гласный переднего ряда, то и в последующих слогах тоже будут переднеязычные гласные, и если в первом слоге слова идет гласный заднего ряда, то и в последующих слогах идут заднеязычные гласные. Хотя в некоторых случаях наблюдаются нарушения закона гармонии гласных в словах типа болмыш - в.м. болмуш, огушым - в.м. огушум и т.д.

Необходимо отметить, что при рассмотрении надписей памятника в честь Кюль-Теги́на, мы приходим к такому выводу, что в данном памятнике небная гармония гласных проявляется в большей степени, чем в надписях памятника в честь Тоньюкука, и, наоборот, в памятнике в честь Тоньюкука наблюдается наибольшее проявление губной гармонии гласных.

А теперь рассмотрим закон гармонии гласных в письменных памятниках с грамматической точки зрения.

По поводу закона гармонии гласных в древнетюркских памятниках В.М.Насилов отмечает следующее: “В системе вокализма можно наблюдать также много явлений, характерных и для древнетюркских памятников, например, гармония гласных во многом аналогична таковой в древних памятниках. Это выражается часто в соотношениях слоговых гласных, негубных и огубленных, по твердому и мягкому звукоряду: йару - “светить”, “сиять”, анун - “приготавливаться”, “вооружаться”, “оснащаться”, булыт - “туча”, “облако”, эдгү - “добро”, “добрый”, өиди - “хвала”, “прославление” и т.д. [132, с.16].

Прежде всего, необходимо отметить, что большинство согласных в письменных памятниках имело мягкий и твердый варианты, т.е. обозначались двумя знаками. Один знак используется с гласными заднего, другой - с гласными переднего ряда [8, с.55; 99, с.5; 105, с.66; 216, с. 33-34].

Существование в древнетюркском алфавите двух вариантов согласных является своего рода вспомогательным средством при восстановлении древней произносительной формы какого-либо слова в письменных памятниках, так как в этих памятниках нередко наличествуют слова без гласных или частично без гласных. Приведем несколько примеров: ᠪᠷᠲᠢᠮ - бртм (бертим) - дал: ᠲᠠᠮᠳᠢᠮ тгмдм (тегмэдим) - не достиг; ᠴᠢᠪ чб (чаб) - слава, почет; ᠪᠠᠨᠠ бана (бана) - мне; ᠪᠠᠭᠠᠨ бак (бек), ᠬᠠᠭᠠᠨ кфн - каган - хан, царь; ᠶᠢᠰᠠᠳ шд (шад) - титул; ᠰᠢᠵᠢ скз (секиз) - восемь; ᠪᠢᠯᠢᠭ (билг) билиг - знание и т.д. [8, с.55, 56, 57, 59, 61, 62; 216, с.34].

В фонетической системе тюркской надписи существуют следующие виды сингармонизма: палатальный (небный) сингармонизм и лабиальный (губной) сингармонизм.

Подобно тюркским языкам палатальный сингармонизм в тюркской надписи заключается в том, что предшествующий гласный влияет на последующий, т.е. в слове должны идти гласные либо заднего, либо переднего ряда. К примеру, слова с твердыми гласными: ᠬᠠᠭᠠᠨ - каган - каган; ᠴᠢᠨ - кара - черный; ᠤᠯᠤᠭ - улуғ - большой; ᠬᠠᠷᠢ - кары - старый; ᠬᠠᠨᠢ каны - где и т.д. [8, с.61, 70].

При присоединении аффиксов к корням слова также соблюдается закон гармонии: ᠬᠠᠭᠠᠨᠢ - каганы - его каган; ᠶᠤᠯᠠᠭ - йолы - его дорога, путь; ᠰᠤᠪᠰᠢᠵᠢ - субсыз - безводный; ᠶᠤᠨᠢᠴᠢ - онынч - десятый; и т.д. [8, с.70]. Приведем при-

меры с мягкими гласными: $\uparrow \downarrow$ - екі - два, $\text{e} \uparrow \text{e} \downarrow \text{g}$ - пятьдесят, $\uparrow \downarrow \uparrow \downarrow$ - кісі - человек, $\uparrow \downarrow \text{e} \downarrow$ - беглер - начальники, $\uparrow \downarrow \uparrow \times \downarrow$ - бедізчи - художник, мастер, $\text{e} \downarrow \downarrow$ - билг - знание, $\uparrow \downarrow \uparrow \downarrow$ - екінті - второй и т.д. [8, с.71]; бит(и)к - надпись [28, с.258].

Лабияльный сингармонизм выступает в следующих видах: а) без отражения лабиализации гласных и б) с отражением явления лабиализации узких гласных; например: а) $\uparrow \downarrow \uparrow \downarrow$ - бунсыз - без печали; $\downarrow \downarrow \uparrow \downarrow \downarrow$ - оглына - моему сыну; $\downarrow \downarrow \downarrow \downarrow$ - тутдым - поддерживал; $\uparrow \downarrow \uparrow \downarrow$ - бөрі-волк и т.д.; б) $\downarrow \downarrow \uparrow \downarrow$ - көңүл - сердце; $\uparrow \downarrow \uparrow \downarrow$ - үчүн - для, ради; $\uparrow \downarrow \downarrow$ - отуз - тридцать; $\downarrow \downarrow \uparrow \downarrow$ - күмүс - серебро и т.д. [8, с. 71].

Как отмечает Г. Айдаров, что широкие губные гласные “о”, “ө” наблюдаются лишь в первом слоге слова [8, с.71; 105; с. 66,67].

Аналогичное явление наблюдается и в современных тюркских языках. Так, в гагаузском, турецком, караимском, кумыкском языках губные гласные “о” и “ө”, в большинстве случаев, встречаются лишь в первом слоге слова. Помимо этого, в азербайджанском и в вышеуказанных языках аффиксы, присоединяемые к словам с губными гласными бывают лишь с узкими губными гласными. Приведем примеры на вышесказанное: коркулу - страшный, көпрүнін - моста (род. пад.) (гаг.яз.); otuz - тридцать, ökü - бык (тур. яз.); кол-ум - моя рука, кер-сүн - пусть увидит; увл-ум - мой сын; йүрю-дүм - я ходил (караим. яз.); оймак - наперсток; огуыз - бык; огуыз - уьбуыз - наш бык (кумык. яз.), bol-bolluq - обильный, обилие, göl - озеро, gölümüz - наше озеро (азерб. яз.).

А теперь, опишем вышесказанное формально, т.е. создадим таблицы с теми или иными переходами гласных и

согласных в каждом языке и обозначим их наличие и отсутствие комбинациями чисел 0 и 1 в двоичной системе счисления. Данные таблицы приводятся после каждого описания того или иного закона гармонии как в древнетюркских письменных памятниках, так и в современных тюркских языках. Относительно же диалектов и говоров тюркских языков, то в их таблицах описываются лишь случаи нарушения данного закона.

До нынешнего времени, в работах Г.П.Мельникова, М.А.Черкасского [122, N 6, 1962; 187, N 4, 5, 6, 1961] и других, формально описывался лишь закон гармонии гласных, закон гармонии согласных в данных работах не затрагивался. Помимо этого, в работах Г.П.Мельникова комбинациями чисел 0 и 1 в двоичной системе счисления обозначались сами гласные, а в нашей работе мы обозначим данными комбинациями чисел наличие и отсутствие тех или иных переходов гласных и, в том числе, согласных, так как в данном исследовании мы затрагиваем помимо закона гармонии гласных, также и закон гармонии согласных, не только в современных тюркских языках, но и с целью сравнения, в древнетюркских письменных памятниках, диалектах и говорах тюркских языков.

В данной работе приводятся также графы наиболее употребительных аффиксов в современных тюркских языках. Вначале приводятся графы аффиксов, где наблюдается наиболее последовательная реализация закона гармонии, а затем, для сравнения, приводятся графы аффиксов с наименее выраженной реализацией данного закона в современных тюркских языках.

В таблице 2.1.1 наглядно рассмотрены особенности закона гармонии гласных в языке письменных памятников.

А теперь рассмотрим особенности закона гармонии

Закон гармонии гласных в языке письменных памятников

Язык письменных памятников	Небная гармония гласных	Губная гармония гласных			
Орхоно-енисейские памятники	После передних ненебных гласных следуют передние, после задних ненебных гласных следуют задние	без отражения лабиализации u//h ; o//h	с отражением лабиализации o//u, o//ü	гласные o, ö наблюдаются лишь в первом слоге слова	В аффиксах следуют лишь узкие губные u, ü
		11	11	11	11
	11				

Примечание:

1. Знаком 11 отмечено наличие данного явления

гласных в современных тюркских языках.

Закон гармонии гласных является характерной особенностью чувашского вокализма. Закон сингармонизма представляет собой прогрессивную ассимиляцию гласных, которая состоит в том, что гласный звук начального слога занимает господствующее положение в слове, от него зависит характер гласных (отчасти и согласных) следующих слогов, которые уподобляются ему по палатальности и непалатальности [83, с. 173]. В слове обычно наблюдаются гласные только одной категории - или все переднего ряда с палата-

лизованными (мягкими) согласными или же все заднего ряда по преимуществу с непалатализованными (твёрдыми) согласными [83, с. 173]. Приведем примеры: 1) ёмёр- век, вёщевёщ- летчик, кёмёл- серебро, тинес - море, никес- основание, фундамент, пүске - мяч, клубок, пүлём- комната, хуре- хвост, хёрёл- красный, вёри- горячий, сүре - ходить, ездить и т.д. [83, с. 173]; сивёгlex - ловкость, кимё - лодка [157, с. 322, 323].

В данном ряде встречаются исключительно гласные переднего ряда (палатальные) и в зависимости от них палатализованные (мягкие согласные).

2) салам - привет, мухтав - хвала, слава, хула - город, х́ават- сила, мощь, шу́хаш- мысль, хал́ах- народ, патт́ар- богатырь, хавас - рад, та́ван- родной, родственник, хыпар - весть, молва, сывла́ш- воздух, [83, с. 173], у́па - медведь, пула́са - ловец [157, с.322, 336].

В данном ряде встречаются исключительно гласные заднего ряда (велярные) и обусловленные ими твёрдые (непалатализованные) согласные.

В чувашском языке вокализм корня полностью определяет вокализм словообразовательных и словоизменительных аффиксов. Если в основе слова гласные заднего ряда, то и в аффиксах гласные заднего ряда, а если в основе гласные переднего ряда, то и в аффиксах гласные переднего ряда.

Необходимо отметить, что в аффиксах наблюдается закономерное соответствие между гласными переднего и заднего ряда: звуку “а” соответствует звук “е”: “а”→“ё”; “у”→“ү”; “ы”→“и”; диал. лаб. “я”→“ё” лаб.

Примеры: Им.пад. быв́ал - сын хёр-
дочь

Род.пад.

быв́алан

хёрён

Дат.пад.	ывала	хёре	и т.д.
Им.пад.	ывалам - мой сын	хёрём - моя дочь	
" "	ывалу - твой сын	хёр' - твоя дочь	
" "	ываллах - сыновство	хёрлех - девичество	
" "	варманла - лесистый	пелётлэ - облачный	
" "	лашасёр - без лошади	ёнесёр - без коровы и т.д.	

[83, с.174].

Относительно губного сингармонизма в чувашском языке, то он проявляется в довольно узких рамках. Он выражен не во всем чувашском языке, а только в верховом наречии и в переходных диалектах. Чуваша же низовые совершенно не знают этого явления [83, с. 177].

Если в начальном слоге слова имеется один из редуцированных лабиализованных гласных "а" или "е", то гласные и следующих слогов, если они сами по природе своей являются звуками редуцированными, неизменно уподобляются ему, т.е. тоже становятся лабиализованными "а" или "ё". Например, вākār- бык, вārçā- война, кākār-грудь, кāpāk - пена, кākшам- кувшин, кātкa- муравей, макāль-шишка, мākшā- мокша, нārā- жук, ātār- выдра, āшā - теплый, āшāх- неглубокий, пākā- пробка и т.д. [83, с. 178].

Примеры с лабиализованным "ё": ёмёр - век, кёрёк -шуба, пёкё - дуга, тёкёр- зеркало и т.д.

В чувашском языке многие слова с узкими гласными (ā, ы, ё) - в начальных слогах в разговорном языке употребляются и с огублением, и без огубления в пределах двух слогов [89, ч.I, 1955]. Например: мёкёр (мёгёр//мөгөр) - мычать, реветь; кāнтār (кындыр//кoндор) - полдень; пeтeр (пёдёр //пөдөр) - крутить, сучить; пāчкā

(пычкы//почко) - пила; сёлкё (сёлгё//сёлгө) - вышитое полотенце; сёлё (сёлё//сөлө) - овес [89, ч.I, 1955].

Губной сингармонизм распространяется иногда на словообразовательные и словоизменительные аффиксы, при условии, если в составе последних имеются редуцированные гласные “ä” и “ё”. Из словообразовательных аффиксов подчиняются ему аффиксы -лă, -лăх, -кăг, -ăк, âç с их палатальными разновидностями -лё, -лёх, -кёг, -ёк, - ёç . Например: пăрлă - ледяной, âслă - умный, мăшăрлă - парный, вăрлăх - семя, кăкăрлăх - нагрудник, пăсăк - испорченный, хăрăк - сухой, пăрнăç - изогнутый, кривой, тёрлё - различный, тёрёллё - с узорами, тёслё - цветной, тёплё - основательный, ёмёрлёх - вечность, тёттёмлёх - темнота, сёркёч - смычок, ёмкёч - соска, çёрёк - гнилой и т.д.

Из вышесказанного, по-нашему мнению, вытекает, что губной гармонии в современном чувашском языке не существует. А отголоски данного явления наблюдаются лишь в разговорной речи чувашского языка.

В туркменском языке сингармонизм также заключается в том, что если в первом слоге слова стоит гласный переднего ряда (i, e, ə, ö или u), то в последующих слогах могут быть только гласные того же переднего ряда [70, с. 55; 145, с. 37-38]. Например: jigitler, şehirimiz, ənevlі и т.п. И, наоборот, если в первом слоге слова имеется гласная заднего ряда или среднего ряда (a, ы, u, o), то и все последующие гласные данного слова соответственно будут гласными заднего или среднего ряда [70, с. 55; 145, с. 37-38]. Например: alma, bugdaj, оғып и т.п. [145, с. 37-38]; гала, галам и т.д. [179, с. 145].

Интересно отметить, что в отличие от других тюркских языков, в туркменском языке слова, за-

имствованные из других языков не подчиняются правилу сингармонизма, а сингармонизируются одни лишь приставки, которые, в свою очередь, присоединяются к основе данного слова. Например: Tyrkmenistanda, derjanyn, kita-plagymz, и т.д. Приставки, присоединяемые к словам и с твердой и с мягкой основой имеют по два варианта своего произношения: твердому “а” соответствует мягкое “е”. Например: atalar - eneler, obadan - şeherden, alma - gelme; твердому “ь” соответствует мягкое “і”. Например: kitaby - derteri, aldy - berdi; долготу “а” соответствует долгое “ә”. Например: men oba bardym, avtobus Pevrizә gitdi [145, с.38].

Губной сингармонизм распространен не во всех районах Туркмении и наблюдается он не во всех словах.

Сущность губного сингармонизма заключается в том, что если в первом слоге слова имеется губной звук (у, ө, ұ, о), то в последующих слогах слова появляются губные звуки [145, с. 38].

В туркменском языке краткие губные гласные явно слышатся при быстром непринужденном разговоре, но немедленно исчезают при более замедленном темпе речи; так к примеру, при быстром произношении у большинства туркмен ясно слышится: gerdym, bulut, ojun и т.п., а при замедленном же произношении этих же слов обычно слышится: gerdim, bulyt, ojn и т.п. [145, с. 39].

В диалектах туркменского языка узкие и широкие гласные могут подвергаться лабиализации, например в эрсаринском диалекте: шолор - эти, болмосун - пусть не будет, гөрörtük- мы показали; в говоре ставропольских туркмен: көфөлөк- бабочка, бөjlө - так, шөjlө - так, туркм. дуjөлөрө - верблюдам, өрдөклөрө - уткам, курөк- лопата, весло, тутун - дым и т.д. [195, с. 74].

Как отмечает Ф.Г.Исхаков: “в туркменском языке

губные гласные начального слога оказывают огубляющее влияние на негубные гласные остальных слогов лишь до второго слога включительно, причем широкие гласные второго слога подвергаются огубляющему влиянию губных гласных первого слога слабее, чем узкие, и не во всех диалектах. Поэтому огубление широких гласных второго слога на письме не отражается, и буквы “о” и “ө” в туркменском языке пишутся в словах коренного происхождения только в первом слоге” [89, ч. I, 1955]. Например: чөрек - хлеб (часто произносится чөрөк), кюрек - лопата, гурак - засушливый, орак - серп, оглан - мальчик, өрдек - утка и т.п. [89, ч. I, 1955].

В многосложных словах также явление губного сингармонизма обычно распространяется до предела первых двух трех слогов: например: tutorlar (=tutarlar), dogonyň (=doganýň), çylgelerdeň (=çylgelerden) и т.п.

Что касается огубления узких гласных, то оно в правописании отражается в следующих случаях: а) если в первых двух слогах в произношении употребляются гласные “у” и “ү”, и на письме обозначаются соответствующими буквами: учгун - искра, үзүм - виноград, өкүз - бык, отургыч - табуретка и т.п.; б) в любом по счету слоге, если после губно-губного “в” слышится “у” или “ү”: гаравул - караул, шарлавук - водопад, гавун - дыня и т.п. [89, ч. I, 1955].

В гагаузском языке небная гармония гласных также заключается в уподоблении гласному первого слога гласных последующих слогов.

Соответственно, если в первом слоге слова имеется гласный заднего ряда (“а”, “ы”, “о”, “у” и соответствующие долгие), то и в последующих слогах будут гласные заднего ряда (заднеязычные). Например: алтын - золото; кырмызы - красный; кызлардакы - находящийся у девушек; тарамма -

причесывать; доорулук - правда [137, с. 74]; маказ - ножницы; мандаг - засов, задвижка [65, с. 324, 325].

Если в первом слоге слова имеется гласный переднего ряда (“а”, “е”, “и”, “ө”, “у” и соответствующие долгие), то и в последующих слогах будут гласные переднего ряда (передненебные). Например: текерлемäй - катиться (о колесе); бсенмаа - нравиться, биринжи - первый, сүпүргä - метла, гөзлёриндä - в его//ее глазах [137, с. 74, 75]; екмекчи - пекарь, хлебопек, булочник; елкен - парус [65, с. 175].

В гагаузском языке губная гармония гласных по сравнению с небной гармонией менее распространена.

Л.А.Покровская обуславливает это тем, что “в южных тюркских языках, в том числе и в гагаузском, гласные “о”, “ö” встречаются только в первом слоге слова, а в последующих слогах могут быть из губных гласных только “у”, “ү” [137, с.75]. В основах слов губная гармония гласных не наблюдается, т.е. за негубным гласным следует губной и наоборот. Например: капу - дверь (ср. тур. kapı); армут - груша, даул - барабан, чамур - грязь, саурмаа - веять (зерно), кула - белокурый, светлый (о масти); буба//боба - отец, (ср. тур. baba), бойа - краска, крась, кожа - муж, взрослый; гүвä - жених, зять, көсä - безбородый [137, с. 75].

Губная гармония гласных в гагаузском языке заключается в том, что если в первом слоге слова идет губной гласный (о, у, ö, ü и соответствующие долгие), то и последующие гласные должны быть губными и только узкими, губными (у, ү), как было указано выше. Например: коркулу - страшный, көпрүнүн - моста (род. пад.); дурдук - мы остановились, стояли; докузунжу - девятый, кучужук - маленький, куулу - сельский житель. [137, с.75]; коллу - с руками; сују - воду; гөзлук - очки, өкүзчук - бычок, суду - молоко (вин. пад.); и т.д. [195, с. 73].

Как отмечает Ф. Ядигар (Вейсалов): “Закон гармонии среди средств и единиц, окружающих фонетический строй и фонологическую систему азербайджанского языка является одной из черт, занимающих важное место в фонетических и фонологических исследованиях [223, с.75].

Что касается небной гармонии в азербайджанском языке, то последовательность гласных по месту образования или по положению языка бывает по признаку мягкорядности-твердорядности и проявляется двояко: гармония мягких гласных и гармония твердых гласных [204, с. 210; 208, с. 108].

А.Гурбанов рассматривает закон гармонии следующим образом: “Закон гармонии - это явление следования друг за другом в слове однородных звуков” [215, с. 472].

А.Ахундов также отмечает следующее: “Необходимо отметить, что это фонетическое явление, именуемое в тюркологии небной гармонией, среди тюркских языков в полном виде проявляется в азербайджанском языке” [203, с. 36].

С данным высказыванием А.Ахундова мы полностью согласны, так как считаем, что небная гармония гласных в азербайджанском языке проявляется в полной мере.

Аналогичное подчеркивает также А.Гурбанов, кроме того, он полагает, что в азербайджанском языке проявляется в полной мере не только небная гармония, но и весь закон гармонии: “...Однако для азербайджанского языка закон гармонии очень характерен” [215, с. 472]; а также: “В фонетической системе азербайджанского языка усовершенствование и развитие закона гармонии более явно бросается в глаза... В азербайджанском языке закон гармонии был всегда прочным и стабильным...” [214, с. 408].

С данным высказыванием А.Гурбанова мы также согласны, так как считаем, что закон гармонии в азерб-

байджанском языке проводится весьма последовательно. Главным образом, это касается небной гармонии гласных, которой подчиняется почти большинство слов словарного фонда азербайджанского языка.

Рассмотрим сначала гармонию мягких гласных.

Согласно этому закону в словах, начинающихся с переднеязычных гласных, последующие слоги также должны быть с переднеязычными гласными [204, с. 210].

Если в первом слоге слова идет один из переднеязычных или среднеязычных гласных (ə, e, ö, i, ü), то и в последующих слогах также должны быть таковые (ə, [e],) [ö], i, ü); например: ələk - сито, eşik - двор [208, с. 108], dəvə - верблюд, dələ - белка, [209, с. 124, 125], özül - основа, основание, фундамент, inci - жемчуг, üzüm - виноград, çörək - хлеб, kəndələn - косо, поперек, поперечный, özək - ячейка, kösöv - головня, ürək - сердце, bütün - целый, цельный, külüng - кирка, ertə - рано и т.д. [208, с. 108]; nənələrimizin, sürələrimizdə, ömrümüzün, iyirminclərdən и т.д. [204, с. 210].

Гласные “e”, “ə”, “i” в составе слова, отмечает А.Ахундов, располагаются по-разному и в разном количестве. Например, А.Ахундов выделяет следующие пять гармоний.

1. Гармония ə+ə: dəvə - верблюд, dələ - белка, dəstə - букет, группа, nənə - бабушка, yəhər - седло, nəğmə - песня, məsəl - пример, поговорка, kələm - капуста, dəfə - раз, səhər - утро, tərə - темя, холм, и т.д. [204, с. 210], təkər - колесо, pətə - талон [209, с. 285, 331].

2. гармония e+ə: belə - так, demək - говорить, seyrək - редкий, nehrə - маслобойка, meyvə - плод, фрукты, heybə - переметная сумка и т.д.

Так как гласная “e” в последнем слоге двухсложных и многосложных слов, а также в составе аффиксов не участвует, то и использование гармонии e+ə в нашем языке ог-

раничено.

3. гармония ə+i: dəmir - железо, dərin - глубокий, əkin - сев, посев, həmin - тот самый, zənbil - корзина, sərin - посев, çətin- трудный, mənzil - квартира, xəmir -тесто и т.д.

4. гармония i+i: biçin - жатва, iri - большой, крупный, indi - сейчас, kirpi - еж, kiçik - маленький, minik - седок, пассажир, birinci - первый, şirin -сладкий.

5. гармония i+ə: bilək - запястье, dirək - столб, бревно, tikə - кусок, ломтик, cīvə - ртуть, ciğə - тмин, minmək - садиться, kisə - мешок, işləmək - работать и т.д. [204, с. 211].

Гармония твердых гласных

Согласно этому закону в словах, начинающихся со слогов с заднеязычными гласными, последующие слоги также бывают с заднеязычными гласными [204, с. 212].

Если в первом слоге слова есть один из заднеязычных гласных (а, ı, о, u), то и в последующих слогах также должны быть таковые (а, ı, о, u). Например: qarğa - ворона, qalın - толстый, qığağ -край (стола, доски, книги и т.д.), qıgı - ястреб, qonaq - гость, odun - дрова, uşaq - ребенок, quru - сухой, и т.д. [208, с. 108]; babalarımızın - наших предков, yurdumuzun - нашей родины, altmışıncı - шестидесятый и т.д. [204, с. 212].

А.Ахундов рассматривает различные формы проявления гармонии твердых гласных:

1. а+ı гармония: ağız - рот, balıq - рыба, qarı - старуха, darı - просо, yarış - соревнование, mahnı - песня, paхіş - узор, sarı - желтый, к..., в сторону и т.д. [204, с. 212]; pağın - мелкий [202, с. 541].

2. а+а гармония: alma - яблоко, badam - миндаль, qanad - крыло, daхта - хибара, uнаq - щека, maңqal - мангал, sapand - праща, roгатка, tabaq - лоток, корыто и т.д. [204, с. 212]; maşa - щипцы [202, с. 366].

3. 1+а гармония: qısa - короткий, tıxas - пробка, втулка, sıxar - расход, отход, fırlamaq - крутить, вертеть и т.д.

4. 1+1 гармония: qıgış - морщина, складка, qıgıq - разбитый, ломаный, yırtıq - рваный, оборванный, pıçılı - шепот, шептание, sıyıq - жидкий, каша, xışılı - шорох, шелест и т.д.

По поводу губного сингармонизма в азербайджанском языке А.Ахундов, Ф. Джалилов и Ф. Зейналов высказывают следующее: “Губная гармония в нашем языке ограничена, и, главным образом, ее можно рассматривать как разновидность гармонии гласных по месту образования” [204, с. 210; 205, с. 69; 224, с. 36].

В азербайджанском языке губная гармония гласных действует в рамках небной гармонии, и выражается в том, что при наличии в конечном слоге основы губного гласного, в аффиксах также бывает губной гласный, но лишь один из узких гласных, т.е. небный или ненебный (u, ü) губной гласный, согласно небному сингармонизму. Например: bol - обильный, bolluq - изобилие, göl - озеро, gölümüz - наше озеро и т.д. Многие собственно тюркские основы азербайджанского языка состоят из одних лишь губных гласных. Например: odun - дрова, kömür - уголь, boyun - шея, böyür - бок.

А.Ахундов приводит несколько форм появления гармонии губных мягких гласных:

1. ö+ö гармония: kösöv - головня, köntöy - грубый, неуклюжий, неловкий и т.д.

2. ö+ü гармония: böyük - большой, dönüş - возвращение, görüş - встреча, ölüm - смерть, öküz - бык, вол, möhür - печатать, sönük - тусклый, угасший, ömür - жизнь и т.д.

Необходимо отметить, что в этой гармонии после гласного “ö” в аффиксах несколько раз может следовать глас-

ный “ü”: *göründüyü* - видимый, *töküntüsünün* - его остатка, *görünüşümüzün* - нашей внешности и т.д.

3. *ü+ö* гармония: *bütöv* - целый, *bülöv* - точило, точильный брусок и т.д.

Гармония *ü+ö* в нашем языке ограничена также как и *ö+ö* гармония.

4. *ü+ü* гармония: *yürüş* - ход, походка, поход, *gümüş* - серебро, *sümük* - кость, *şütül* - недозрелый, недожаренный, недоваренный, *süzgün* - плавный, *yüngül* - легкий, *sünbül* - колос, *düzgün* - правильный, *üzüm* - виноград, *üstün* - превосходный, преобладающий и т.д. [204, с. 211, 212].

Гармония губных твердых гласных.

А.Ахундов приводит следующие формы проявления гармонии губных твердых гласных:

1. *o+o* гармония: *oxlov* - тонкая скалка, *kolxoz* - колхоз и т.д.

2. *o+u* гармония: *boyun* - шея, *qoyun* - баран, *donuz* - свинья, *yosun* - водоросль, *kobud* - грубый, неотесанный, *moıuq* - малина, *poıud* - горох, *ordu* - войско, *soıuq* - холодный, *toıuq* - курица, *xoıuz* - петух и т.д.

3. *u+o* гармония: *buzov* - теленок, *dublyor* - дублер, *futbol* - футбол, *fırqon* - фургон и т.д.

4. *u+u* гармония: *bulud* - облако, *quzu* - ягненок, *duıu* - жидкий, негустой, чистый, *uıuı* - сон, *xıuıı* - гарнир, приправа к плову, экстаз [204, с. 212].

Как отмечает А.Ахундов: “Как видно из примеров, использование гармонии губных твердых гласных ограничено... Причиной этого является то, что гласная “o”, также как и губная мягкая гласная “ö” встречается только в первом слове [204, с. 212].

В современном турецком языке существует два вида гармонии гласных, первая из которых палатальная

гармония, а вторая лабиальная гармония [254].

Закон гармонии гласных в турецком языке заключается в том, что гласные как в составе слова турецкого корня, так и в соединении корня с аффиксами качественно определяются гласным первого слога. В заимствованных словах закон гармонии гласных действует лишь при соединении подобных слов с турецкими аффиксами [103, с.35].

Е. Тюркер полагает, что палатальная гармония осталась из прото-турецкого языка, в то время как лабиальная гармония появилась позже [254].

С этим высказыванием Е.Тюркер мы не согласны, так как наличие в орхоно-енисейских памятниках таких слов, как *özüm*, *budun*, *kögür* и т.д. отрицает данное предположение.

Одной из значительных особенностей тюркских языков является гармония гласных [255].

Тахсин Бангуоглу дает следующее определение закона небной гармонии гласных: “Если в первом слоге аффиксального или безаффиксального слова находятся гласные твердого или мягкого ряда, то все последующие гласные данного слова будут либо твердыми, либо мягкими [228, с. 136, 137].

Согласно Н.К.Дмитриеву: “... Этот морфологический процесс оформления слова идет параллельно с фонетическим процессом ассимиляции звуков аффикса звуком корня (так называемый сингармонизм) [78, с. 16].

По мнению Э.В.Севортяна, “... фонетическое явление, при котором последующий гласный ассимилируется предыдущему, гармонирует с ним по признаку небности-ненебности, называется прогрессивной ассимиляцией или гармонией по небности-ненебности, или более кратко - небной гармонией. Иногда этот фонетический процесс называют

еще небным притяжением (палатальной аттракцией) [165, с. 35].

Следовательно, после гласных заднего ряда следуют гласные заднего ряда, после гласных переднего ряда - гласные переднего ряда [100, с. 20; 240, с. 96; 241, с. 51].

Большинство турецких двух- и трехсложных основ подчиняется небной гармонии. Например: alın - лоб, ağaç - дерево, boğaz - горло, uyrak - лист, ocak - очаг, yalnız - один, лишь, eski - старый, yeni - новый, çelik - сталь и т.д. [165, с. 35]; çayır - луг, лужайка, пастбище, deniz - море [43, с. 174, 212].

Несмотря на то, что большинство слов, заимствованных из других языков в турецком литературном языке сохранило свой изначальный фонетический облик, то некоторое количество этих слов все же попало под действие небной гармонии [165, с. 35]. Таковыми являются следующие заимствования: наряду с "acentă", "acente" параллельно "acanta" из итальянского - "agente" агент, посредник; наряду с "makina" параллельно "makine" из итальянского "macchina" - машина, механизм; наряду с "dosye" параллельно dosya из французского "dossier" - дело, досье, "izbe" из русского "изба" в значении погреб, навес, развалившееся жилище; наряду с "faide" (ар.) - "fayda" - польза, выгода, наряду с "kaide" - "kayda" - основание, правило; наряду с "sahife" - "sayfa" - страница и т.д. [165, с. 35].

Большинство заимствованных слов в народно-разговорной речи подвергается фонетической обработке значительно чаще, чем в литературном языке: например, в литературном языке kestone - каштан, в народно-разговорной речи: kestone; entari - род длинной рубашки > enteri; yelpaze - веер > yelpaze и т.д. [103, с. 37].

Небезынтересно отметить, что турецкие слова, которые

в литературном языке наличествуют в форме, нарушающей закон гармонии гласных, в народно-разговорной речи полностью сохраняются в своей исконной форме; в литературном языке elma - яблоко, в народно-разговорной речи alma; kardeş - брат > kardaş и др. [103, с. 37].

Небная гармония гласных проявляется также в фонетическом оформлении словообразовательных и словоизменятельных аффиксов турецкого языка. Состав гласных в аффиксах определяется качеством последнего гласного в слове, т.е. если он небный, то гласные аффикса также бывают небными; если он ненебный, то гласные аффикса также ненебные [165, с. 35].

Наряду с прогрессивной ассимиляцией гласных по небности-ненебности существует также другой вид ассимиляции в турецком языке, который охватывает губные гласные и в соответствии с этим называется прогрессивной губной ассимиляцией гласных или кратко-губной гармонией (губным притяжением) гласных [165, с. 37].

Сущность этого явления заключается в том, что если в начальном слоге слова наличествует губная гласная, то и последующие гласные основы и аффиксов также бывают губными [226, с. 26; 244, с. 51]. Например: odunluk - дровяной сарай, kömürlük - угольная яма, сарай для угля [165, с. 38].

Из этих примеров вытекает, что в рамках губной гармонии параллельно действует небная гармония, которая заключается в том, что в слове "odunluk" губные гласные все относятся к заднему ряду, а в слове "kömürlük" губные гласные относятся к переднему ряду.

Таким образом, по этому поводу Э.В.Севортян отмечает: "... прогрессивная губная ассимиляция представляет собой особую разновидность небной ассимиляции в области

губных гласных, которую можно назвать небно-губной ассимиляцией или небной губной гармонией [165, с. 38].

В первом слоге турецкого слова возможны широкие губные гласные о и ö, в последующих же слогах допустимы лишь узкие губные гласные [78, с. 17; 89, ч. I, 1955; 100, с. 20; 165, с. 38]. Иначе говоря, губной гласный предыдущего слога оказывает огубляющее действие только на узкие гласные последующих слогов. Например: otuz - тридцать, öküz - бык, yumruk - кулак, gümüş - серебро, и т.д. [89, ч. I, 1955].

Есть некоторые отступления, которые объясняются заимствованным характером слов. Например: xogoz - петух, kokoz - бедный, разорившийся, kodoman - сердитый, злой, kokogoz - стебель кукурузы, çigöz - высушенная на солнце мелкая скумбрия, и т.д. [165, с. 38].

Однако наряду с подобными словами можно привести большое количество довольно распространенного типа слов: oda - комната, kulak - ухо, böcek - насекомое, yüksek - высокий, utan - стыд, duman - дым, çokmar - дубина, ülke - страна, край, üvez - рябина, düve - телка и т.д. [78, с. 17; 165, с. 38].

По поводу закона губной гармонии Тахсин Бангуоглу высказывает следующее: "Узкие гласные второго и последующих слогов аффиксального и безаффиксального слова становятся либо негубными либо губными, если в первом слоге данного слова находятся негубные или губные гласные" [228, с. 137]. Некоторая часть слов с течением времени попала под влияние небно-губной ассимиляции, несмотря на их заимствованный характер. К числу таких слов относятся, например: dürbün - подзорная труба, çünkü - так как, потому что, müdür - директор, управляющий, происходящие из персидских durbin, çunke, арабского mudir. Одна-

ко большинство слов с аналогичным составом гласных не подверглось влиянию губной ассимиляции. Например: müfrit - разобщающий, разделяющий, külli - полный, многообещающий, mühim - важный, значительный и т.п. [165, с. 39].

Аффиксация основ, имеющих в конечном слоге губные гласные происходит в турецком языке по следующему правилу: аффиксы с узкими гласными имеют губной и негубной варианты, из которых образованные с губным гласным прибавляются к основам, имеющим в конечном слоге губной гласный звук, и наоборот. Данное правило в турецком языке проводится последовательно [89, ч. I, 1955].

В языке турок ахыска закон гармонии также занимает основное место. В большинстве слов тюркского происхождения, а также в заимствованных словах наблюдается последовательное использование данного закона. В словах языка турок ахыска за твердыми гласными следуют твердые, за мягкими - мягкие гласные. Например: а) следование твердых гласных за твердыми гласными: саух - сазах, гылыч, балта - хызар, тавух - чучулар, ажахјалын, пувар, мал - тавар, кортлуғ, урба, бохча, бајаз, лазут, лобја и т.д. ; б) следование мягких гласных за мягкими гласными: өтмөк, күтән (котан), күвәч, тәрәк, кәмүк, јәмәни, көмлөк, күфә, тәләнк, мәнәмшә, мәндил и т.д. [213, с. 61].

В языке турок ахыска наблюдаются следующие формы небной гармонии гласных а-а: бајаз, дава, балта, гатар; е-е: кесле, декенек; и-и: инчир, тилки; а-ы: чалыр, карванбашы, кәрақыш; ә-и: нәрди, гәлин, чәлик, әлли, кәринжә, кәрәфил, әвли; и-ә: миндәр, диргән, синрәтмә, кинкилә, синәк; е-и: елти, пешкир, пејнир; е-ә: кечә, јегәи и т.д. [213, с. 63, 65].

В языке турок ахыска существуют следующие формы

губной гармонии гласных; о-о: боғоз, кошот, порсох, ороч, хороз; у-у: чучул, булуз. бујнуз, лухум: ү-ү: дүнгүр, жүжүк, гүжүк, гүгүм, дүдүг; ү-ә: жүкрәк, жүзкәр, жүскәк, күфә; о-у: охчур (белбағы), опчу (анбар), охчу, хорум, бончуг, голчук; ө-ө: гөзөл, дөкөн; ө-ү: көвүл, бөгрүм, көрүк; и т.д. [213, с. 66-68].

Однако, несмотря на то, что закон гармонии в языке турок ахыска занимает особое место, имеют место также нарушения данного закона.

Данное явление, в большинстве случаев, встречается в конце производных слов. Присоединяемые к слову лексические или грамматические аффиксы не подчиняются закону гармонии гласных слова-основы. Например: һәм сучли, һәм күчли (старое слово); та дәлух, тас дәлух, бу да кәлди үстәлух (старое слово) и т.д. Как видно из примеров, к концу слов “сучли”, “дәлух” присоединены аффиксы то с переднерядными гласными, то с заднерядными гласными. И.Казымов объясняет данное нарушение некоторыми причинами: “... В силу того, что письменность турок ахыска долгое время велась на грузинском алфавите, то отражать на письме гласные данного языка было трудно, и такого рода трудность нарушала гармонию гласных в словах...” [213, с. 61, 62].

В результате использования иноязычного алфавита, в лексических или грамматических аффиксах, присоединяемых к концу слова, не формируется многовариантность, и используется лишь один вариант аффиксов.

В языке турок ахыска широко распространена форма многовариантных аффиксов, состоящая из переднерядных гласных. Эта особенность образовала в языке турок ахыска несколько фонетических явлений, одной из которых является иканье. Это явление происходит путем прибавления

одновариантных аффиксов и, -ли, -чи и т.д. к основам слов. Приведем примеры нарушения закона гармонии гласных, при присоединении одновариантных аффиксов и, -ли, -чи: јази, оғли, кызи, пувари, курди, фуручи, пантаси; гарли, бузли, јанухли; зурначи, јабанчи, авчи и т.д. [213, с. 62, 63].

Другой причиной нарушения закона гармонии гласных в языке турок ахыска является превосходство губных гласных. Как отмечает И.Казымов: "... Превосходство губных гласных, в основном, связано с одновариантностью аффикса -лух..." [213, с. 63]. Например: Елә ондајкән адыни "ај-рилух наवास" гојдиләр; үстиачух бир машин дә гапынын ағзыни кәсдүрмишди; Билмам ки, саһабсызлух јүзүндәнми, наданса бу јоллар олдухча нараһат олмишди и т.д. [213, с. 63].

В языке турок ахыска также наблюдается нарушение закона гармонии в словах, где после переднеязычного гласного "и" следует заднеязычный гласный "а": например: кирва, сина, икна и т.д. Следует отметить, что гармония ы-ы, а иногда и а-ы в данном языке нарушается: чырди, чыхди и т.д.; таји, ајнали, аббаси и т.д. [213, с. 64, 65].

Рассмотрев закон гармонии в тюркских языках огузской группы, выявляется, что при губной гармонии в аффиксах следуют лишь узкие губные гласные. А это, по-нашему мнению, в очередной раз, подтверждает неполное проявление губной гармонии гласных в данных языках.

Небная гармония гласных в караимском языке заключается в том, что все гласные слова по артикуляции должны максимально сближаться.

В составе одной основы могут выступать либо гласные заднего ряда, либо гласные переднего ряда. Например: аталарымыз - наши предки; битикляримиз - наши письма [128, с. 10]. Состав гласных аффиксов определяется составом

гласных основы, так как гласные аффиксов всегда неустойчивы, в то время как основа имеет постоянный и устойчивый состав гласных. Например, слово (корень) ат - конь не имеет звуковых вариантов. Изменение гласного этого слова привело бы и к изменению его значения: от - огонь, эт - мясо, ут - выиграй и т.д. А к примеру аффикс -ка с вариантами -ха, -га, -гя, -ге выражает лишь дательно-направительный падеж [127, с. 50].

Все исконно караимские слова и аффиксы строго подчиняются закону небной гармонии.

Закон небной гармонии гласных в караимском языке заключается в следующем:

1. В составе одного слова гласные заднего ряда а, о, ы, у выступают в разных комбинациях: а-ы, о-у, о-а-ы и т.д.; Например: ата - отец, ата-лар - отцы, ата-лар-ым - мои отцы (предки), ата-лар-ым-ыз - наши отцы, ата-лар-ым-ыз-дан - от наших отцов (предков); кол-ум-да - в моей руке, кол-ум-да-гы - находящийся в моей руке и т.д. [127, с. 51]; нам-лы - известный, знаменитый, прославленный, нарлык - гранатовое дерево [93, с. 418].

2. В составе одного слова гласные переднего ряда е, и, ө (ё), у (ю) выступают в разных комбинациях, например: битик - письмо, битикляр - битиклер - письма, битикляр-им-из-дян/битик-лер-им-из-ден - из наших писем; кез-ляр-и-чя - в глаза, на его глазах и т.д. [127, с. 51]; негер - слуга, нерсе - предмет, вещь [93, с. 418, 419].

Из вышесказанного вытекает, что в одном слове не могут употребляться вместе гласные переднего (е, и, ө, у) и заднего (а, ы, о, у) ряда, и вследствие этого подавляющее большинство словообразовательных и словоизменительных аффиксов караимского языка имеет минимум два варианта: с гласным переднего ряда (мягким) и с гласным заднего ря-

да (твердым) [127, с. 51].

Закон губной гармонии гласных в караимском языке заключается в том, что в составе одного слова выступают либо только негубные гласные: баба-лар-ы-ны - их предков, теве-лер-и-ни - их верблюдов, либо только губные гласные (соответствующего ряда). При этом необходимо отметить два случая: а) первый гласный основы - широкий, а последующие гласные (в аффиксах) - узкие, например: кол-ум - моя рука, кёр-сун - пусть увидит: б) все гласные - узкие, увл-ум - мой сын, йўрю-дүм - я ходил [127, с. 53].

Как уже было отмечено выше, широкие губные гласные “о”, “ö” в караимском языке употребляются лишь в первом слоге. Вследствие этого, многие словообразовательные и словоизменительные аффиксы, в составе которых наличествуют только узкие гласные, имеют минимум четыре варианта [127, с. 54].

Из вышесказанного вытекает, что закон губной гармонии гласных в караимском языке действует не с такой силой, как закон небной гармонии гласных.

Подобно другим тюркским языкам, кумыкский язык также унаследовал так называемое явление сингармонизма. В современном кумыкском языке сингармонизм в корнях является своего рода пережитком, т.е. собственно кумыкские корни, подчинялись сингармонизму, корни же заимствованные (арабские, персидские и т.д.) сингармонизму не подчиняются [77, с. 19].

Сущность небной гармонии (или небного притяжения) заключается в том, что после корня с небными гласными могут прибавляться в порядке оформления слова только такие аффиксы, в чьих составах имеются небные гласные. Например, после слова эр - мужчина, которое имеет один гласный и притом небный (э), могут следовать аффиксы

лишь с небными гласными (е, и, оь, уь). Вследствие этого, во множественном числе слово эр будет иметь форму эр-лер - мужчины, а не эр-лар, в винительном падеже - эр-ни - мужчину, а не эр-ны, в местном падеже - эр-де - у мужчины, а не эр-да, в категории принадлежности эр-им - мой мужчина > мой муж, а не эр-ым и т.д. [77, с. 19].

После корней же с ненебными гласными в аффиксах могут быть лишь ненебные гласные. Так, от слова ор-ров все те категории, которые образованы от слова эр, будут иметь следующие формы: ор-лар-рвы, а не ор-лер, ор-ну-ров, а не ор-нуь (вин.пад.), ор-да - во рву, а не ор-де, ор-ум - мой ров, а не ор-уьм и не ор-им и т.д. [77, с. 19].

Следовательно, аффикс каждой категории (множественное число, винительный падеж, местный падеж, принадлежность и т.д.) не обладает единым постоянным видом, а является теоретическим единством нескольких вариантов (к примеру, множественное число лар/лер), к тому же в каждом конкретном случае используется тот вариант, гласные которого соответствуют гласным корня. Относительно корней, то в них должно соблюдаться единство гласных (или небные, или ненебные). Например: терек - дерево, гиши - человек, савусгъан - сорока, сабан - плуг, ортакъ - общий, коьпуьр - мост, кьоян- заяц, юген - поводья, уздечка, енгиль - легкий, яман - плохой, инчге - тонкий, хомурсгъа- муравей, гоьгуьрчуьн- голубь, гуьлентги- тень, денгиз - море [77, с. 20]; тыгъыс - густой, плотный, тынлыкъ - спокойствие, тишина, целина, целинный, тырнауч - грабли [110, с. 325].

В заимствованных словах такое единство может не наблюдаться, в этом случае присоединяющийся к ним кумыкский аффикс согласуется с последним слогом корня. Например: жагиль (из арабского) - молодой, неопытный - мн. число жагиль-лер, чинар (из персидского) - платан - мн.

число чинар-лар, кино - кино - мн. число кино-лар [77, с. 20].

Принцип губной гармонии в кумыкском языке заключается в том, что корни с губными гласными могут принимать аффиксы лишь с губными гласными. Например: йол - путь, йол-у -его путь, гоьз - глаз, гоьз-уь -его глаз, кино-буз - наше кино.

Губная гармония гласных в кумыкском языке утратила свой общеобязательный характер и имеются некоторые ограничения в применении.

Во-первых, в современном кумыкском литературном языке губные гласные “о” и “оь” могут идти лишь в 1-м слоге слова (кроме заимствований подобно кино, вагон, сектор, барокко и т.д.): т.е. широкие губные (о и оь) не наблюдаются дальше 1-го слога слова, и, таким образом, не могут стоять в аффиксах, узкие же губные могут стоять везде, т.е. и в корне (на протяжении всех его слогов), и в аффиксах. Например: оймакъ - наперсток - мн. ч. оймакъ-лар, отар - хутор - мн. ч. отар-лар, отлав - пастбище - форма принадлежности отлав-убуз - наше пастбище, оьгуьз - бык, мн. ч. оьгуьз-лер; форма принадлежности: оьгуьз-уьбуьз - наш бык и т.д. [77, с. 21]; тутумлу - бережливый, экономный, тутдуруксуз - неосновательный, непрочный, небережливый [110, с. 324].

Помимо этого, не все аффиксы кумыкского литературного языка (и диалектов) могут образовывать варианты с губными гласными. К примеру, аффиксы принадлежности 1-го лица ед.ч. - ым/им имеют и губные варианты - ум/уьм, а аффиксы мн. числа - лар/лер губных вариантов не имеют.

Причину чередования в одних аффиксах узких гласных, а других - широких - видят в том, что аффиксы образуются из отдельных слов, каждое из которых имело в основе

гласный какого-нибудь одного типа (либо узкий, либо широкий [77, с. 21].

В карачаево-балкарском языке также наблюдается небная гармония гласных, которая прослеживается во всех словах (имеются некоторые исключения); например: бар-а-ма - я иду, бар-а-ды-ла - они идут, тур-а-быз - мы стоим, ишчи-ле-биз - мы являемся рабочими и т.д. [197, с. 216]; ағаҭ - дерево, ајақ - нога, кете - корабль, теміг - железо, [44, с. 133]; тешик - нора, игилик - благо [153, с. 43, 338].

Губная гармония гласных в карачаево-балкарском языке сводится к тому, что за губным корня следуют губные в аффиксах. Огубляющее влияние всех губных гласных корня распространяется на последующие гласные, если аффиксы, присоединяемые к корню, имеют в своем составе узкие гласные, т.е. четырехвариантны. К таковым относятся, например, аффиксы принадлежности, родительного и винительного падежей, сказуемости: от - огонь, от-убуз - наш огонь, ун - мука, ун- угъуз - ваша мука, кёк - небо, кёгюбюз - наше небо, тюш - сон, тюш-югюз - ваш сон, бу от-ду - это огонь; бу кёк-дю - это небо и т.д. Относительно широких гласных, то они в карачаево-балкарском языке не подвергаются губному притяжению. К примеру, двухвариантные аффиксы множественного числа: кьош - кош, кьош - ла-коши, сюрюу - стадо, сюрюу-ле - стада [197, с.216].

В крымско-татарском языке почти все основы и формы слов тюркского, нередко и иноязычного происхождения, а также большинство аффиксов подпадают под влиянием закона небной гармонии, где все гласные в слове уподобляются гласному первого слога, например: чегертке - кузнецик, oda - комната и т.д. Исключения составляют отдельные словообразовательные аффиксы существительных (-даш, -мач), прилагательных (-дай), многие старые заимство-

вания из арабского и персидского и новые заимствования из русского языков, а также корни-основы с депалатализированными *ө* и *ү* в начальном слоге и отдельные основы тюркского происхождения, например: боджек (из бөджек) - насекомое, утю (из үтү) - утюг, курек (из күрек) - лопата, чавке - галка, чабик - быстрый и т.д. [197, с. 236, 237].

Губная гармония гласных в крымско-татарском языке заключается в том, что она распространяется не далее второго слога и лишь на узкие гласные, широкие губные, как правило, возможны в первом слоге; например: койлю - крестьянин [197, с. 237], бурун - нос, кокюс - грудь, тузлукъ - солонка, одун-дзы - дровосек [197, с. 240, 241], *tolqunla* - волноваться, *boynuz* - рога [44, с. 134; 197, с. 238].

Необходимо отметить, что некоторые аффиксы имеют только губной гласный, вследствие чего, в слове может оказаться три губных гласных: например: бойсун-ув - подчинение [197, с. 237].

В татарском языке небная гармония заключается в употреблении гласных по признаку ряда, иначе говоря, в слове могут быть гласные или только переднего или только заднего ряда. Например: мәсләк - убеждение, принцип, лыгыр - болтун [174, с. 354, 386]; тимер - железо ср. в диал. западносибирских татар - төймөр [19, с. 57]. Если в корне слова имеется гласный переднего ряда, то и в следующих за ним аффиксах будет гласный переднего ряда. Если же в корне слова имеется гласный заднего ряда, то и в следующих за ним аффиксах будет гласный заднего ряда. Например, атлыларга - конным, кешеләренә - его людям [173, с. 76].

Небной гармонии полностью подчиняются собственно татарские слова, а также старые русские заимствования.

Например, бұрәнә < бревно, ызба < изба. Относительно большинства арабских и персидских заимствований русских и интернациональных слов, которые вошли в последнее время, а также новых сложных слов, состоящих нередко лишь из татарских корней, то они не подвергаются влиянию закона сингармонизма. Например: өскорма - надс-тройка, никах - брак, бракосочетание, китап - книга, техника - техника и т.д. [169, с. 96-97].

Губная гармония гласных в татарском языке заключается в том, что если в первом слоге слова губные гласные (о), (ө), а в последующих слогах (ы) или (е), то последние произносятся как (о) или (ө). Например: кол-ы [коло] - его раб. Необходимо отметить, что губные (у), (ү) не обладают такой огубляющей способностью [173, с. 76].

Несмотря на это, в татарском языке губная гармония значительно нарушена.

1. Если в первом слоге слова имеются губные гласные о, ө, то по орфоэпическим нормам литературного языка и в последующих слогах произносятся губные о, ө, но с постепенно ослабевающей степенью огубленности. Однако на письме не отражается.

Как подчеркивает Ф.Г.Исхаков: "... согласно действующей татарской орфографии, о-ө пишутся только в первом слоге..." [89, ч. I, 1955].

2. Если в первом слоге имеются губные у, ү, то в последующих слогах слова соответственно идут негубные а, ы, ә, е. Например: урам - улица, сула - дыши, кузак - стручок, кубыз - название музыкального инструмента, туры - прямой, прямо, күлмәк - платье, бүрек - шапка, күрше - сосед и т.д. [169, с. 97].

При присоединении аффиксов соблюдается главным образом небная гармония гласных, в связи с тем, что боль-

шинство аффиксов в татарском языке двухвариантно. Например: аффиксы падежей, аффикс множественного числа -лар/ләр, а также, как -сыз/-сез, -лык/-лек, -лы/-ле, -чы/-че и т.д. По этому поводу примечательно высказывание Г.П. Мельникова: "Губное уподобление гласных в татарском языке орфографически не распространяется на аффиксы" [122, N 6, 1962]. Однако в словах, согласно орфоэпическим нормам губные о, ө распространяются дальше первого слога, последние могут произноситься и в некоторых аффиксах. Например: тоссоз (графич. тозсыз) - несоленый, бөлгөнлек (бөлгенлек) - банкротство, разорение, болотно (болытны) - тучу, боролош (борылыш) - изгиб и т.д. [169, с. 97].

А.М.Щербак отмечает, что "Сила ассимилятивного воздействия лабиализованных гласных в татарском языке далее второго слога заметно ослабевает"[195, с. 74].

Подобное также высказывает Р.Г.Ахметьянов: "В третьем слоге татарских слов следы всякого огубления исчезают хотя в некоторых говорах они сохраняются, остаются только "ы", "е", "э", открытый "а" [23, с.39].

В башкирском языке в соответствии с законами небного сингармонизма разделяются на две группы: передние (и, ү, ө, е (э), ә и задние (у, о, ы, а). При этом они образуют корреляты, попарно отличаясь друг от друга, в основном, по ряду: а-ә, ы-е, о-ө, у-ү. В этом отношении лишь непарная передняя фонема (и) противопоставляется им, а также основная разновидность данной фонемы среди передних гласных является самой передней, а что же касается ее аллофона, то он бытует в одном ряду с гласными заднего ряда в немногих словах типа ижау - половник, и напротив, занимает промежуточное положение между задними и передними гласными [68, с. 31].

Закон небной гармонии гласных в башкирском языке

проводится последовательно, где четко противопоставляется передние гласные задним: например; тимер - железо, түмәр - чурбан, бүскә - неполный; таба - сковорода, ысын - истый, настоящий и т.д. [68, с. 31]; сыра - лучина, мышы - лось [151, с. 342, 343]; борос - перец, перцовый, ажар - мужество, энергия, сәмле - задорный [48, с. 24, 108, 494].

Небная гармония гласных не соблюдается лишь в иноязычных заимствованиях и некоторых сложных словах. Например: билбау - кушак; заим. слова - кино, орден и т.д. [68, с. 31].

Башкирские губные гласные в сравнении с соответствующими губными других тюркских языков, исключение составляет лишь татарский и отчасти чувашский, значительно (кроме о и ө), отодвинуты по ряду назад и при этом имеют сравнительно меньшую длительность произношения. В связи с этим их огубление выражено очень слабо. Напряжение губ при образовании ү и у в целом очень слабое, а “ө” и “о” произносятся при вялом состоянии губ, минимально сконцентрированных для их произношения. Несмотря на то, что огубленность ө и о еще более слабая, чем огубленность ө и у, именно она отличает эти фонемы соответственно от е(э) и ы, по ряду и длительности очень близко стоящих к ним. Более того, благодаря огублению и связанному с ним увеличению длительности башкирские ө и о являются относительно сильными фонемами, способные уподоблять последующие “е(э)” и “ы” по законам губной гармонии гласных: тормыш - тормош - жизнь, көмеш - көмөш - серебро и т.д. [68, с. 32].

По поводу широких губных гласных о-ө в башкирском языке Ф.Г.Исхаков отмечает: “...В башкирском языке, как известно, широких о и ө нет. В словах, общих с другими тюркскими языками, в башкирском, как и в татарском,

вместо узких у-ү других языков употребляются о-ө, которые оказывают огубляющее влияние на полуузкие ы-ё последующих слогов до конца слова. Примеры: колон - “жеребенок” - колоно, колонобоз, колонобоззо, колонобоззоко; төшөр - “спусти” - төшөрөр, төшөрөрбөз, төшөрөшөрбөз, төшөрөштөрөрбөз... и т.п. Далее он отмечает: “... В татарском языке данное явление после второго слога настолько ослабевает, что делается почти нечувствительным. Поэтому, согласно действующей татарской орфографии, о-ө пишутся только в первом слоге, тогда как в башкирском о-ө пишутся во всех слогах до конца слова” [89, ч. I, 1955].

В связи с делением гласных на группы передних и задних связан закон гармонии гласных, согласно которому вокализм каждого слова в ногайском языке (исключение составляют заимствованные слова, состоящие из двух и более корней), может быть только либо передний, либо задний [34, с. 11].

Закон гармонии гласных в ногайском языке относительно незаимствованных слов и особенно в части аффиксации (словообразование и словоизменение), но за исключением заимствованных слов, существует почти в полной мере; например; балалар - ребята (балаларымызгъа, балаларынъызда и т.д.), сеслер - звуки (сеслеримизге, сеслеримизде и т.д.); кьоллар - руки (кьолларымызгъа и т.д.) [34, с. 11]; азбар - двор, кертпе - груша, мыйык - усы, елемик - легкий, прохладный ветерок, утренний ветерок, зефир [133, с. 28, 104, 163, 230].

Деление гласных на губные и негубные связано с особым законом - губной гармонией гласных, согласно которому губной гласный первого слога корня оказывает влияние на гласные последующих слогов слова. В ногайском языке

губная гармония гласных выражена слабее, чем небная гармония гласных, и действует лишь относительно узких гласных “ы”, “и”, и широкого “е”, причем твердые границы огубления этих гласных, например в пределах двух, трех и четырех и т.д. слогов, отсутствует и следовательно, невозможно установить общие правила данного закона для того или иного диалекта или говора [34, с. 11].

В ногайском языке полная или частичная лабиализация узких гласных происходит как после твердорядных, так и после мягкорядных лабиализованных гласных, и лабиализация широких - только после мягкорядных. Уподобляющая способность последних проявляется в основном в пределах второго (третьего) слога [195, с. 73].

Ф.Г.Исхаков по поводу губной гармонии гласных в ногайском языке высказывает следующее: “... в ногайском языке... узкие редуцированные гласные во втором слоге, идущем за начальным слогом с узкими редуцированными губными гласными в незначительной мере огубляются, но этого недостаточно для утверждения о существовании губной гармонии гласных в рассматриваемом языке. Это можно назвать лишь слабым пережитком губного сингармонизма, если он в нем когда-либо существовал” [89, ч. I, 1955].

Необходимо отметить, что представители одного и того же диалекта одно и то же слово (к примеру куьнлеримизге) произносят неодинаково. Одни произносят его только с первым губным гласным корня (куьнлеримизге), другие - с губными гласными в первых двух слогах (куьнлюьримизге), некоторые - с губными гласными всех слогов (куьнлюьруьмуьзгоь). Чаще же всего (наиболее характерно для всех ногайцев при произношении подобных слов происходят более сложные изменения вокализма слов, которые заключаются в лабиализации второго и последнего гласного слова и ре-

дукции гласных средних слогов (т.е. куьнльоьримизгоь). Помимо этого, необходимо отметить, что гласный е значительно чаще подвергается огублению, чем узкие ы или и. К примеру, чаще встречаются слова без лабиализации узких гласных (коьзимиз, уьйимиз, куьнимиз), нежели слова без лабиализации широкого е: последний, как правило, огубляется (коьгоьлоьнь, коьзльоьргоь, уьйльоьр, куьнльоьргоь). Кроме того, относительно “е” встречаются случаи распространения губной гармонии за пределы данного слова, например: “асыл да оьл” - доьгоьн < “асыл да оьл” - деген [34, с. 11].

Небезынтересно отметить, что помимо общего закона губной гармонии необходимо указать еще на один частный случай огубления узких гласных под влиянием соседнего губно-губного “в”. Последний, как правило, подвергает огублению соседний предыдущий узкий ы>у и и>уь, например, в словах: окьы - читай, окьув - чтение и последующий лишь в закрытом слове, например: тавукь (тавыкь) - курица. Случаи огубления широких “а”, “е” наблюдаются только в числительных, например: алтов (алтав) - шестерка и бесовь (бесев) - пятерка [34, с. 12].

В каракалпакском языке закон гармонии гласных, подобно другим тюркским языкам заключается в том, что гласный первого слога определяет в слове вокализм последующих слогов. Так, если в первом слоге идет передний гласный, то и во всех последующих слогах будут передние гласные; если же в первом слоге задний гласный, то и во всех последующих слогах будут задние гласные [36, с. 35]; тенгиз - море, гешир - морковь; тоьынша - ободок, корғау - оборона и т.д. [35, с. 351, 418, 419].

Примечательно высказывание Ж.А.Аралбаева: “Наличие

в языке двух параллельных потоков - регистров и составляет собственно основу гармонии гласных" [12, с. 116].

Но, несмотря на это, развитие каракалпакского языка и внедрение новых гласных фонем привело к нарушению абсолютности этого закона, и вследствие этого в современном разговорном языке наблюдаются уже значительные его изменения. Нарушение закона гармонии гласных больше встречается либо в словах, которые состоят не из одного, а из нескольких корней, либо в заимствованных словах. Помимо этого, существует ряд заимствованных и несколько незаимствованных аффиксов, которые независимо от вокализма, остаются всегда неизменяемыми. Но и в большинстве слов с нарушением сингармонизма последний, за редкими исключениями (къаде - правило; къане - ну и т.д.) сохраняется в границах слога, к примеру, къапес - клетка для птиц и т.д. [36, с. 35].

Исключая вышесказанные случаи, закон гармонии гласных в каракалпакском языке относительно большинства слов и грамматических форм сохранился в полной степени. Примеры: ат - лошадь, атларгъа - лошадям, атларымыздан - от наших лошадей; кел - приходить, келген - приходивший, тил - язык, тиллеримизге - нашим языкам, кёл - озеро, кёллерингизден - от ваших озер; но отсутствует закон гармонии гласных, напр. в следующих заимствованных словах: къызмет - служба, китап - книга, къаде - правило, совет - совет и т.п. [36, с. 35].

При присоединении к заимствованным словам словоизменяющих, а также словообразующих аффиксов вокализм грамматических аффиксов чаще всего определяется гласным последнего слога заимствованных слов, например: къызметшилер - служащие, китаплар - книги, къаделер - правила и т.д. [36, с. 35].

Закон губной гармонии гласных в каракалпакском языке, который заключается в подчинении первому губному гласному корня слова гласных последующих слогов, которые под влиянием первого гласного огубляются, выражен лишь частично [36, с. 37; 251, с. 59].

В каракалпакском языке закону губной гармонии подвергаются лишь узкие гласные “ы”, “и” и широкий “е”, к тому же точные фиксированные границы огубления этих гласных, например, в пределах 2-х, 3-х, 4-х и т.д. слогов отсутствуют.

Как отмечает Ф.Г.Исхаков: “... в каракалпакском языке, узкие редуцированные гласные во втором слоге, идущем за начальным слогом с узкими редуцированными губными гласными в незначительной мере огубляются...” [89, ч. I, 1955].

В словах, которые состоят из двух слогов с гласными первого слога “о”, “ё” и второго слога - “ы”, “и”, гласные второго слога чаще подвергаются огублению тогда, когда последний слог является закрытым, напр., кьойуп - поставив, кьолум - моя рука, орун - место, отун - дрова, окъуйды - он читает; и реже, когда последний слог является открытым, напр., кьолы - его рука, кёли - его озеро; улы - его сын. Огубление гласных “ы”, “и” второго и последующих слогов после узких “у”, “ю” первого слога происходит также последовательно: напр., умтул - стремиться, жюзюк - кольцо, тумсукъ - клюв, юйюнё - в его дом. В словах, которые состоят из двух слогов с гласным первого слога “ю” или “ё” и второго слога “е”, последний спорадически огубляется как в закрытом, так и открытом слогах, напр., дёгёрёк - кружок, ёрдёк - утка, кёлдё - в озере, түйё - верблюд, юйдё - в доме [36, с. 37].

Относительно многосложных слов установить закономерности трудно. Например, взять слово кюн с рядом грам-

матических аффиксов, напр., кюнлеримизде - в наши дни, то в говорах живого разговорного языка можно встретить несколько вариантов его произношения, из которых наиболее часто встречаются: кюнлёримизде, т.е. с огублением только гласного “е” второго слога, и кюнлёримизде, т.е. с огублением гласного “е” второго слога и гласного “е” последнего слога. Необходимо отметить, что широкий гласный “е” во втором слоге и последующих слогах, как правило, огубляется реже, чем узкие “ы” и “и” [36, с. 37, 38].

Как частный случай огубления гласных, необходимо указать на огубление узких “ы”, “и” и широкого “е” под влиянием губно-губного “в.” Последний огубляет предыдущие узкие гласные ы, и и широкий е во всех случаях, а последующие, т.е. находящиеся после него, - только в закрытых слогах, напр., айув (<айыв) - медведь, юшөв (<юшев) - трое; тавукь (<тавыкь) - курица, но, тавы - его гора, тувы - его знамя. В некоторых словах согласный “в” оказывает огубляющее влияние и на широкий гласный “а”, напр., джавап //джувап - ответ (<джавап) [36, с. 38].

Зависимость аффиксов от корня, отмеченная крупнейшими русскими тюркологами, не подлежит сомнению. Так, в казахском языке имеется только десяток суффиксов, которые не гармонируют с корнем. Действие этого закона особенно видно в аффиксах, прибавляющихся к односложным корням. Например, приведем примеры самого П.М.Мелиоранского: ал-дыр-ыс-ып-ты - (они) понабрали, кел-тір-іс-іп-ті - (они) помогли доставить [168, с. 96].

К первому корню с твердым гласным (ал) присоединены твердые аффиксы, ко второму - корню с мягким гласным (кел) присоединены мягкие аффиксы.

Таким образом, твердость (или мягкость) гласного в корне определяет собой твердость (или мягкость) гласного

в соседнем аффиксе; твердость (или мягкость) гласного в первом после корня аффиксе определяет собой твердость (или мягкость) гласного во втором аффиксе и т.д. [168, с. 96]; например: епті, шебер, онтомлы, дәл - ловкий, азған-тай - небольшой [152, с. 319, 392].

В многосложных корнях обуславливающим сингармонизм присоединяемых к ним аффиксов является последний слог, так как гласные аффикса зависят в основном от гласного в последнем слоге корня.

Такое явление особенно наблюдается в тех корнях, которые состоят из твердых и мягких слогов. Так, к примеру, кызмет (служба) и депутат относятся к словам со смешанными слогами. В слове кызмет-ші-лер-ге все аффиксы мягкие, независимо от мягкости последнего слога -мет (в кызмет); в слове депутат-тарға, наоборот, все аффиксы твердые, в зависимости от твердости слога -тат (в депутат). Корневые слова, которые состоят из смешанных (по твердости и мягкости) слогов, относятся преимущественно к заимствованной лексике и в зависимости от закона сингармонизма видоизменяются при присоединении аффиксов [168, с. 97, 98].

Гармонию между казахскими аффиксами и исконными многосложными корнями, состоящими из одинаковых (по твердости или мягкости), слогов, можно показать в следующих примерах: балык-тар-ы-нан - от его (ее, их) рыб, терезе —лер-і-нен - от его (ее, их) окон и т.д. [168, с. 98].

Таким образом, твердый гласный предыдущего слога определяет собой подобные же гласные в последующих слогах, то же самое касается и мягких гласных.

Если в начальном слоге слова имеется один из гласных а, ы, о, ұ, то в последующих слогах произносятся гласные а, ы; а если в начальном слоге слова имеется один из глас-

ных *ə, e, i, ɵ, ʏ*, то в последующих слогах произносятся гласные *e, i*, т.е.: а) после твердых гласных следуют твердые гласные, после мягких гласных - мягкие; б) как за палатальными, так и за губными гласными следуют палатальные гласные (с учетом норм правописания); из палатальных гласных только один *ə* не способен выступать в последних, конечных, слогах слов (исключение составляют слова типа *сірə*) [168, с. 99].

Такова сущность палатальной гармонии гласных в казахском языке.

Что же касается губной гармонии гласных в казахском языке, то в отличие от палатальной гармонии она выражена весьма слабо. В литературном языке (учитывая нормы правописания) губная гармония не наблюдается. Таким образом в современном литературном казахском языке губная гармония гласных не играет главной роли [168, с.100].

Таким образом, губная гармония в казахском языке, во-первых, играет вспомогательную роль, во-вторых, действие губной гармонии распространяется не далее, чем на третий слог. Ее действие наиболее заметно в двусложных словах, в частности, на втором слоге; к третьему слогу сила действия губной гармонии заметно ослабевает.

Влияние губной гармонии можно пронаблюдать на следующих примерах: 1) в произношении гласный “ы” во втором слоге переходит в “ү” под действием гласного “о” или “ұ” в начальном слоге: *орын* (место), *кұлын* (жеребенок) произносятся *орүн, құлүн*, касательно гласного “ы” в третьем слоге, то он частично лабиализуется: в словах *кұлыны* (его жеребенок), *орынды* (уместный) последние слоги (*ны, ды*) не произносятся отчетливо, как *нұ, дұ*, а звучат ослабленно, вследствие примешивания в третьем слоге лабиального гласного “ы”. Необходимо отметить, что подударное

“а” не подвергается никакому воздействию со стороны “о” или “ұ” в словах орак (серб, коса), кұлан (дикий осел, пони), а во втором слоге произносится ясно; 2) в произношении гласный “і” во втором слоге переходит в “ү” под влиянием гласного “ө” или “ү”: көрік (кузнечный мех), күдік (сомнение) произносятся көрүк, күдүк, касательно гласного і, в третьем слоге, то он подвергается частичному воздействию со стороны ө или ү: в словах көріктің (кузнечного меха), күдікті (сомнительный) последние слоги (тің, ті) не произносятся отчетливо, как түң, тү, а звучат ослабленно, вследствие примешивания в третьем слоге лабиального гласного “і”; 3) в произношении гласный “е” во втором слоге переходит в “ө” под действием гласного “ө” или “ү”: өлен (песня), күрек (лопата) произносятся как өлөн, күрөк, касательно гласного “е” в третьем слоге, то гласные “ө” и “ү” не оказывают на него заметного действия [168, с. 101].

В казахском языке полное или частичное огубление узких гласных происходит как после твердоядных, так и после мягкорядных лабиализованных гласных, касательно же огубления широких, то только после мягкорядных, например: ұтұс - выигрыш, оқу - учение, жузук, - кольцо, тұтун - дым, көлге - к озеру, көлдө - в озере, өзөн - река, құлда - у раба, колда - в руке, тулар - знамена [195, с. 73].

Рассмотрев закон гармонии гласных в тюркских языках кыпчакской группы, мы приходим к такому выводу, что в караимском, кумыкском, карачаево-балкарском, крымско-татарском языках губные гласные “о”-“ö” могут идти лишь в первом слоге слова (за исключением некоторых слов), а в аффиксах, присоединяемых к корню при губной гармонии наличествуют лишь узкие губные гласные, подобно тюркским языкам огузской группы. Несмотря на

то, что эти языки относятся к другой языковой группе тюркских языков, нежели туркменский, азербайджанский, турецкий, гагаузский, но тем не менее между ними имеется такого рода сходство в проявлении губной гармонии гласных.

Рассмотрим особенности проявления небной гармонии гласных в узбекском языке, несмотря на то, что Ф.Г.Исхаков, А.М.Щербак и многие другие указывают на полное исчезновение небной гармонии гласных [89, ч. I, 1955; 195, с. 71].

Гармония гласных в узбекском языке представляет собой язычно-сингармонистические и губно-сингармонистические чередования гласных [147, с. 295].

Узбекские говоры, с точки зрения использования лингвально-сингармонических чередований распадаются на две группы.

1. Закон язычно-небного притяжения (лингвального, или язычного сингармонизма) последовательно сохранится в сингармонистических говорах (йекающих и джекающих), которые состоят в том, что все гласные звуки в составе одного слова должны иметь единообразный или передний, или задний - ряд, т.е. в словах одной категории могут быть лишь гласные переднего ряда (и, у, е/э, ө, ә) [147, с. 295]; семиз - жирный, тучный, полный (о человеке), упитанный [182, с. 375]. В другой категории слова могут быть только задние по положению языка гласные (ы, у, о, а, о) [147, с. 295]; тараша - 1) щепка, 2) стружка, 3) лучина [182, с. 429].

В соответствии с этим делением основ на две категории прибавляемые аффиксы согласуются со звуковым составом слов и разделяются также на два ряда. Например: а) передние основы: бийәләр - кобылы, тәзрәк - быстрее, эш:әгим-

ди < эшшәгимди - моего осла, джек. джәширгән - он спря-
тал, йек. еркәкләр - мужчины, әскәрләргә - армейцам,
джек. әктингнәрми? - вы посеяли? - йек. әстә: гинә - мед-
ленно, тихонечко, джек. үчәв - втроем, джибәриш кәрәк -
нужно отправить, кәләси джылға - на будущий год, кәтәл-
мәдим - я не смог уехать, джүрәгингә - в твоём сердце,
көргән - он видел, көрәйн - посмотрю-ка я, кәттәлик - ве-
личина, джәрди - землю, үй - үйигә ~ өй - өйүгә - по до-
мам; б) задние основы: кавынды - дыню, далаға кәтти -
ушел в поле, кылдылар - они сделали, шолардың алдыға -
к этим, койумды - моего барана, алғанлар - они взяли, ав-
чылар - охотники [147, с. 296].

Наивысшая форма сокращения сингармонизма наблюда-
ется в ведущих узбекских говорах, которые и легли в осно-
ву современного узбекского языка, в качестве стандарта об-
щеузбекской литературной и разговорной речи. Эти говоры
в целом относятся к несингармонистическим в составе йе-
кающего наречия. В них отсутствуют сингармонистические
чередования гласных, а наряду с этим и принципиальное
деление основ на передние и задние [147, с. 297].

Большинство аффиксов, в которых чередуются широкие
гласные (а//ә) в сингармонических говорах сохранило в них
свой передний дублет с гласным (ә). Например: аффикс
множественного числа -лар(-ләр) в письменном узбекском
языке присоединяется и к основам с гласными заднего ря-
да, как кол-колдилар, ота-оталар, ғоз-ғозлар, гул-гуллар и
т.д. а также к основам с гласными переднего ряда как кил-
кидилар, кел-келдилар, кет-кетдилар, киз-кизлар [147, с.
298].

В сингармонических говорах, в которых последователь-
но проводится деление гласных на два ряда, данный аф-
фикс будет иметь два варианта (-лар) - для основ с гласны-

ми заднего ряда; кылдылар, кызлар, аталар, газлар и (-ләр) - для основ с гласными переднего ряда: келдиләр, кетдиләр, гүлләр [147, с. 298].

2. Закон губного притяжения (лабиально-сингармонистических чередований) в большинстве узбекских говоров занимает второстепенное место, который менее осуществим по сравнению с лингвально-сингармонистическими чередованиями [147, с. 298].

Губная гармония гласных заключается в том, что после губных гласных корня (основы) (ү, у, ө, о), в первых слогах слов негубные гласные (и, ы, е, а) последующих слогов выступают как губные (ү, у, ө, о) [147, с. 298]; например: порлок - блестящий, сияющий, лучезарный, бўрон - 1) буран, метель, вьюга, буря [182, с. 90, 347].

Необходимо отметить, что акающая группа сингармонистических йекающих и джекающих говоров с точки зрения использования лабиально-сингармонистических чередований занимает особое место. В них губная гласная корня в большей или меньшей степени последовательно влияет на гласный аффикса [147, с. 298].

Губная гармония гласных в узбекских говорах наблюдается во втором и в последующих слогах.

1) Во втором слоге, независимо от того, коренное или производное слова: например: орун - место, оттуз бэш - тридцать пять, ойун - игра, күндүз - днем, -джек. - джулдоз - звезда, суйук - жидкий, түрлү - разный, кудуктан - из колдца, күчүк - щенок, тонгуз - свинья, түгүн - узел, джек. джолунг - твой путь, джолу - его путь, күчлү - сильный [147, с.298]; күчли [119, с. 19]; джек. джүрдү - он ходил, джек. джүрү - он ходит, джек. джүргүн - ходи, күнү - его день, үйүм - мой дом, үчүнчи - третий - т.д.[147, с. 298].

2) В третьем слоге: күчүгүнгни - твоего щенка, джек. -

джүзүгүм - мое кольцо, зорлугуға каршы - против его насилия, турупту - он стоит, окутсун - пусть обучает, джек. джүруклү - храбрый, өткүзүп - проведя, бүлбүлүм - мой соловей, көрүндү - показалось [147, с. 299].

В джекающих говорах в конечном слоге слова спорадически появляется гласный верхне-среднего подъема. Например: джудоздо - звезду, көрүндө - он показался, отурупто - он сидит, и т.д. [147, с. 299].

Небезынтересно отметить, что есть случаи, когда в одном и том же слове (во втором слоге) наблюдается то губной, то негубной гласный звук. Например: отыр - садись, отырады - он сядет, отырған - он сел; а также отурады - он сядет, отураман - я сяду, отурған - он сел, отуруп - сев, отурупту - он сидит [147, с. 299].

В узбекском языке огублению под влиянием узких губных гласных подвергаются лишь узкие гласные и только в пределах неразложимой основы. Например: бурун - нос, кумуш - серебро, бутун - целый, и т.д. [89, ч. I, 1955].

Так, из вышесказанного, мы приходим к такому выводу, что в узбекском литературном языке сингармонизм не наблюдается, а наличествует данное явление лишь в сингармонистических говорах узбекского языка.

В уйгурском языке также наблюдается явление сингармонизма, которое заключается в том, что в одном слове могут быть либо гласные заднего ряда, либо гласные переднего ряда. Например: терә - мех (шкура) [88, с. 582]. Вследствие этого, аффиксы бывают двухвариантными, т.е. с гласными переднего и заднего ряда [5, N 3, 1954; 129, с. 35].

Гласные аффикса уподобляются гласным основы, подобно другим тюркским языкам. Однако, если в слове не наблюдается сингармонизм, то гласные аффикса уподобляются последующему слогу, например, ат - лошадь - атка (дат. -

напр. пад.); ал - бери - алма (отриц. форма); түн - ночь, түндө - (мест. пад.); көл - озеро - көлдө (мест. пад.); китап - книга - китапка (дат. - напр. пад.); чиш - зуб - чишләр (мн. ч.) [129, с. 35].

Как отмечает Э.Н.Наджип: "...Однако следует отметить, что в последнее время по ряду причин закон сингармонизма в уйгурском языке все больше и больше нарушается" [129, с. 36]. Он приводит следующие примеры: тилга - языку, иштка - собаке, жипка - нитке, дилга - сердцу, ишка - делу и т.д. [129, с. 36].

Закон гармонии гласных не проводится в составных словах. Относительно сложных глаголов, то каждый компонент их бывает независимым в отношении сингармонизма.

Касательно гласных "е" и "и", то они составляют исключение, так как не имеют соответствующий эквивалент (пару), подобно гласным а-ә, о-ө, и-у и наблюдаются в "твердых" и "мягких" словах.

Хотя, А.Боровков полагает, что "...Эти гласные как бы нейтральны с точки зрения закона гармонии гласных, но все же их произношение на наш слух различно в "твердых" и "мягких" словах, если учитывать все нюансы произношения: işçi - "ишчи", но qış - "кыш" - зима и т.п. (разумеется приблизительно, применительно к русскому произношению) [56, с. 5].

Закон губной гармонии гласных в уйгурском языке сводится к тому, что если в односложном слове или в первом слоге двусложного слова находится полуширокий о/ө, то в последующем закрытом слоге, которым может быть и словообразующий и формообразующий аффикс и на который распространяется ударение, бывает, как правило, узкий губной у/ү; например: бол - статья, болуш - становление, болуп - став и т.д. [129, с. 36].

При присоединении к таким словам аффикса, состоящего из узкого негубного “и”, состав гласных первых слогов слова не претерпевает изменения, так - болушнин (род. пад.) и т.д. Если же аффикс является открытым (и конечным) слогом, то закону губной гармонии он уже не подчиняется, например: кол - рука, кол-ум - моя рука, но кол-умни - мою руку (вин. пад.) [129, с. 36-37].

Если односложное слово представляет собой закрытый слог, в составе которого наличествует узкий губной, то при присоединении аффиксов с начальным гласным, этим гласным является узкий губной того же ряда, например: чүш - опускаться, чүшүш - спуск; бур - поворачивать, буруш - поворачивание; тур - вставать, туруш - вставание; туз - соль; тузум - моя соль и т.п. [129, с. 37].

Необходимо отметить, что если в составе данного аффикса наличествуют широкие гласные а/ә/е, то они не подвергаются огублению.

В двух сложных словах, где первый слог - открытый и конечным гласным является узкий губной у/ү, то второй слог - закрытый и имеет в составе широкий гласный а/ә, при наращении аффикса принадлежности 1-го и 2-го лица широкий гласный а/ә переходит в узкий губной у/ү, например: кулак - уши - кулуғум - мои уши; жүрәк - сердце - жүрүгүм - мое сердце и т.п. [129, с. 37].

Несмотря на некоторые расхождения в проявлении сингармонизма в узбекском и уйгурском языках, будучи языками одной группы (т.е.карлукской), наличествует, по нашему мнению, сходство при осуществлении губной гармонии, которое заключается в том, что в аффиксах следуют лишь узкие губные гласные. Исключения составляют сингармонистические говоры узбекского языка.

Небная гармония гласных в тувинском языке проявляет-

ся подобно большинству других тюркских языков, а точнее: если первый гласный корня является гласным заднего ряда, т.е. твердым гласным, то и в дальнейших слогах слова будут только твердые гласные; например: адыш - ладонь. Если же первый гласный корня является гласным переднего ряда, т.е. мягким гласным, то и в дальнейших слогах данного слова будут только мягкие гласные; например: дээрбек, билзек, дүргек - кольцо для ключей, украшение, дым кольцами [154, с. 223, 247].

Почти все аффиксы тувинского языка, за исключением лишь очень немногих, имеют свои твердые и мягкие варианты. К примеру аффиксы множественного числа -лар -лер, -дар - -дер, -тар - -тер, -нар - -нер; падежные аффиксы -га - -ге, -ка - -ке; -дан - -ден, -тан - -тен; -да - -де, -та - -те..., глагольные аффиксы -ган - -ген, -кан - -кен... и многие другие как словоизменяющие, так и словообразующие. Из них твердые присоединяются к корням (основам) с твердыми гласными, а мягкие - к корням (основам) с мягкими гласными. Если аффиксы не имеют парных твердых и мягких вариантов, то они употребляются как с твердыми, так и с мягкими корнями (основами) [90, с. 56, 57].

Губная гармония гласных в тувинском языке проявляется следующим образом.

Если первым гласным корня слова является какой-либо из губных гласных (о, ю, у, ү), то во всех последующих слогах данного слова из узких гласных употребляются только губные, т.е. у или ү в зависимости от твердости или мягкости гласного корня. Например: туруш - позиция [154, с. 417]. Поэтому все аффиксы с узкими гласными имеют в тувинском языке, помимо своих твердых и мягких вариантов, также негубные и губные варианты [90, с. 57].

Ф.Г.Исхаков приводит к примеру слова хол - рука, хюл

- озеро, кудук - колодец, хул - зола и пробует образовать из них формы винительного и местного падежей в тувинском языке.

Винительный падеж (аффикс с узким гласным): холду, хөлдү, кудукту, хүлдү.

Местный падеж (аффикс с широким гласным): холда, хөлдө, кудукта, хүлдө.

Как отмечает Ф.Г.Исхаков, из примеров видно, что в тувинском языке как после широких, так и после узких губных гласных корня узкие гласные аффиксов огублены, а широкие гласные аффиксов не подверглись огублению.

Таким образом, можно прийти к такому выводу, что особенность губного сингармонизма в тувинском языке заключается в том, что узкие гласные аффиксов как после широких, так и после узких губных гласных корня огубляются, а огубление же широких гласных аффиксов не наблюдается.

Помимо этого Ф.Г.Исхаков подчеркивает, что в тувинском языке этот принцип касается не только огубления гласных аффиксов, но по этому же принципу огубляются почти без исключения все узкие гласные непервых слогов и внутри корня (неразложимой основы)" [90, с.59]. Например: орун - место - орунну, оруннун, оруннар, оруннарын...; одаг - костер - одагны (оданы), одагнын (одаунын), одаглар...; өшкү - коза - өшкүнү, өшкүнүн, өшкүзүнүн, өшкүлөр...; өрге - суслик - өргени, өргенин, өргелер...; уруг - ребенок - уругну, уругнун, уруглар...; ужар - порог - ужарны (ужарны), ужарнын (ужарнын), ужарлар...; үгү - сова - үгүнү, үгүнүн, үгүзү, үгүзүнүн, үгүлөр...; үре - семя - үрени, үренин, үрези, үрезинин, үрелер...; [89, ч.I, 1955].

Относительно небной гармонии гласных в якутском языке соблюдается строгая последовательность и не допус-

каются исключения [82, с. 120]. Если гласный первого слога является передним, то все гласные последующих слогов слова могут быть только переднего ряда. И если гласный первого слога является задним, то все гласные последующих слогов слова могут быть только заднего ряда [69, с. 49]. Например: тибии - вьюга, метель, пурга, толоон - долина, долинный, сугроб [198, с. 382, 388].

Рассмотрим несколько примеров, приведенных Ф.Г.Исхаковым в своей статье "Гармония гласных в тюркских языках".

1) Пример на основу (корень) с широким гласным заднего ряда, к которой присоединяются аффиксы - сначала с узким, затем с широким, потом снова с узким гласным: ат - лошадь - атым - моя лошадь, атын - твоя лошадь, ата - его лошадь; аттар - лошади - аттарым - мои лошади, аттарын - твои лошади, аттара - его лошади.

2) Пример на основу (корень) с узким гласным заднего ряда, к которому присоединяются аффиксы - сначала с узким, затем с широким, потом снова с узким гласным: кыһын - зима - кыһына - его зима; кыһыннар - зимы (форма мн. числа) - кыһыннара - его зимы.

3) Пример на основу (корень) с широким гласным переднего ряда, к которой присоединяются аффиксы - сначала с узким, затем с широким, потом снова с узким гласным: сир - земля - сирэ - его земля; сирдэр - земли - сирдэрэ - его земли.

Несмотря на то, что отмечает Ф.Г.Исхаков, в корне этого слова в якутском языке употребляются и узкие гласные, для полноты картины приведен пример, так как в отношении палатального сингармонизма ширина или узость негубного гласного основы роли не играет.

4) Пример на основу (корень) с узким гласным передне-

го ряда, к которой присоединяются аффиксы - сначала с узким, затем с широким, потом снова с узким гласным: тиис - зуб - тииһэ - его зуб; тиистер - зубы - тиистэрэ - его зубы [89, ч. 1, 1955].

Губная гармония гласных в якутском языке осуществляется в следующем порядке:

1) Если в предыдущем слоге стоят гласные о, оо или ө, өө, то в следующем слоге должны следовать соответственно только губные гласные, о, оо, уо или ө, өө, үө.

2) Если в предыдущем слоге стоят гласные у, уу, уо или ү, үү, үө, то в следующем слоге могут следовать соответственно: а) губные у, уу, уо или ү, үү, үө; 2) негубные а, аа или э, ээ.

3) После негубных гласных не могут следовать губные. Это, в свою очередь, означает: а) если в первом слоге слова стоит ртовый гласный, то в последующих слогах не употребляются губные гласные: б) если после губного гласного первого слога во втором слоге появился ртовый гласный (после у, уу, уо - а, аа; после ү, үү, үө - э, ээ), то в последующих слогах слова также не употребляются губные гласные [69, с. 50].

Из вышесказанного вытекает, что в составе одного слова могут быть: а) только губные гласные, например: олорботохторо - не садились, не жили, көрбөтөхтөрө - не видели; б) губные, а за ними ртовые гласные, например: олорбуттара - садились, сидели, жили, көрбүттэрэ - видели [69, с. 50].

В соответствии с правилами гармонии гласных все словообразующие и словоизменительные аффиксы якутского языка по составу гласного обязательно выступают в четырех вариантах.

Рассмотрим несколько примеров, приведенных Ф.Г.Ис-

хаковым в своей статье “Гармония гласных в тюркских языках”:

а) Примеры на слова с широким губным гласным заднего ряда в первом слоге, за которыми следуют слоги с узкими или с широкими гласными: оҕо - ребенок - оҕото - его ребенок (вместо оҕота), оҕоҕут - ваш ребенок (вместо оҕоҕыт); оҕолор - дети (вместо оҕолар) - оҕолоро - его дети, их дети (вместо оҕолара), оҕолорун - твои дети, (вместо аҕоларын) и т.п.

б) Примеры на слова с широким губным гласным переднего ряда в первом слоге, за которыми следуют слоги с узкими или с широкими гласными: кетөр - птица - кетөрө - его птица (вместо кетөрэ), кетөрүн - твоя птица (вместо кетөрүн), кетөрүм - моя птица (вместо кетөрүм); кетөрдөр - птицы (вместо кетөрдэр) - кетөрдөрө - его птицы (вместо кетөрдэрэ), кетөрдөрүн - твои птицы (вместо кетөрдэрин), кетөрдөрүм - мои птицы (вместо кетөрдэрим) и т.д.

в) Примеры на слова с узким губным гласным заднего ряда в первом слоге, за которыми следуют слоги с узкими или с широкими гласными: кус - утка - куһа < кус+а - его утка, куһум < кус+ум - моя утка, куһун < кус+ун - твоя утка; кустар - утки - кустара - его утки, кустарым - мои утки, кустарын - твои утки и т.д.

г) Примеры на слова с узким губным гласным переднего ряда, за которыми следуют слоги с узкими или с широкими гласными: күүс - сила - күүһүм < күс+үм - моя сила, күүһүн < күс-үн - твоя сила, күүһэ < күс+э - его сила; күүстэр - силы - күүстэrim - мои силы, күүстэрин - твои силы, күүстэрэ - его силы и т.д. [89, ч. I, 1955].

Таким образом, из вышесказанного следует, что в якутском языке после широких губных огубляются как широкие, так и узкие гласные, а после узких губных гласных огубля-

ются только узкие. Например: куртах - желудок, туйах - копыто, туһа - польза, туһах - петля, кулун - жеребенок, уһун - длинный, мурун - нос, сутурук - кулак, кутурук - хвост, орто - средний, оһох - печь, сордон - щука, сото - голень, төбө - макушка, төгүрүк - круглый, бүтүн - целый и т.д. [89, ч. I, 1955].

Необходимо отметить, что почти все аффиксы якутского языка, образованные как с широкими, так и с узкими гласными, имеют свои варианты и с губными гласными, например: аффикс множественного числа (-лар// -лэр// -лор// -лөр//..., аффикс винительного падежа: ы [-ы]// - и// - у// - ү// -ны [-ны]// -ни// -ну// -нү и т.д. [89, ч. I, 1955].

В хакасском языке сущность небной гармонии заключается в том, что если гласный звук первого слога слова является гласным заднего ряда, то в последующих слогах данного слова употребляются также гласные заднего ряда: например: харах - глаз, тамах - хлеб, турна - журавль, хыпты - ножницы; айва- айва, адай - собака, часхы - весна, салаа - ветка [37, с. 17, 20; 156, с.88]. Если же гласный звук первого слога является гласным переднего ряда, то в последующих слогах слова употребляются гласные только переднего ряда: например: киндир - конопля, көзенек - окно, килким - крупный, кизі - человек [71, с. 23].

Закон небной гармонии гласных распространяется и на гласные аффиксов. Если в основе слова наличествуют твердые гласные, то в аффиксах - твердые гласные: агас - дерево - агастар - деревья, агастарзар - к деревьям. Если же в основе слова наличествуют мягкие гласные, то и в аффиксах - мягкие гласные: киме - лодка - кимелер - лодки, кимелернi - лодок. Необходимо отметить, что при этом в аффиксах твердому "а" соответствует мягкое "е", твердому "ы" - мягкое "і" [71, с. 23].

Особое место в сингармонизме в хакасском языке занимает гласный “и”.

Ф.Г.Исхаков по этому поводу пишет: “...Мягкий гласный и, не имеющий своей “твердой” пары среди гласных фонем хакасского языка, остается как бы “нейтральным” в этом отношении и может входить в состав как “твердого”, так и “мягкого” слова. Следовательно, наличие гласного и в многосложном слове не определяет “мягкости” хакасского языка в целом, если в этом слове не имеются ее и другие “мягкие гласные” [89, ч. I, 1955].

Если в первом слоге слова гласный и, то оно всегда “мягкое” и аффиксы к ним присоединяются только мягкие: киден - холст, чилін - грива, пилен - готовый, ир - мужчина - киденнiг - с холстом, чиліннiг - с гривой, пиленде - наготове, ирлер - мужчины. Переднеязычный гласный “и” часто входит в состав аффиксов, которые могут присоединяться к словам как с твердой, так и с мягкой основой. Если же к слову после этих аффиксов присоединяются еще и другие аффиксы, имеющие свои твердые и мягкие пары, то мягкость предыдущего аффикса (т.е. аффикса с “и”) во внимание не принимается. Таким образом, к словам, имеющим твердую основу, присоединяются твердые варианты последующих аффиксов, а к словам, имеющим мягкую основу - их мягкие варианты. Например: чоохта - говорить - чоохтабин (отриц. форма деепричастия), чоохтабинча - не говорит; кил - прийти - килбин, килбинче - не приходит; кöсте - целиться - кöстирге, паста - начинай - пастирға [71, с. 24]; парир - пойдет - парирға - уходить, ойнир - будет играть - ойнирға - играть, и т.д. [89, ч. I, 1955].

Губная гармония гласных в хакасском языке распространяется только на узкие губные гласные “у”, “ү” и только в пределах основы; например: хулун - жеребенок, хузу-

рух - хвост, тулгу - лиса, угу - филин, кумус - серебро, улуг - большой, тунук - дымоходное отверстие юрты, хутух - колодец, куску - осень, кулук - проворный, смышленный, чустук - перстень, пурун - нос [71, с. 25].

По мнению А.М. Щербака в хакасском языке огубление гласных непервых слогов под влиянием губных гласных первого слога вообще не происходит; например: хозан - заяц, окпэ - легкие, хулах - ухо, чурэк - сердце, орін - место, комір - уголь [195, с. 74]; күстиг - сильный [119, с. 19].

В аффиксах хакасского языка огублению могут подвергаться узкие гласные “ы” и “і”. Однако, так как в произношении аффиксальные “у” и “ы”, “у” и “і” факультативно могут чередоваться, а орфографически в аффиксах “у” и “у” не принято обозначать. Например, если в произношении тулгу - лисица - тулгуну/тулгуні; кумус - серебро - кумустун/кумустин, то орфографически только тулгуні, кумустин. Что касается широких аффиксальных гласных, то закон губной гармонии в хакасском языке не распространяется: хулун - жеребенок - хулуннар, хулуннан; күску - осень - күскуде; чул - ручей - чулда, чулдан [71, с. 25].

Широкие гласные основы или первого слога слова не оказывают огубляющего влияния на гласные аффиксов и последующих слогов слова: одос - гортань - одосте, одостин, одостер; кол - озеро - колде, колні, коллер; төзек - постель, корік - бурундук, коллек - тень, - торым - шишка кедровая, тоғыс - работа, орта - правильно. Лишь в немногих двусложных словах в обоих слогах могут быть “о” или “ө”: сорол - чубук, хосто - название оружия в фольклоре, сөрөн - прохлада, төлөн - селезенка и т.д. [71, с. 25].

Несмотря на принадлежность данных языков к единой уйгуро-огузской группе, по-нашему мнению, при осуществлении губной гармонии в вышеприведенных языках есть

некоторые различия, хотя в тувинском (литературном) и хакасском (только в разговорном) языках в аффиксах наличествуют лишь узкие губные гласные, а широкие гласные не подвергаются огублению.

Законы сингармонизма в современном киргизском языке действуют с полной степенью последовательности.

Этот закон, в равной степени, наблюдается в корневых и производных словах, а особенно в присоединении формообразующих аффиксов, в которых в связи с этим наблюдается фонетическая вариативность по линии гласных [67, с.50]. В киргизском языке сингармонизм выполняет важную конструктивную функцию, т.е. он фонетически оформляет слоги в одно слово и наряду со словесным ударением обособляет одно слово от другого в потоке речи. Вследствие такого фонетического единства слова происходит и обособление друг от друга некоторых служебных слов и аффиксов, например, союз да-(и, также) и аффикс местного падежа -да, из которых второй подвергается действию закона гармонии, а первый - не подвергается, например, то+да> тоодо - в горах, тоо да - и горы [67, с.50].

Сущность гармонии гласных в киргизском языке заключается в том, что все гласные в слове могут быть только гласными одного ряда - или переднего, или непереднего. Наряду с этим характер гласных определяется качеством гласного первого слога, который, в свою очередь, уподобляет гласные всех последующих слогов. В связи с этим в киргизском языке гласные слов располагаются следующим образом: если гласный первого слога "а", то последующие гласные слогов - "а", "ы"; например: ата - отец, баба - предки, саман - солома, самын - мыло, салгын - прохлада, зайып - женщина, жалкы - одиночный; акмак - глупец, батыш - запад и т.д. [67, с. 51; 94, с. 140, 234].

Как видно, в якутском языке губная гармония гласных проявляется в полной мере. Так, для наглядного представления приведем несколько графов аффикса множественного числа в якутском языке:

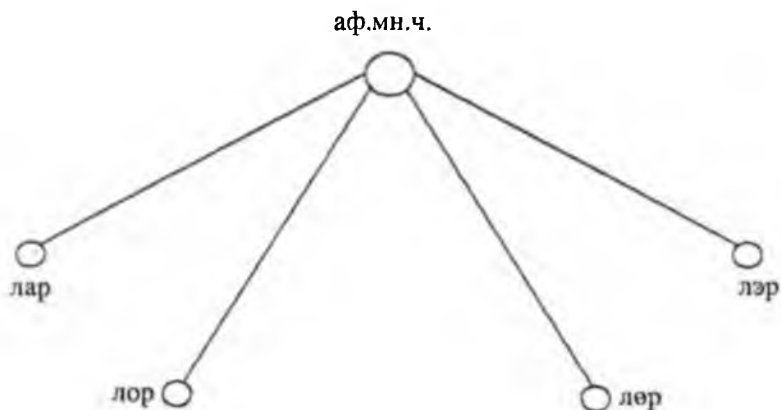

Рис. 2.1.1 Аффиксы множественного числа в якутском языке.

Для сравнения приведем графы аффиксов множественного числа в казахском, туркменском, гагаузском, караимском, кумыкском, уйгурском, карачаево-балкарском, крымско-татарском языках, в которых наличествуют лишь два варианта данных аффиксов.

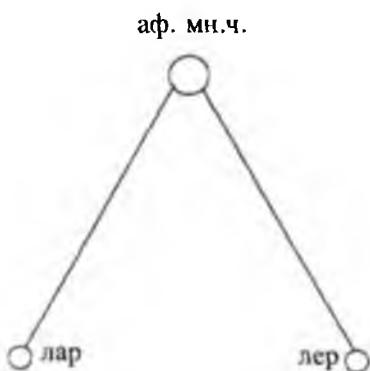

Рис. 2.1.2 Аффиксы мн.ч.
в казахском языке

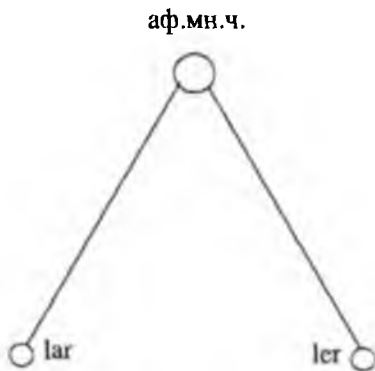

Рис. 2.1.3 Аффиксы мн.ч.
в туркменском языке

аф. мн.ч.

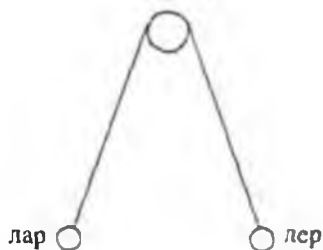

Рис. 2.1.4 Аффиксы мн.ч.
в гагаузском языке

аф. мн.ч.

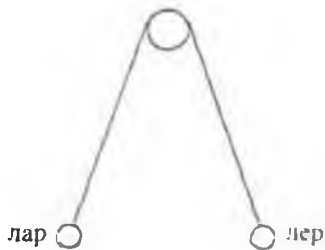

Рис. 2.1.5 Аффиксы мн.ч.
в караимском языке

аф. мн.ч.

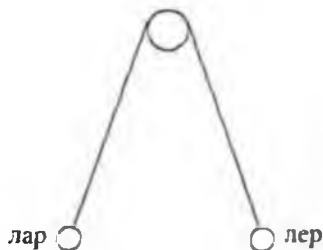

Рис. 2.1.6 Аффиксы мн.ч.
в кумыкском языке

аф. мн.ч.

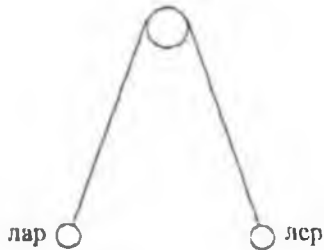

Рис. 2.1.7 Аффиксы мн.ч.
в уйгурском языке

аф. мн.ч.

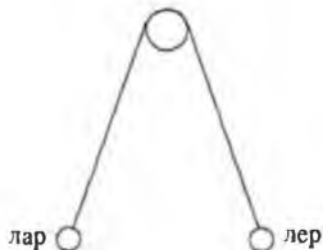

Рис. 2.1.8 Аффиксы мн.ч. в карачае-
во-балкарском языке

аф. мн.ч.

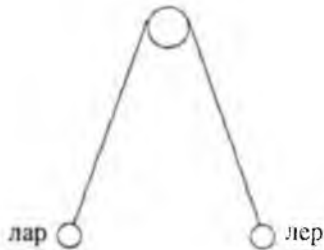

Рис. 2.1.9 Аффиксы мн.ч.
в крымско-татарском языке

“ - “ -ы, “ - “ - а, ы, например: кыркын - стрижка, кыпын - малейшая частица чего-либо, тыйын - копейка, кыргыз - киргиз, кырмызы - красный, зымырык - птица симург, жыргал - благоденствие и т.д.

“ - “ - о, “ - “ -о, у, например: отор - отара, котор - переводить, коржогой - выпяченный, торчащий, коргон - ограждения, курган, долоно - боярышник, коолу - решение, корутунду - заключение.

“ - “ -у, “ - “ - у, а, ы, о, например: куйкум - паленое, куйрук - хвост, буйрук - приказ, распоряжение, кулун - жеребенок, куржун - сумка переметная, курулуш - стройка, кумай - песок, куурай - курай, кулактары - их уши.

“ - “ - э, “ - “ - э, и, ө:, ө, ү:, ү, например: эрмен - полынь, эрешен - отрок, мальчик-подросток, эрин - губы, эчки - коза, элкин - одиночка, экүүнүн - у двух, эстүүлүк - умно, разумно.

“ - “ - и, “ - “ - э, и, ү:, ү, ө:, ө, например: ийин - нора, кийин - после, чийим - разрисовка, чимирик - юла, китеп - книга, ителги - ястреб, ишмердүүлүк - деятельность, иштөөгө - к работе.

“ - “ - ө, “ - “ - ө, ү, например: көргөзмө - выставка, көпөлөк - бабочка, көнүл - настроение, көркөмдүү - красивый, художественный, көлкү - колыхаться, ласкать взор.

“ - “ - ү, “ - “ - ө, ү, например: түйүн - узел, түтүн - дым, күзгү - зеркало, күмүш - серебро, түгөн - кончатся, иссякать, күбө - свидетель [67, с. 51, 52].

В киргизском литературном языке губная гармония гласных наиболее полно выражена, где все гласные (как широкие, так и узкие), следующие за губным гласным (как широким, так и узким) предыдущего слога могут быть только губными, кроме гласного “а”, который под влиянием “о” предыдущего слога подвергается огублению, а под влияни-

ем гласного “у” предыдущего слога огублению не подвергается. Данному фонетическому закону подчиняются в киргизском языке гласные непервых слогов как основы, так и аффиксов [89, ч. I, 1955].

Приведем несколько примеров на губную гармонию гласных основы в киргизском языке: коён [койон] - заяц, торгой (торғой) - жаворонок, токой (токой) - лес, чолпон - утренняя звезда, очок (очок) - очаг, орто - середина, но туман - туман, бутак - ветвь, кулак - ухо, туяк - копыто и т.д., вместо ожидаемых тумон, буток, кулок и т.д., моюн (мойун) - шея, отун - дрова, мурун - нос, булут - туча, облако, көйнөк - рубашка, бөдөнө - перепелка, бөрү - волк, жүрөк - сердце, и т.д. [89, ч. I, 1955].

Примеры на губную гармонию гласных в аффиксах в киргизском языке: кол [кол] - рука, колдор - руки, колго - руке, колдо - в руке, колдорго - рукам, колдордо - в руках, колду - руку, колу - его рука, колунузду - вашу руку; көл - озеро, көлдөр - озера, көлгө - в озеро, гүл - цветок, гүлдөр - цветы, гүлгө - цветку, гүлдө - на цветке, куш (куш) - птица, куштун - птицы (род. падеж), но куштар - птицы (мн. ч.). кушка - птице, куштарга - птицам, куштан - от птицы, куштардан - от птиц и т.д. [89, ч. I, 1955].

Вследствие этого, в киргизском языке почти все аффиксы, касательно словообразовательных и словоизменительных, имеют четыре варианта изменений гласных, а именно одну пару с негубными гласными и другую пару с губными гласными (кроме своих различных других вариантов по начальным согласным). К примеру, аффикс множественного числа имеет следующие варианты: -лар (-дар, -тар)//-лер (-дер,-тер)// -лор/-дор, -тор)//-лөр(-дөр, -төр) - например: орок (орок) - серп - ороктор - серпы, бөдөнө - перепелка - бөдөнөлөр - перепелки, аффикс дательного падежа: -га)-

ка)//-ге (-ке//-го(-ко)//-гө(-кө) - например - орун - место - орунга - месту, бөрү - бөрүгө - волку и т.д. [89, ч. I, 1955].

Необходимо отметить, что в киргизском языке существуют некоторые словообразовательные аффиксы с долгими губными гласными, которые не имеют соответствующих вариантов с негубными гласными и прибавляются к любой основе (корню), независимо от того, является ли гласный последнего слога (корня) губным или негубным гласным. К таковым аффиксам относятся, например, аффикс -луу (-дуу, -туу)// -лүү(-дүү, -түү) - кой/кой) - овца - койлуу - имеющий овец, мал - скот - малдуу - имеющий скот; аффикс -оо/-өө - суроо - спросить, допросить, вопрос, спрос, тирөө // тирек - подпорка; аффикс -уу//-үү - катуу (кату) - твердый, жесткий, тирүү - живой, и т.д. [89, ч. I, 1955].

Н.П.Дыренкова по поводу небной гармонии гласных в алтайском языке высказывает следующее: “Первое положение этого закона, касающееся чередования гласных переднего и заднего ряда, так называемый закон небного притяжения, имеет абсолютное значение: в одном слове (одноосновном) могут быть гласные или переднего ряда (мягкие) или заднего ряда (твердые). Это относится и к основе и к аффиксам” [81, с. 17, 18]. Например: (на основу) - туман - туман, түмен - множество, карак - глаз, керек - нужно, нужда, дело, кайык - весло, кирбик - ресницы, (на аффиксы) - ань-чы-лар - охотники, агаштар-ды - деревьев, төг-үл-ди - пролился, өлбөн-дө-ги - находящийся на траве, в траве [81, с. 18; 135, с.83].

Сущность небной гармонии гласных заключается в следующем: 1) если в первом слоге данного слова имеется гласный заднего ряда, то в последующих слогах должны быть только гласные заднего ряда. Например: карагай - сос-

на, санъыскан - сорока, салкын - ветер, тырма - царапать, дъылан - змея, куучын - беседа; 2) если в первом слогѣ наличествует гласный переднего ряда, то и в последующих слогах должны быть только гласные переднего ряда. Например: кереге - юрта войлочная, емеген - женщина, межелік - сопка, элік - дикая коза, сурекей - очень, мөндүр - град и т.д.; 3) если в основе гласные заднего ряда (твердые), то и в присоединяемых к ней аффиксах должны быть гласные заднего ряда. Например: така-лар-ы-быс - наши подковы, тос-тань - из бересты, тошко - на лед, уй-лар-ы-нда - у их коров, бар-ган-ы-быс - мы пошли, кыр-ды-лар - они скоблили, истребляли; 4) если в основе наличествуют гласные переднего ряда (мягкие), то и в присоединяемых к ней аффиксах должны быть гласные переднего ряда. Например: теке-лер-и-бис - наши козлы, төс-төнь - с начала, с основания, төшкө - на грудь, уй-лер-и-н-де - в их домах, бер-ген-и-бис - мы дали, кир-ди-лер - они вошли [81, с. 18].

По поводу же губной гармонии гласных Н.П.Дыренкова отмечает следующее: "Второе положение закона гармонии гласных, касающееся влияния губных (лабиализованных) гласных на вокализм последующих слогов, так называемое "губное притяжение", наблюдается лишь частично и представляет явление факультативное" [81, с. 18].

В алтайском языке губная гармония гласных имеет следующие закономерности проявления: а) если первый слог слова образован при помощи широкого губного гласного, то в последующих слогах, независимо от того, относятся эти слоги к основе или к аффиксу, широкие гласные могут быть только губные [89, ч. I, 1955]; например: кором - позже, кочкор - дикий баран, конок - сутки, колонь - подпруга, сокор - слепой, согоно - дикий лук, өрөкө - двор, өбө-гөн - старик, төньөш - пень, өлөнь - трава, төньөжөк - коч-

ка [81, с. 19]; б) если первый слог слова образован при помощи широкого губного гласного, то и во втором слоге основы этого слова узкий гласный факультативно может быть губным, но в последующих слогах основы и во всех слогах аффиксов узкие гласные бывают обычно негубными [89, ч. I, 1955]. Например: тогус - тогыс - девять, бозу - бозы - теленок, бөөрү (~бөөри) - волк, бодүне ~ бөдіне - перепел, борбый ~ борбуй - кожаный сосуд для жидкостей, көрүк (~көрик) - бурундук, оюн ~ ойын - игра, корум ~ корым - россыпи камней, отур ~ отыр - сидеть: [81, с. 19]; в) если первый слог слова образован при помощи узкого губного гласного, то и во втором слоге основы из узких гласных употребляются губные, а в дальнейших слогах основы и во всех слогах аффиксов узкие гласные обычно употребляются негубные [89, ч. I, 1955]. Например: түлкү - лисица, кумуш - серебро, тундук - дымоход, улу - доля, улуш - мокрый, сүгүн - радоваться, үкү - филин, [81, с. 19]; г) если первый слог слова образован узким губным гласным, то в последующих слогах (как в основе, так и в аффиксах), широкие гласные могут быть только негубными [89, ч. I, 1955]. Например: куран - дикий козел, туган - родня, будак - ветвь, булан - сохатый, суурте - тащить, үрен - ~ уурен - учиться, [81, с. 19]; д) при образовании соединительного деепричастия от глагольных основ с губным гласным обычно прибавляется аффикс -уп - уп (-уп-үп): болуп, өзүп, тудуп, үзүп [89, ч. I, 1955].

Что касается аффиксов, то огубление наблюдается тогда, когда гласный основы широкий губной, и не наблюдается, когда гласный основы узкий губной в тех случаях, когда гласный аффикса является широким (о или ө). Если при основах с широким гласным о-ө в присоединенном аффиксе гласный широкий, то из двух вариантов губного и не губ-

Как видно, в киргизском языке губная гармония гласных проявляется в полной мере. Так, для наглядности приведем несколько графов аффикса множественного числа в киргизском языке:

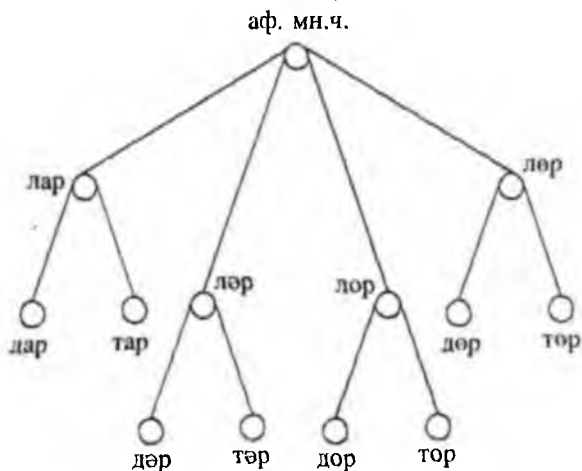

Рис. 2.1.10 Аффиксы множественного числа в киргизском языке.

Для сравнения приведем графы аф. мн. ч. в азербайджанском и турецком языках, в которых наличествуют два варианта данных аффиксов:

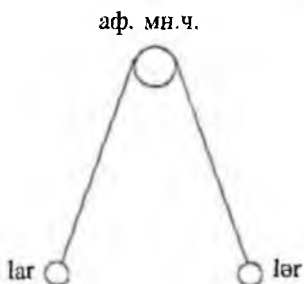

Рис. 2.1.11 Аффиксы множественного числа в азербайджанском языке.

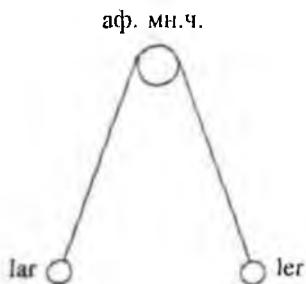

Рис. 2.1.12 Аффиксы множественного числа в турецком языке.

ного выбирается губной. Например: тошко - (а не тошка) - на лед, тōшкō - (" " тōшке) - на грудь, тошто - на льду, тōштō - на груди, тоштонъ - со льда, тōштōнъ - от груди, и т.д. [81, с. 20].

Если при основах с узкими гласными "у" и "ү" в прибавляемом аффиксе гласный широкий, то из двух вариантов губного и негубного берется негубной. Например: булутка (а не булутко) - на облако, тус - соль, туска - соли, ускен - рвавший, үспе - не рви, [81, с. 21].

Огубление в алтайском языке наблюдается факультативно и не наблюдается полностью тогда, когда после губного гласного основы (широкого или узкого) следует аффикс с узким гласным: например: тошты - лед, тоштынъ - льда, тōшти - груди, тōштинъ - груди, ойноды - играл, бутти - верил, ёсти - вырос и т.д. [81, с. 21].

В таблице 2.1.2 наглядно рассмотрены особенности закона гармонии гласных в современных тюркских языках.

Для сравнения рассмотрим закон гармонии в следующих нетюркских агглютинативных языках, в фонетическом строе которых наличествует данный закон.

Так, в венгерском языке гармония гласных сперва распространялась, возможно, лишь на корень слова, т.е. в языке существовали слова либо с гласными переднего, либо заднего ряда. С составом гласных связано также и изменение оттенка в значении слова. Так, например, указательное местоимение с гласным переднего ряда указывает на близость, а с гласным заднего ряда на удаленность: ez (это), az (то), itt (здесь), ott (там); ide (сюда), oda (туда); erre (сюда), arra (туда); így (этак), úgy (так) и т.д. [31, с. 51-52].

Необходимо отметить, что гласные *i* и *ı* не имеют соответствующей пары заднего ряда, и это, в свою очередь, приводит к нарушению закона гармонии.

Таблица 2.1.2

Закон гармонии гласных в современных тюркских литературных языках

[illegible]

Примечание:

1. Знаком 11 отмечено наличие данного явления;
2. Знаком 00 отмечено отсутствие данной явления;
3. Знаком 10 отмечено наличие данного явления лишь в разговорном языке.

Сложность состоит еще в том, что в процессе истории венгерского языка в отдельных словах, суффиксах и окончаниях из дифтонгов *oј*, *aј* образовались *i*, *ı* и *ё*, *e*. Например: *paraј*, *para* (шпинат), *карај*, *каре* (кусок, ломоть, краюха) и т.д. [31, с. 52].

С развитием склонения, спряжения и словообразования влияние гармонии гласных распространилось на окончания, присоединяемые к корню; например: *almaval* - с яблоком, *lovaval* - с его лошадью, *kertnel* - у сада, *pekhez* - к пекарю и т.д. Однако, в сложных словах решающим бывает последний компонент, например: *hazfedelet* /крышу дома - вин. пад. *könnyvtalaban* (на переплете) и т.д. [31, с. 53].

Губная гармония гласных заключается в том, что гласный переднего ряда “ё” не может использоваться после слога, где содержатся гласные “ö”, “o” или “ü”, “u”. Вместо этого гласного выступает лабиализованный гласный “ö̰”. Вследствие этого, такие окончания, где гласным является “ё̰”, имеет три формы: *hazhoz* - к дому, *kerthöz* - к саду, *tűzhöz* - к огню, *irtok* - вы пишете, *kerték* - вы просите, *üttök* (вы бьете) и т.д. [31, с. 54-55].

Что же касается ассимиляции согласных, то звонкие и глухие согласные взаимно воздействуют друг на друга. Но данный процесс происходит лишь в разговорном языке. Например: *p>b*: *doptam* (*dobtam* - я бросил, *laptol* (*labtol* - от ноги), *zapkenyer* (*zabkenyer* - ячневый хлеб) и т.д.; *d>t* - *attam* (*adtam* - я дал), *athat* (*adhat* - он может дать); *vatkan* (*vadkan* - дикий кабан); *g>k* - *rakta/ragta* - он грыз, *vakhak/vaghat* - он может рубить); *z>sz* - *eszt* (вин. пад. от указ. мест. *ez* - это); *aszt* (вин. пад. от указ.мест. *az* - то), *hosztuk/hoztuk* - мы принесли, *haszhely/hazhely* - участок под дома; *v>f*: *neftelen/nevtelen* - анонимный, безымянный, *tafcsö/tavcsö* - телескоп; *zs>s*: *darasfeszek/darasfeszek* - осси-

ное гнездо. Из звонких согласных лишь смычные согласные *z* и *zs* воздействуют на стоящий впереди глухой звук: *k>g*: *lagzi/lakzi* - пирушка, свадьба; *b>p*: *kabzsi/kapzsi* - алчный [31, с. 55].

В монгольском языке также существует сингармонизм, который сводится к тому, что гласные одного ряда не находятся в одном и том же слове вместе с гласными другого ряда. В монгольском языке гласные делятся на следующие три фонологических ряда, для наименования которых используется традиционная монгольская терминология, чтобы избежать смешения фонологической классификации гласных с физиологическим делением тех же гласных: мужские (эр): *а, аа, ай, о, оо, ой, у, уу, уй, ы*; женские (эм): *э, ээ, эй, ө, өө, ү, үү, үй*; нейтральные (саармаг): *и, ий*.

Таким образом, в современном монгольском языке мужские гласные не могут находиться в одном и том же слове вместе с женскими гласными. Нейтральные “и” и “ий” наличествуют в одном и том же слове вместе с гласными как мужской группы, так и женской. Но если в слове имеются лишь эти нейтральные гласные, то они при словоизменении и словообразовании считаются женским рядом, например, в словах типа *хий* - воздух, *би* - я, *чи* - ты и т.д.; *хийгээр* - по воздуху, *минийхээр* - по-моему, *чинийхээс* - от твоего и т.д. [163, с. 17-18].

В монгольском языке существует также закон губной гармонии, который заключается в том, что после *а, аа, ай, у, уу, уй, э, ээ, эй, ү, үү, үй* первого слога в непосредственно следующем слоге соответственно по рядам могут находиться только те же гласные, но никак не *о, оо, ой, ө, өө*: во-вторых, после *о, оо, ой, ө, өө* первого слога в непосредственно следующем слоге соответственно же по рядам могут быть те же гласные или *уу, уй, үү, үй*, но никак не гласные

а, аа, ай, э, ээ, эй. Таким образом, гласные “а” и “о” или “э” и “ө” могут находиться в одном и том же слове лишь в том случае, если между “о” или “ө” первого слога, с одной стороны и “а” или “э” третьего слога, с другой - во втором слоге имеется уу, уй, үү, үй; например: о-руу-лав - оруулав - ввел; тө-рүү-лэв - төрүүлэв - выращивал [163, с. 18].

Гармония гласных в финском языке заключается в том, что в одном слове (если оно не сложное) употребляются либо только задние, либо только передние гласные, за исключением передних гласных “е” и “i”, которые могут находиться и в заднегласных словах, например: taittumat-to-ma-na (эсс. от taittumaton - негибачный), но hel-ty-mät-tö-mä-na (эсс. от hetytätön - немолчачный), ku-me-am-pi-a (срав. ст. от kimeä - глухой), но ki-me-am-pi-ä (срав. ст. от kimeä - визгливый, резкий) [183, с. 16].

Таким образом, по-нашему мнению, из фактов рассматриваемых выше языков следует, что закон гармонии гласных, в общем, проявляется как в тюркских языках, исключение составляют гласные “i” и “i” в венгерском, “и” и “ий” в монгольском и “е” и “i” в финском, которые используются в словах и с передними и с задними гласными.

Помимо агглютинативных языков, сингармонизм также наблюдается и во флективных языках, например, в арамейском диалекте Урмии, где каждое слово имеет определенный тембр: твердый, мягкий, средний [184, N 9-10, 1946].

Источником тембра в слове являются “айн” и эмфатические согласные.

Например слова с s-ом (симкетом): besla/busla - лук, simältä - лестница [184, N 9-10, 1946]. Z-d; r-l тоже являются “отвердителями” тембра; например tla - три, gama/ro-ma - высокий.

“Айн” в новосирийском языке самостоятельно, как звук не существует (он растворяется в тембре гласных). Если в слове наличествует этимологический айн, то оно с твердым тембром: *jatīn* - знаю и т.д. [184, N 9-10, 1946].

Средний тембр бывает в слове и тогда, когда глоттальный согласный сохранится; например: *sahda* - свидетель.

При остальных согласных таких, как *m, n, f, v, p, b, t, d, s, z, šš, ž, k, g, č, 3, l, r* - наличествует мягкий тембр: *šlāmā* - мир, привет, *tīvlī* - сел и др. Так, в урмийском диалекте гласных с мягким тембром намного больше, чем остальных [184, N 9-10, 1946].

Как отмечает К.Церетели: “... Итак, источником урмийского сингармонизма являются согласные с разными тембрами, т.е. согласные, которые производятся артикуляцией присущей чисто семитическому консонантизму (этот факт еще раз указывает на особенное значение консонантизма в семитических языках). Вследствии указанной артикуляции получается сопоставление звуков (согласных и гласных), резко отличающихся по тембру. Это и есть основы урмийского сингармонизма” [184, N 9-10, 1946].

Так, из вышесказанного, наблюдается своеобразное проявление сингармонизма в урмийском диалекте, который отличается от сингармонизма в тюркских, финноугорских и монгольских языках, но тем не менее прослеживается гармония в словах данного диалекта.

2.2. Закон гармонии согласных

Как известно, помимо гармонии гласных в письменных памятниках и тюркских языках существует также гармония согласных, которая имеет свои особенности проявления в данных языках.

В тюркологии факты, именуемые “гармонией согласных” и “гармонией согласных с гласными” являются ассимиляцией.

Что же касается ассимиляции согласных по глухости-звонкости в языке надписей, то Г.Айдаров указывает на ее неоформленность еще в то время, и отмечает, что уподобления согласных находились в начальной стадии развития [8, с.72].

Но, несмотря на это, гармония согласных по признаку глухости-звонкости осуществляется в виде как прогрессивной, так и регрессивной ассимиляции согласных в пределах двух соседних согласных.

Приведем примеры прогрессивной ассимиляции согласных: *türütka-* в Тибет, *taşqa* - к камню, *kün bātsiqina-* там, где заходит солнце, *tökti-* пролилась (кровь), *tabyaşqa* - к табгачам [105, с. 68]; *bodun boyzı-* горло народа, *oğuzdantap-* от огузов, *qırqızda-* от кыргызов, *ebgärü-* к дому, [105, с.68].

Так как сонорные р, л, м, н, отмечает Г.Айдаров, не имеют своих глухих пар, сочетаются как со звонкими, так и с глухими согласными [7, с.24].

Так, основы с конечными сонорными l, r, m, n, сочетаются с аффиксами, начинающиеся с “t”, “q”, “k” [99, с.5; 105, с.68]. Например, *boltı* - он стал, *qiltım-* я сделал, *jılqa-* в год, *körti-* он увидел, *bertım-* я дал, [105, с.68]; *kelti* - пришли, *bizinte* - с нами, [8, с. 50, 68]; *akinti* - второй [7, с. 24].

Исключение составляет лишь глагол *bar* - идти, оканчивающийся на сонорный согласный “r”, где к нему присоединяется только звонкий согласный: например, *bardım*, *bardıy*, *bardı*, *barduq*, *barzın* и т.д [105, с.68].

Примеры регрессивной ассимиляции согласных по звон-

кости: *jaratı̇dım>jaratı̇ddım>jaratı̇dım>jaratı̇dım* - я приказал соорудить; *bitı̇dım>bitı̇ddım>bitı̇dım* - я поручил написать; *jökgärü>jöggärü>jögarü* - вверх [105, с.71].

Таким образом, рассмотрим таблицу закона гармонии согласных в языке письменных памятников (таб. 2.2.1).

Таблица 2.2.1

Закон гармонии согласных в языке письменных памятников

Язык письменных памятников	После конечных глухих согласных основы следуют глухие согласные аффикса, а после звонких согласных - звонкие	Сонорные (м, п, г, л, у) сочетаются и с глухими и со звонкими согласными	Исключение составляет глагол баг - идти, оканчивающийся на сонорный согласный г; где к нему присоединяется только звонкий согласный
Орхоно-енисейские памятники			

Примечание:

1. Знаком || отмечено наличие данного явления.

А теперь перейдем к рассмотрению закона гармонии согласных в современных тюркских языках.

В чувашском языке наиболее распространена прогрессивная ассимиляция, но наблюдаются случаи и регрессивной ассимиляции.

1) не отражающееся в орфографии чередование глухой разновидности шумных согласных со звонкой. Конечный согласный звук, будучи при изменении слова в звонком положении, принимает звонкое произношение. Например: курак - трава, упа куракё (уба кураге) - папоротник, ак-сей, акар (агар) - сейте, карап - корабль, таьшман карапё (п=б) - вражеский корабль, сап - поливай, сапяр (п=б) - поливайте, пар - дай, ан пар (п=б) - не давай, ан паряр (анбаряр) -

не давайте, парать - дает, ёс - работа, ёсе тух (ёзедух) - выходи на работу, ус - открывай, усать (с=зь) - открывает, усър - (с=зь) - открывайте, сут - продай, сутать (т=д) - продает, сутър (т=д) - продайте, пух - собирай, пухать (х=г) - собирает и т.д.

2) Чередование глухого “т” со звонким “ч” наблюдается при присоединении к существительному с конечным “т” аффикса принадлежности 3-го лица “ё”: ят - имя, ячё (ч звонкое) - его, ее имя, хут - бумага, хучё - его бумага, турат - ветвь, йываф турачё - ветвь дерева и т.д.

3) Чередование звонкого “т” со звонким “ч” в 3-м лице ед. и мн. числа прошедшего категорического времени в глаголах с основой на -л, -н, -р: ватълтәм (т звонкое) - я состарился, ватълчё, ватълчёс (ч звонкое) - он состарился, они состарились, килтём - я пришел; килчё - он пришел [83, с. 214, 215].

Из вышеприведенного мы приходим к такому выводу, что закон гармонии согласных в чувашском языке проводится несколько иначе, нежели в других тюркских языках, т.е. в данном языке не наблюдается уподобление согласного аффикса согласному корня.

В туркменском языке при присоединении аффиксов к тому или иному слову, а также при слитном произношении двух самостоятельных слов, нередко наблюдается в разговорной речи изменение начального согласного звука аффикса, послелога или второго из самостоятельных слов, которое проявляется в артикуляционном сближении с конечным согласным звуком предшествующего слова, например: mennen = menden, атым ma:r (=атым бар), berçek-gә:l (=berçek dәl) и т.д. [145, с. 39].

В туркменском языке наблюдаются следующие наиболее распространенные разновидности явлений ассимиляции

согласных: а) уподобление согласных по признаку безгласности; например: глухое произношение начального “d” в приставках исходного и местного падежей, прошедшего времени глагола и т.д. при присоединении их к основам, оканчивающимся на глухую согласную: *attan* (=atdan), *ettim* (=etdim), *kitaptan* (=kitapdan), *sөрөктөн* (=сөрөкден) и т.п., глухое произношение конечного “z” в непосредственном соседстве с последующим глухим “s”, например: *jassa* (=jazsa) и т.п; б) распространение носового произношения одного звука на другой, например: *mennen* (=menden), *онпо* (=onda), *аьм ма:г* (=аьм bar); в) замена одного звука другим, артикуляционно близким к нему; например: *gelli* (=geldi), *bizze* (=biz-de); г) замена одного звука другим, артикуляционно совершенно отличным от него (имеет место при соединении согласных, не сходных по месту образования), например: *gelçek* - *gəl* (*gelçek dəl*), *turug gitti* (=turğp gitdi); д) ассимиляция согласных звуков, состоящая в превращении одного из них в другой звук, более близкий к своему соседу в артикуляционном отношении, например: *geşti* (=gecdi), *agaştan* (agacdan) [145, с. 39-40].

К числу ассимиляций согласных, не с согласными, а с гласными по признаку их звонкости, относится также звонкое произношение глухих согласных при положении между двумя гласными, например: *kita:p* - *kita:бь*, *tu:d* - *agac* (=tut agac), *a:g* - *eşekli* (=ag eşekli) и т.п. Наблюдаемый при этом переход взрывных звуков “p”, “g” и “k” в фрикативные “b”, “q”, и “g” при положении между гласными (напр.: *kita:бь*, *bermə:ge* и т.д.) должен рассматриваться в равной мере, как ассимиляция согласного звука с гласным по признаку длительности произношения. Нередко бывают случаи и обратного явления, т.е. уподобление гласного звука согласному по признаку участия губ в произношении, напри-

мер: *tovşan* (=tavşan), *palov* (=palav), *övrenmek* (=evrenmek) и т.д. [145, с. 40].

В гагаузском языке закон гармонии согласных проявляется в том, что целый ряд аффиксов имеет по два варианта: со звонким и с глухим согласным. К основе с конечным гласным или звонким согласным присоединяется звонкий вариант аффикса, а к основе с конечным глухим согласным присоединяется глухой вариант. В гагаузском языке данный принцип строго выдерживается, например: *ал-ды* - он взял, *ат-ты* - он бросил, *ев-дä* - дома, *куместä* - в курятнике, *усулжа* - украдкой, *смиренько*, *йавашча* - тихонько, медленно, *йязыжи* - писатель, *балыкчи* - рыбак [137, с. 77].

Необходимо отметить, что важным проявлением сингармонизма в гагаузском языке является закономерная палатализация согласных в словах с гласными переднего ряда. В гагаузском языке наблюдается наиболее сильное ее проявление, чем в других тюркских языках, в особенности относительно конечных согласных.

Таким образом, конечные согласные, например, в словах: *бир* - один, *вер* - дай, *бис* - мы, *ек* - сустав, *беш* - пять, *ип* - веревка, *шнур*, *гүвем* - терновник, *һен* - самый, *ел* - рука, *седеф* - жемчуг, *бисер*, *ев* - дом произносятся с сильной палатализацией [137, с. 78].

Необходимо отметить, что согласные “т”, “д” палатализуются меньше, согласные ж, ш вообще не имеют твердого (непалатализованного) варианта; согласный “ч” звучит со средней степенью палатализации [137, с. 78].

В азербайджанском языке, подобно другим тюркским языкам, закон гармонии согласных проявляется в уподоблении начального согласного аффикса, конечному согласному основы, т.е.: а) если конечный согласный основы звонкий, то начальный согласный аффикса тоже звонкий: нап-

пример: аз-гын - блуждающий, эз-кин - усталый, дол-гун - полный, вур-гун - влюбленный, чал-гы - музыка, сев-ки - любовь, и т.п.; б) если конечный согласный основы глухой, то начальный согласный аффикса тоже глухой; или слабо звонкий, например: даш-гын - разлив, кәс-кин - резкий, өт-күн - перезрелый, сечки - выборы, пус-гу - засада, и т.п.; Необходимо отметить, что этот закон сохраняясь лишь в аффиксах -гын, -гын, -кин, -гы, гы, -ки, образующих от глагола существительные или прилагательные, в крайней степени ограничивается. В других аффиксах данный закон применять нельзя. Из этого вытекает, что закон гармонии согласных в азербайджанском языке постепенно утрачивается [208, с. 118].

Небезынтересно отметить, высказывание А.М. Дамирчизаде, что “закон гармонии в основном является прогрессивной ассимиляцией, тогда как закон гармонии согласных в большей степени является регрессивной ассимиляцией” [208, с. 118].

Мы склоняемся к иной точке зрения нежели А.М. Дамирчизаде, так как рассматриваем закон гармонии согласных в качестве прогрессивной ассимиляции в силу того, что ни в одном из рассматриваемых тюркских языков не наблюдается уподобления конечного согласного корня начальному согласному аффикса. Помимо этого, в данных языках наличествуют глухие звонкие варианты аффиксов, а не корней слов.

В турецком языке, пишет А.Н.Кононов: “Закон гармонии согласных состоит в том, что согласные в корне - находятся ли они в одном слоге или на границе слогораздела - и в соединении корня или основы с аффиксами, которые начинаются на согласный, уподобляются по “звонкости” и “глухости”, т.е. за звонким согласным корня или основы,

при согласном наращении, следует только звонкий согласный, за глухим в тех же условиях следует глухой согласный” [103, с. 38].

В турецком языке, согласно действующим в настоящее время орфографическим правилам на конце слова пишутся только глухие “ç”, “k”, “p”, “t”, а не соответствующие им звонкие парные согласные. Например: ağaç - дерево, ağaçta - на дереве, av - охота, avda - на охоте, taş - камень, taştan - из камня, kum - песок, kumdan - из песка, balık - рыба, balıkçı - рыбак, demir - железо, demirçi - кузнец, yap - делай, yaptı - он сделал, yaz - пиши, yazdı - он написал [103, с. 39].

Ассимиляция согласных по звонкости-глухости в турецком языке наблюдается при непосредственном соседстве согласных, проявляясь как в основе, так и в производных формах, при этом безотносительно к происхождению слова, например, ekşi - кислый, istemek - желать, хотеть, требовать, eski - старый, ветхий, özge - странный, чужой, gövde - туловище, ствол и др. [165, с. 47].

Сонорные r, l, m, n, y, которые не имеют соответствующих глухих пар, сочетаются как со звонкими, так и с глухими согласными, например: esnemek - зевать, tekne - корыто, saplak - ковш, taşra - провинция, serçe - воробей, külte - низкий, низкорослый, ıslak - мокрый, kamçı - нагайка, kuytu - защищенный от ветра, karga - ворона, gölge - тень, katran - деготь, смола, kendi - сам, kısrak - кобыла, dombay - буйволица и др. [165, с. 47].

Из вышесказанного мы приходим к такому выводу, что из тюркских языков огузской группы лишь гагаузский и турецкий сходятся в проявлении гармонии согласных, тогда как в азербайджанском и туркменском языках данное явление наблюдается лишь в некоторых аффиксах и разговор-

ной речи.

В караимском языке гармония согласных проявляется в двух видах.

Первый тип гармонии согласных заключается в том, что внутри одного слова выступает либо ряд мягких/палатализованных, либо ряд твердых/непалатализованных согласных. Палатализованность и непалатализованность согласных зависит от состава гласных в слове. Если гласные в слове являются небными передними, то согласные этого слова произносятся мягче, например кюн/кин/кун/кин/ - день. Если гласные в слове являются ненебными задними, то согласные произносятся тверже: например, кан - кровь.

Гармония согласных второго вида заключается в фонетическом взаимодействии двух основ или основы и словообразовательных и словоизменительных морфем, что называется ассимиляцией или уподоблением [127, с. 74].

В караимском языке прогрессивная ассимиляция согласных состоит в том, что начальный согласный аффикса уподобляется конечному согласному основы. После основ, с конечным глухим согласным аффикс начинается с глухого согласного, а после основ, с конечным неглухим согласным, (т.е. звонким, сонорным или гласным) - со звонкого согласного, например: йаз-ды - он писал, ат-ты - он стрелял [127, с. 74].

В караимском языке в ассимиляции по звонкости-глухости участвуют лишь три пары: т-д, к-г, х-ь. Что касается же многовариантных аффиксов ассимиляция по глухости и звонкости проявляется лишь в четырех- и восьмивариантных аффиксах [127, с. 75].

Необходимо отметить, что сонорные согласные м, н, н, р, л и звонкий й сочетаются как с глухими, так и со звонкими согласными: каз-лар - гуси, ат-лар - кони, каз-ны - гу-

ся, атны - коня и т.д. [127, с. 75].

В кумыкском языке гармония согласных сходна с гармонией согласных в караимском и других тюркских языках, т.е., если корень слова оканчивается на глухой согласный, то прибавляемый аффикс начинается на глухой согласный, а после звонкого согласного (а также гласного) основы прибавляемый аффикс начинается на звонкий. Например: таш - камень > таш-та - на камне, иш - работа > иш-те - на работе, в работе, йол - дорога - йол-да - на дороге и т.д. [77, с. 22].

Необходимо отметить особенность, которая заключается в том, что глухие варианты согласных не обозначаются. Так, слышится таш-тан - из камня, а пишется таш-дан, слышится баш-тан - из головы, а пишется баш-дан и т.д. [77, с. 22, 23].

Аффикс -са//-се (показатель условных форм) пишется одинаково после всех конечных звуков глагольной основы, т.е. не только после глухих, но также и после звонких, включая гласные. Например, тут-са - если он схватит, ал-са - если он возьмет, и т.д. [77, с. 23].

При произношении звонкий согласный основы уподобляется глухому, т.е. переходит в соответствующего типа глухой. Например, яз-са - если он напишет, читается яс-са, туьз-се - - если он устроит, читается туьс-се и т.д.

Аффиксы с начальным сонорным согласным, не имеющих глухой пары, всегда пишутся одинаково и не попадают под воздействие ассимиляции. Например, ата-лар - отцы и ат-лар - кони, аякъ-лар - ноги, гьыз-лер - следы, тавуш-лар - звуки, ель-лер - ветры, алдынгъ-му - взял ли ты? алдыкъ-му - взяли ли мы? и т.д. [77, с. 23].

Гармония согласных в карачаево-балкарском языке, подобно азербайджанскому языку сводится к тому, что после

конечных глухих и звонких согласных корня следуют аффиксы лишь со звонким начальным согласным; например - эшит-дим - я услышал [197, с. 216]; айт-ды - он сказал [197, с. 225]; джаз - пиши, джаз-дыр - заставь написать, джыр - песня, джыргъа - песне [197, с. 216].

Относительно аффикса исходного падежа, то в нем д переходит в н после основ на н, нг, м; мен-ден > меннен - от меня, тенг-ден > тенг-нен - от друга, кесим-ден > кесим-нен - от себя [197, с. 216].

В крымско-татарском языке также наблюдается гармония согласных по глухости-звонкости. Под ее воздействием в аффиксах с начальными смычными почти всегда имеются варианты со звонким и глухим согласными. Первый употребляется после конечных гласных и сонорных, второй - после конечных глухих, например: oda-da - в комнате, баш-та - в голове [197, с. 237].

Вследствие чередования небных-ненебных, губных-негубных гласных, начальных глухих и звонких согласных увеличивается число вариантов некоторых аффиксов до восьми. К таковым относится, например, словообразовательный аффикс отглагольного имени - къын/-кин/-къун/-кюн, - гъын/-гин/-гъун/-гюн и т.д. Приведем примеры: бас - къын - нападение, кескин - резкий, уч - къун - искра, янгъын - пожар, сёнгюн - угасший [197, с. 237].

В татарском языке уподобление согласных по признаку глухости-звонкости проявляется двояко: а) под влиянием глухих некоторые звонкие оглушаются: тозсыз [тоссос] - несоленый, тажсыз [тачсыс] - без короны и т.п. Вследствие этого явления образовались новые варианты некоторых аффиксов, которые присоединяются к словам, оканчивающимся на глухой: - ты -те, -та -тә, -ка -кә и др.; б) под влиянием звонких некоторые глухие озвончаются. В лите-

ратурном татарском языке это явление ограничено, лишь под влиянием сонанта [р] предыдущие [к], [к], [п] озвончаются: ак-рак > аграк - белее, сирэк-рэк > сирэгрэк - реже, күп-рэк > күбрэк - больше и т.п. [173, с. 77].

Этот закон в татарском литературном языке на письме распространяется лишь на аффиксы, начинающиеся на д, т. Например: ат-та - на лошади, ат-тан - с лошади, ат-ты - он выстрелил, сат-тыр - заставь продать, як-таш - земляк, кулда - в руке, кул-дан - с руки, аер-ды - он отделил, ал-дыр - заставь взять, кар-дөш - родственник и т.д. [169, с. 98].

В башкирском языке, подобно другим тюркским языкам при прогрессивной ассимиляции последующий звук подвергается воздействию предыдущего.

После глухих согласных начальный д аффиксов и частиц оглушается; а после согласных р, з, й и у (в), ү (в) переходит в “з”, например: тыш-та - на улице; кош-тор - на-верное, птица; яр-зан - с берега; тау-за - на горе; бар-зы - ходил; айыу-зай - как медведь. В аффиксе мн. числа “лар”, начальный “л” переходит в “т” после глухих согласных, в “д” после “л”, “м”, “н”, “н”, “з”, “ж”, в “ш” после “р”, “й”, “з”, “у (в)”, “ү (в)”: таш-тар - камни, кис-төр - вечера, урам-дар - улицы, кул-дар - руки, кор-зар - тетерева, көй-зәр - мелодии, утрау-зар - острова и т.д. [68, с. 62].

Существуют 2 вида прогрессивной ассимиляции в башкирском языке: 1) полная и 2) частичная: например; 1) ат-тар - кони, каз-зар - гуси, кайт-ты - вернулся, яз-зы - написал, күк-кә - в небо, йык-кан - свалил; “с”, “з”, “ш” в диалектах и просторечии ассимилируют последующие һ, ҫ, з; эс-сез < эсһез - без живота, ас-сан < асһан - если откроешь, калмас-сын < калмас-һын - не останешься, баш-шыз < баш-һыз - без головы;

2) яп-ты - закрыл, каш-ка - к птице, башта - на голове,

там-ды - капнул и т.д. [68, с. 62].

В башкирском языке существуют следующие типы ассимилятивного варьирования аф. мн. числа, падежей, очевидного прошедшего времени, - дай - и др., имеющих в начале л, (исключение составляют лишь словообразовательные - лык, -лы, -ла, -лай и т.д.), н и д: 1) после глухих согласных корня или основы аффиксы начинаются с т: иптәш-тен (<-нен) - у товарища, хат-тар (<-лар) - письма; 2) после л, м, н, н, з, ж, выступающих в конце корня или основы слова, эти аффиксы начинаются с д: мал-дын (<-нын) - у ско-та, тал-дар (<-лар) - ивы; 3) после согласных р, й, з, у (в), ү (в), выступающих в конце корня или основ слова, эти аффиксы начинаются с “з” (<н): боз-зон (<-нын) - у льда, кыз-зар (<-лар) - девочки, девушки, каз-зы (<-ды) - копал, тау-зай (<-дай) - с горы.

В восточном диалекте башкирского языка четырехтипное варьирование “л” - в аффиксах проявляется наиболее последовательно [68, с. 62].

В ногайском языке, так называемая “мягкость” и “твёрдость” согласных связаны с законами сингармонизма, которые подчиняют себе также и согласные.

В ногайском языке согласные, будучи в словах с передним вокализмом, в некоторой степени палатализуются (т.е. смягчаются) [34, с. 25].

Относительно промежуточных согласных можно привести следующие расхождения диалектов ногайского языка: 1) различные типы ассимиляции сочетаний нл-куьнлер-куьннер~куьллер - дни, из которых первый тип, т.е. отсутствие ассимиляции, характерен для ак-ногайского диалекта (куьнлер), второй тип: прогрессивная ассимиляция нл>нн - для собственно-ногайского диалекта (куьннер) и третий тип - регрессивная ассимиляция нл>лл для кара-ногайского диа-

лекта (куьллер); 2) отклонение от общего закона чередования м~б~п в зависимости от соседнего предыдущего звука в сторону ослабления ассимиляции “м” предыдущим “з” и глухими согласными, т.е. устойчивость “м” не зависит от соседних звуков в кара-ногайском диалекте (озма - не проходи, йазма - не пиши, вместо озба, йазба) и в сторону усиления ассимиляции м, т.е. перехода м > б перед согласным р (коьрбой - не видя, коьрбойгоьн - не видевший, вместо коьрмой, коьрмойгоьн) в ак-ногайском диалекте [34, с. 19].

Глухость и звонкость согласных, а также другие их качества (мгновенность и проточность) проявляются в определенных закономерностях, которые представляют собой различные виды и типы ассимиляции. К последним относятся: а) озвончение глухих и частичная спирализация к > г; кь > гь; п > б в позиции между гласными; б) полная спирализация п > в в позиции перед узкими гласными ы - и; у - уь и широким е; в) уподобление или ассимиляция (прогрессивная) звонких согласных в позиции после глухих: д > т, г > к, гь > кь; б > п;

Следует отметить, что законы ассимиляции в ногайском языке в сравнении с наиболее близкими к нему языками казахским и каракалпакским больше схожи с последним, т.е. с каракалпакским, нежели с казахским. В ногайском и каракалпакском языках отсутствует, например, характерное для казахского языка чередование л-д-т, в зависимости от предыдущего звука: казах.: balalar, qьzdar, tastar и др. соответствует в ногайском и каракалпакском: балалар, кьызлар, таслар [34, с. 25, 26].

д) случаи ассимиляции д > т после н, нь, м: суьйткоьнте (< солай еткен еди де) - он и сделал таким образом, и т.д.; в ак-ногайском диалекте, а также д > н после н: уьйлоь-

ннуым (<уыйлоьндуым) - я женился, в канглинском говоре того же диалекта [34, с. 26].

В каракалпакском языке наблюдается соответствие н~д~т в аффиксах, вызванное прогрессивной ассимиляцией предыдущего звука, напр., в аффиксах родительного падежа, который в соответствии с этой закономерностью имеет три варианта по начальному согласному.

1) - нынь/ - нинь - после основ, с конечными гласными и сонорными смычными м, н, нь: баланынь - ребенка, тон-нынъ - шубы и т.д.

2) - дынь / - динь - после основ, с конечными звонкими согласными й, в, л, р, з: къыздынъ - девушки; гюлдинъ - цветка: елдинъ - народа, къардынъ - снега и т.д.

3) - тынь / - тинъ - после глухих согласных; агъаштынъ - дерева, джигиттинъ - парня, молодца и т.д. [36, с. 81-82].

Несколько иная закономерность в соответствии н~д~т, наблюдается относительно аффикса винительного падежа, который имеет следующие варианты аффиксов:

1) - ны/-ни следует лишь за гласными основы;

2) - ды/-ди - за всеми звонкими согласными, в том числе сонорными смычными м, н, нь;

3) - ты/-ти - за глухими согласными.

Для аффикса исходного падежа:

1) -дан/-ден - после гласных и всех звонких согласных;

2) -тан/-тен - после глухих согласных;

3) -нан/-нен - после сонорных смычных м, н, нь.

Для местного падежа характерны лишь два варианта аффикса:

1) -да/-де - после гласных и всех звонких согласных;

2) -та/-те - после глухих согласных [36, с. 82].

В казахском языке прогрессивная ассимиляция наблюдается в пределах одного слова (между основой и аффиксом), на стыке двух слов, в слитных и парных словах (ко-

которые следовательно пишутся слитно и через дефис), между основным и вспомогательным словами и даже в пределах нескольких слов [168, с. 105].

Приведем наиболее распространенные виды прогрессивной ассимиляции:

1. При оканчивании корня слова на звонкий согласный, аффикс следующий за корнем, начинается со звонкого согласного: жаз+ға - жазға - на лето, к лету; каз+дар - каздар - гуси [168, с. 105].

2. При оканчивании корня слова на глухой согласный к нему присоединяется аффикс, начинающийся с глухого согласного: тап+тык - таптык (классовый); өт+тик - өттік - мы перешли (переехали).

3. Если корень слова оканчивается на гласный или сонорный, то к нему присоединяется аффикс, начинающийся со звонкого или сонорного: бала+ға - балаға [ребенку]; шам+дар - шамдар (лампы)

В казахском языке такие словообразовательные аффиксы как - кор, -кеш, -күнем, -паз, хана не попадают под действие конечного согласного корня: шайхана - чайная, өнерпаз - искусный человек, пайдакүнем - корыстолюбец, пәлекор - склочник, интриган, арбакеш - извозчик и т.д. [168, с. 105-106].

4. Если первое из двух соседних слов оканчивается на гласный, сонорный или звонкий, а второе начинается с глухих согласных к, қ, то эти глухие согласные при произношении, под воздействием конечного звука первого слова, переходят в соответствующие звонкие ғ, ғ, но это не отражается на письме: кара казан - черный котел (произносится: кара ғазан), боз кой - белая овца (произносится: боз ғой), ала кел - захвати-ка (сюда) (произносится: ала гел), кызыл көйлек - красное платье (произносится: кызыл ғөйлек), кой қора - овчарня (произносится: кой гора), атын

kim? - как тебя зовут? (произносится: атын гим?) [168, с. 107].

Необходимо отметить, что рассмотрев тюркские языки кыпчакской группы, мы пришли к такому выводу, что в проявлении гармонии согласных в данных языках наличествуют сходные черты с тюркскими языками огузской группы, т.е. в кумыкском и карачаево-балкарском языках этот закон осуществляется подобно азербайджанскому, а в каримском и крымско-татарском подобно турецкому.

В узбекском языке закон гармонии согласных наблюдается во всех узбекских говорах, но в каждом говоре проявляется далеко не в одинаковой степени. Это, в свою очередь, вытекает из того, что не во всех говорах в одинаковых комбинаторных условиях происходит уподобление согласных между собой в речевом потоке [147, с. 299].

Из йекающих городских говоров больше ассимилированных форм (форм прогрессивной и регрессивной ассимиляции согласных) наблюдается в наманганском говоре [147, с. 299].

Приведем несколько примеров прогрессивной ассимиляции согласных: лит.- орфограф. бизни; наманг. ташк. бѣзъз; джек. бизди; марг. бѣздъ - нас; лит.- орфограф. корни; наманг. ташк. корръ//джек. карды//марг. кордъ - снег; лит.- орфограф. сахарни; наманг. ташк. шә: әрръ; джек. шә: әрди; марг. шә: әрдъ - город; лит.- орфограф. кушни; наманг. ташк. кушшшъ; джек. кушты; марг. куштъ - птицу [147, с. 299-300].

Ассимиляция согласных в уйгурском языке заключается в том, что конечные глухие согласные основ ассимилируют в произношении начальные согласные звонкие грамматических аффиксов; например, так, после основ с конечными "р", "т", "ç" начальный согласный звонкий "d" местного падежа (da-də) и исходного падежа (din), равно как и глаголь-

ного окончания 3 лица прошедшего времени (di), чередуется с t; məkta(b)p - школа, məktəptə - в школе, məktəptin - из школы, at - лошадь, atta - на лошади, attin - с лошади, kəl-di - пришел, но kət-ti - ушел, ət-ti - прошел и т.д. [56, с. 10].

После основ с конечными глухими p, t, ç, ş начальный согласный звонкий g и q чередуется с “k” и “q”: так же, как и после глухих x, q, k, например: начальный “g” и “q” дательного-направительного падежа: kəlgə - в озеро, но məktəb-kə - в школу, bazar-qa - на базар, но quş-qa - птице, at-qa - лошади, əşək-kə - ослу и т.д. [56, с. 11].

В вышеприведенных тюркских языках карлукской группы, по-нашему мнению, закон гармонии согласных проявляется слабо, так как наблюдается лишь в произношении.

В тувинском языке прогрессивная ассимиляция происходит также при прибавлении аффиксов, начинающихся с согласных, к основам, оканчивающимся на определенные группы звуков [90, с. 116].

Приведем несколько примеров прогрессивной ассимиляции в тувинском языке:

Аффикс множественного числа -лар - -лер при прибавлении к основам с конечным носовым согласным, меняет свой начальный согласный на н: тон+лар> тоннар - шубы (полная прогрессивная ассимиляция); келген+лер > келгеннер - пришли, приехали (то же); ан+лар > аннар - звери (частичная прогрессивная ассимиляция); эм+лер> эмнер - лекарства (то же) [90, с. 116-117].

Данный аффикс при присоединении к основам с конечным глухим согласным, меняет свой начальный согласный на т: аът+лар>аъттар - лошади (полная прогрессивная ассимиляция); кас+лар>кастар - гуси (частичная прогрессивная ассимиляция); инек+лер > инектер - коровы (то же).

Аффикс винительного падежа -ны - -ни, -ну -нү при

присоединении к основам с конечным глухим согласным, также меняет свой начальный согласный на “т”: аът+-ны > аътты - лошадь; инек+-ни > инекти - корову; дус+-ну > дусту - соль и т.п.

Аффикс условного наклонения -са -се, присоединенный к основам с конечным глухим согласным, сохраняет свой фонетический облик, а при присоединении к основам с конечным сонорным согласным, озвончается его начальный согласный: кес+-се > кессе - если нарежет; кел+-се > келзе - если придет; бар+-се > барза - если найдет [90, с. 117].

В якутском языке чередование согласных осуществляется в основном на морфологическом уровне. Так, если к основе слова на согласный присоединяется аффикс, начинающийся с гласного, то в чередование вступает конечный согласный основы, а если к основе слова на согласный присоединяется аффикс, начинающийся тоже с согласного, то чередование обычно происходит в начале аффикса, конечный же согласный корня или производной основы (соответственно, и производящего аффикса) оказывается более устойчивым и значительно реже чередуется с другими согласными [69, с. 89].

Направленность прогрессивной ассимиляции на межморфемной границе, которая легла в основу чередований согласных, во многом определилась агглютинативным строем якутского языка [69, с. 89].

В якутском языке чередование парных глухих и звонких согласных п - б, к - г, х - г, т - д, а также с- h осуществляется двояко: или как чередование глухих со звонкими, или же как чередование звонких с глухими.

В основе этих чередований лежат явления озвончения глухих или оглушение звонких согласных, которые зависят от фонетических условий их употребления.

В якутском языке глухие п, к, х в конце основы перед гласным аффикса чередуются с парными звонкими б, г, ҕ. Например: сап+а > саба - нитка его, сыт-тык+а > сыттыга - подушка его, бэлэхэ > бэлэҕ - подарок его, тэп+ии > тэбии - пинок, тик+ии > тигии - шитье, бырах-ыы > быраҕыы - бросание, кидание и т.д. [69, с. 89].

Согласный “с” в якутском языке является единственным сибилантом и не имеет соответствующей по месту и способу образования звонкой пары. В интервокальном положении “с” чередуется со звонким гортанным согласным “h”. При этом если “h” при аффиксации слова два раза оказывается в соседних слогах, разделенных громким гласным, то первый из них обратно переходит в “с”, например: эһэ+һит > эсэһит - охотник на медведей, бэһис (<биэс+ис)+ин> бэсиһин - в пятый раз, көһүс (<көс+үс)+эр> көсүһэр - переезжает с кем-либо и т.д. Однако если два h отстоят друг от друга через долгий гласный или другой слог (слоги), то первый h не переходит в с, а сохраняется, например: түһэ+ээһин > түһээһин - сновидение, хаһыытас+ыы > хаһыытаһыы - перекрикивание, общий крик [69, с. 89, 90].

Глухой “т” чередуется перед аффиксальным гласным с парным звонким “д” только в конце основ, оканчивающихся на -рт и -лт, тарт+тар> тардар - тянущий, тянет, кэрт+эр > кэрдэр - рубящий, рубит топором, тириэрт+эр > тириэрдэр - доставляющий, доставляет, түөрт+ү > түөрдү - четыре (вин. пад.), булт+а > булда - охота, промысел его [69, с. 90].

Необходимо отметить, что в потоке речи в составе синтагмы конечные п, к, х, с, т перед словом, начинающимся с гласного, обычно произносятся как звонкий согласный, например: суон сап этэ > суон саб этэ - толстая нитка была, сурук аадырыһа > суруг аадырыһа - адрес письма, харах ыарыыта > хараҕыарыыта - болезнь глаз, ыт үрэр > ыд

үрэр - собака лает, кыыс оҕо > кыһ оҕо - девочка, девушка. Подобные чередования на письме не отражаются [69, с. 90].

Чередование б, г, Ъ, а также һ, с глухими п, к, х, с наблюдается преимущественно в основах возвратного и совместно-взаимного залогов глаголов при присоединении к ним аффиксов, образующих имена, различные формы наклонения и видов. В собственно именных основах данное чередование встречается весьма редко. Например: сабын, сабыс от сап - закрывать, хабыс от хап - ловить на лету, эбис от эп - прибавлять, тигин+э+бин > тиктэбин - шью себе, кигис+э+бин > кинсэбин - сговариваюсь, кигис+ии > киксии - сговор, подстрекательство, аҕын+а+бын > ахтабын - скучаю по ком-чем-л., аҕын+а+ыы > ахтыы - тоска, скука, оҕун+а+бын > охтобун - падаю, сваливаюсь, оҕун+уу > охтуу - падение, көҕүс+э > көхсө - спина его, аҕыс+ыс > ахсыс - восьмой, быһын - резать себе, обрываться, разрываться, (быс - резать) кыһын - строгать ножом себе, для себя, (кыс - строгать ножом), быһын+ар > быстар - рвущийся, рваться, кыһын+ар > кыстар - строгающий себе, строгаёт себе и т.д. [69, с. 90].

В хакасском языке прогрессивная ассимиляция согласных заключается также в том, что к основам с конечным согласным, присоединяются те варианты аффиксов, у которых начальный согласный соответствует полностью или частично конечному согласному основы, иными словами, конечный согласный основы влияет на начальный согласный аффикса [71, с. 40].

Приведем несколько примеров прогрессивной ассимиляции согласных в хакасском языке; аффикс множественного числа имеет варианты: -лар/-лер, -нар/-нер, -тар/-тер; -лар/-лер присоединяется к основам с конечным гласным и звонким согласным: саллар - плоты, көллер - озера, иблер

- юрты, кизилер - люди, и т.д.; -нар/-нер присоединяется к основам с конечным носовым согласным: хазыннар - березы, хозаннар - зайцы и т.д.; -тар/-тер присоединяется к основам с конечным глухим согласным: ағастар - деревья, тоғыстар - работы [71, с. 40]. Подобно этому ассимилируются начальные согласные словообразовательного аффикса -лығ, образующего имена прилагательные от существительных: аффикс соответственно имеет варианты: -лығ/-ліг, -нығ/-ніг: -тығ/тіг; тустығ - соленый, тозыннығ - пыльный, чазылығ - степной [71, с. 40].

Словообразовательный аффикс -ла, образующий глаголы от именных частей речи имеет варианты: -ла/-ле, -на/-не, -та/-те; чарғыла - судить, чалла - нанимать, и т.д.; При присоединении к основам глагола аффикса условного наклонения начальный согласный аффикса уподобляется конечным согласным основы по признаку глухости-звонкости, и аффикс имеет варианты: -са/-се, -за/-зе: алза - если возьмет, хынза - если понравится и т.д. [71, с. 40-41].

Аффикс понудительного залога также уподобляется конечным согласным основы по глухости-звонкости, и имеет варианты: -дыр/-дір, -тыр/-тір: хондыр - заставь ночевать, иттір - заставь делать, чоохтастыр - заставь разговаривать. По данному же принципу ассимилируются начальные согласные аффикса прошедшего времени глагола на -ды, который имеет варианты: -ды/-ді, -ты/-ті: халды - остался, сыхты - вышел, исті - слушал, килді - пришел [71, с. 41].

Аффиксы падежей также подвергаются прогрессивной ассимиляции. В наибольшей степени ассимиляции подвергаются согласные аффикса исходного падежа. Аффикс исходного падежа уподобляется конечным согласным основы по звонкости, глухости и назализации, и имеет варианты: -дан/-ден, -нан/-нен, -тан/-тен: чар - берег - чардан, сын - пе-

ревал - сыннан, нымырт - черемуха - нымырттан, кибіс - ковер - кибістен, тиин - белка - тииннен, и т.д. Другие падежи в основном ассимилируются по глухости-звонкости. Исключение составляет орудный падеж, где независимо от конечного согласного основы присоединяется аффикс - нан/-нен; чон - народ - чоннан, ағас - дерево - ағаснан, сырай - лицо - сырайнан [71, с. 41].

По-нашему мнению, из тюркских языков уйгуро-огузской группы наиболее полно закон гармонии согласных проявляется в тувинском и хакасском языках, так как в этих языках помимо глухих и звонких вариантов аффиксов, имеется также сонорный вариант аффиксов, чего не существует в большинстве тюркских языков.

Для современного киргизского языка присуща полная и неполная ассимиляция согласных, к тому же последняя распространена в наибольшей степени [67, с. 59].

Как известно, при ассимиляции происходит утрата или приобретение слабым звуком каких-либо дифференциальных признаков, и в связи с этим и виды ассимиляции могут быть разными (по глухости, шумности, огубленности и т.п.).

Неполная ассимиляция в киргизском языке представлена следующими разновидностями.

Прогрессивная ассимиляция распространена в киргизском языке наиболее широко. Она проявляется в первую очередь в виде ассимиляции по глухости: после глухого согласного основы начальный согласный аффикса также становится парным глухим: б>п: жаш+бы - жажпы - молод ли, тарт+ба - тартпа - не тяни, ук-ба - укпа - не слушай, и т.д; д>т: жумуш+дан - жумуштан - от работы, бас+дыр - бастыр - придавить, түндүк+да - түндүктө - на севере, клас+да - класста - в классе; г>к: тап+га - ташка - камню (дат.п.),

ат+гыч - аткыч - стрелок, тыш+гаары - тышкаары - вне чего-либо [67, с. 60].

Следует отметить, что орфографически ассимиляция по глухости в киргизском языке проявляется лишь при аффиксации, на стыке слов она выражается только в устной речи [67, с. 60].

В некоторых случаях наблюдается взаимная ассимиляция, при которой предшествующий согласный изменяется под влиянием последующего (регрессивная ассимиляция). Данное явление наблюдается при сочетании звуков (н)+(к), в связи с чем (н) заменяется заднеязычным н, уподобляясь (к), а (к) заменяется звонким (г) под воздействием сонорного: түн кирди > түн гирди - настала ночь, аман келди > аман гелди - пришел здоровым и т.д. [67, с. 61].

В киргизском языке почти все аффиксы как словообразовательные, так и словоизменительные имеют различные варианты по начальным согласным. Например, аффикс множественного числа имеет следующие варианты: -лар (-дар, -тар) [89, ч. I, 1955].

В алтайском языке при сочетании двух согласных наблюдается уподобление согласных, которое заключается в том, что согласный после глухих согласных становится глухим, а после звонких - звонким, т.е. последующие согласные уподобляются предшествующим (прогрессивная ассимиляция). Это касается как основ, так и аффиксов. Например: корбо - кустарник, терге -приготовить, сөскө (а не сösгө) слову, көлгө (а не көлкө) к озеру и т.д. [81, с. 34-35].

Таким образом, следует что:

1) если слово (основа) оканчивается на глухой согласный, то и начальный согласный аффикса будет глухим. Например: булутта - на облаке, атты - коня, и т.д;

2) если слово (основа) с конечным гласным или звонким

согласным, то и начальный согласный аффикса будет звонким, например: тўнде - ночью, балага - ребенку, кۆлдөң - из озера, аңдаган - охотившийся и т.д. [81, с. 35].

Подытоживая все вышесказанное во второй главе, мы приходим к такому выводу, что небная гармония гласных в современных тюркских языках проводится относительно одинаково (за исключением хакасского и уйгурского языков). Что касается же губной гармонии гласных в данных языках, то в силу тех или иных причин он проводится разнообразно.

В ходе исследования во второй главе выявлено, что наибольшее проявление губной гармонии гласных наличествует в киргизском и якутском языках. В осуществлении данного закона помимо отличительных особенностей имеются и сходные черты. Необходимо отметить, что сходные черты губной гармонии наблюдаются между тюркскими языками не только одной группы, но и различных групп. Подобное рассматривается и при осуществлении закона гармонии согласных. Так, например, сходство в наличии в аффиксах лишь узких губных гласных отмечается в языках как огузской, так и кыпчакской, карлукской, уйгуро-огузской групп. Все это, по-нашему мнению, в очередной раз, подтверждает наличие единого праязыка у тюркских языков.

А теперь рассмотрим таблицу, составленную для более наглядного представления проведения закона гармонии согласных в современных тюркских языках (таблица 2.2.2).

Как отмечает Л.Р.Зиндер, "... Ни один научно-исследовательский метод не обходится без применения технических приемов и процедур" [86, с. 23].

К таковым, как известно, относятся изготовление диаграмм, таблиц и карт и т.д.

Таблица 2.2.2

Закон гармонии согласных в современных тюркских литературных языках

Язык	Начальные согласные аффриксы образованы сочетанием согласных основы по гармоничности лишь в некоторых аффриксах и в большинстве случаев аффриксы образуют со звонких начальных согласных	Сочетания (п, п', п'') сочетаются с глухими и со звонкими согласными	Распространяются лишь на аффриксы начальных согласных (р, р')	После звонких согласных основы образуют глухие согласные аффриксы в после звонких согласных - во всех	После звонких согласных основы образуют з, ж, ш, в (з), в (ш) начальная (б) аффрикса переходит в (з)	Аффриксы (дж) переходят в (д) - после глухих согласных и (б) - после (п, п', п'') з, ж, ш, в (з) - после (г, г', г'') в (г)	Сочетания (ш, ш') в аффриксах	Проявление изоляционного	Оглушение звонких согласных после глухих согласных (б-г, в-ж, б-ж)	Соответствие 1 - п - 1	При аффриксах наблюдается исключение для по гласности
Чувашский	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Туркменский	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	10
Гагаузский	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00
Азербайджанский	11	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Турецкий	00	11	00	11	00	00	00	00	00	00	00
Картвельский	00	11	00	11	00	00	00	00	00	00	00
Кузнецкий	00	11	00	10	00	00	00	00	00	00	00
Каракалпакский	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Крымско-татарский	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00
Татарский	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00
Башкирский	00	00	00	00	11	11	00	00	00	00	00
Ногайский	00	00	00	00	00	00	00	00	11	00	00
Каракалпакский	00	00	00	00	00	00	11	00	00	00	00
Калмыцкий	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00
Узбекский	00	00	00	00	00	00	00	11	00	00	00
Новоузбекский	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00
Тувинский	00	00	00	00	00	00	00	00	00	11	00
Якутский	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00
Хакаский	00	00	00	11	00	00	11	00	00	11	00
Киргизский	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	11
Алтайский	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00

Примечание:

1. Знаком 11 - отмечено наличие данного явления;
2. Знаком 00 - отмечено отсутствие данного явления;
3. Знаком 10 - отмечено наличие данного явления лишь в разговорном языке

Как видно, закон гармонии согласных в полной мере проявляется в тувинском, каракалпакском, хакасском и киргизском языках. Так, для наглядности приведем графы наиболее употребительных аффиксов в данных языках, которые имеют варианты с глухим, звонким и сонорным согласным:

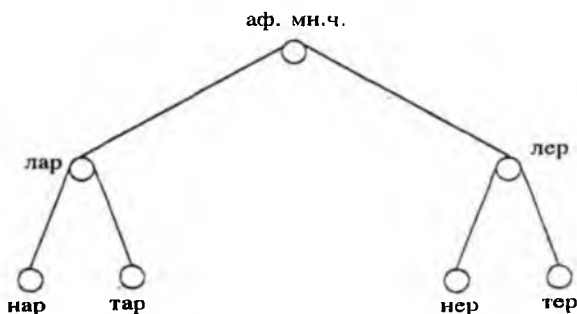

Рис. 2.2.1 Аффиксы множественного числа в тувинском языке.

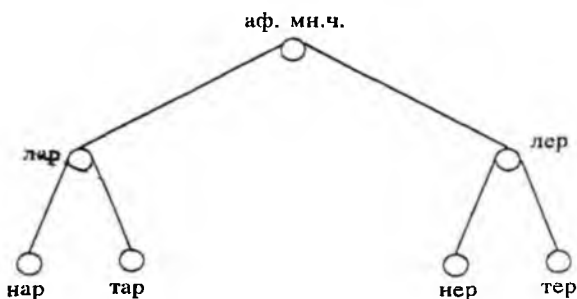

Рис. 2.2.2 Аффиксы множественного числа в хакасском языке.

Рис. 2.2.3 Аффикс родительного падежа в каракалпакском языке

Тогда как в азербайджанском и турецком языках данных вариантов аффикса не имеется. Сравним:

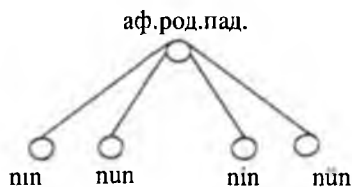

Рис.2.2.4 Аффикс родительного падежа в азербайджанском языке

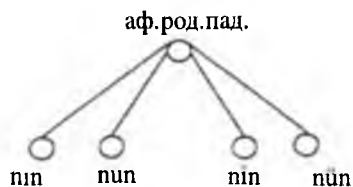

Рис.2.2.5 Аффикс родительного падежа в турецком языке

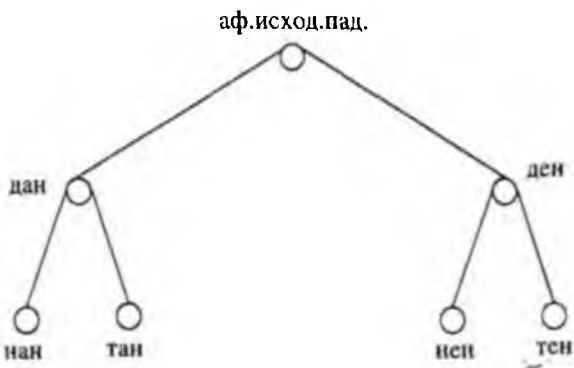

Рис. 2.2.6 Аффикс исходного падежа в хакасском языке

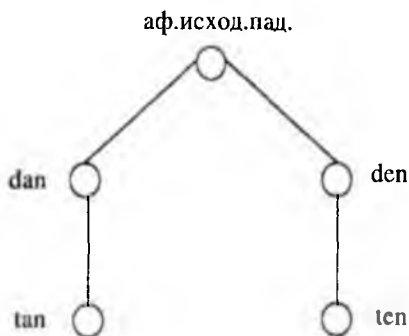

Рис. 2.2.7 Аффикс исходного падежа в турецком языке

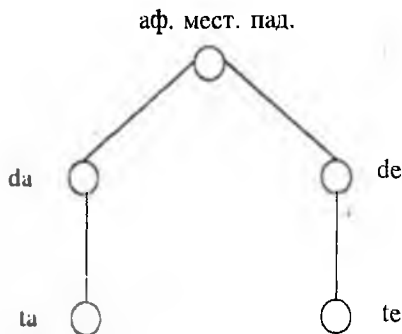

Рис. 2.2.8 Аффиксы местного падежа в крымско-татарском языке

Хотя в азербайджанском, карачаево-балкарском, туркменском, кумыкском языках не имеются глухие варианты аффикса местного падежа. Сравним:

Рис. 2.2.9 Аффиксы местного падежа в азербайджанском языке

Рис. 2.2.10 Аффиксы местного падежа в карачаево-балкарском языке

Рис. 2.2.11 Аффикс местного падежа в туркменском языке

Рис. 2.2.12 Аффикс местного падежа в кумыкском языке

ГЛАВА 3. ОПИСАНИЕ СЛУЧАЕВ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА ГАРМОНИИ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ, ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

3.1. Нарушение закона гармонии в письменных памятниках

Как известно, закон гармонии в тюркских языках является фундаментальным структурно-типологическим явлением, который составляет специфику данных языков. Но, несмотря на то, что закон гармонии сохранился в той или иной степени во всех тюркских языках и по сравнению с постоянством палатального сингармонизма, лабиальный сингармонизм проявляется в данных языках по-разному, и имеет некоторые особенности своего проявления. Закон гармонии наблюдается, как уже было сказано выше, также в памятниках древнетюркской письменности, хотя в них имеются случаи нарушения данного закона.

Кстати, Н.И.Ашмариным приводятся следующие причины нарушения гармонии гласных, такие как: “Отступления от этого порядка объясняются или тем, что то или другое слово представляет собою заимствование из языка с иным звуковым строем, или позднейшими внутренними изменениями, отчасти, может быть, происшедшими в изучаемых нами говорах под воздействием других языков, или же незаконченностью гармонизации” [25, с. 58].

Наиболее распространенной точкой зрения по поводу нарушения палатальной гармонии является связь нарушения с внешними факторами.

По этому поводу примечательно высказывание Е.Д.Поливанова: “Очевидно, что сингармонизм - это настолько ти-

пичная черта турецких языков, настолько глубоко вросшая в них и сросшаяся с их морфологией, словарем и т.д., что лишиться сингармонизма турецкий язык мог только при исключительных условиях под сильным давлением чужих - нетурецких - и не знающих сингармонизма языковых навыков" [139, с. 17].

Е.Д.Поливанов отмечает, что Н.К.Дмитриев, указывая на случаи нарушения палатальной гармонии в кумыкских диалектах, причину нарушения видит также во внешнем факторе [139, с. 5-6].

Мы не согласны с высказываниями Е.Д.Поливанова и Н.К.Дмитриева, так как считаем, что нарушение сингармонизма в тюркских языках происходит не только под воздействием внешних, но и внутренних факторов, в силу того, что данное нарушение наблюдается как в заимствованных, так и в исконно тюркских словах.

В тюркологии существует еще одна причина нарушения сингармонизма в фонетической системе тюркских языков, которая проявляется в наличии или отсутствии контрастирующих пар гласных по ряду [147, с. 117].

В.В.Решетов в своей книге "Узбекский язык" подробно показал взаимозависимость процессов десингармонизации узбекских говоров и конвергенции, то есть качественного совпадения контрастирующих гласных тюркского вокализма. Так, В.В.Решетов отмечает, что три фонемы и, у, ў литературного узбекского языка выступают в данный момент заместителями шести фонем в тюркском вокализме (и-ы, ү-у, ө-о), которые наличествуют в качестве самостоятельных фонем в джекающих и сингармонических йекающих говорах [147, с. 117].

Аналогично ставится вопрос и относительно ослабления палатальной гармонии А.Т.Кайдаровым.

Нарушение гармонии гласных в уйгурском языке, объясняется А.Т.Кайдаровым наличием индифферентных (и, е), не имеющих сингармонических пар, фонем, которые будучи нейтральными допускают сочетания гласных (и согласных) разных рядов, образуют индифферентные варианты грамматических форм (ср. -ні, -нін, -дін, - ісі, и т.д.).

А.Т.Кайдаров эту причину не считает единственной в своем роде причиной нарушения гармонии гласных, а также указывает на иноязычные влияния, в особенности, влияния несингармонических языков, с которыми уйгурский язык контактировал длительное время [92, с. 163].

Неустойчивость фонемы “а”, ее потенциальная склонность к разного рода фонетическим трансформациям (ср. а-ы, а-о, тенденцию к опереднению, явление умлаута) является своего рода внутренним фактором, расшатывающим палатальную гармонию [62, с. 46].

Процесс опереднения гласного а, подготовил условия для фонетического процесса под термином “умлаута”, источником которого является уйгурский язык. Так, неустойчивость “а” в системе, его тенденция к изменениям в “е”, “о”, “ы” способствовали разрушению противопоставленности гласных по ряду.

Как отмечает А.М.Щербак, в узбекском языке параллельное деление гласных на твердоядные и мягкорядные отсутствует. Позднее возникновение этой системы не подлежит дискуссии, так как наиболее существенное для тюркских языков и несомненно общетюркское явление - гармонии гласных - оказывается разрушенным [195, с. 35].

Примечательно также замечание А.Т.Кайдарова, что регрессивная гармония небных гласных, особенно развитая в илийском языковом коллективе, является следствием проявления в уйгурском языке индифферентного гласного [92,

с. 240].

Н.З. Гаджиева отмечает, что: “Уместно и высказывание Е.Д.Поливанова о том, что регрессивная гармония гласных, по терминологии Г.Ярринга, - “i - Umlaut”, как например, в atі-etі, была бы невозможна, “если бы в языке сохранилось “ы” (ибо умлаут этот понятен только как результат переднего гласного i, заменившего собой старый задний гласный “ы”- типа)” [62, с. 39].

Так, все вышесказанное приводит к ослаблению противопоставления гласных фонем по ряду, а это, в свою очередь, к возникновению десингармонизованных рядов.

Э.Азизов по поводу нарушения гармонии гласных в азербайджанском языке подчеркивает следующее: “Гармония гласных в современном азербайджанском литературном языке имеет целый ряд исключений в корнях слов. Некоторые авторы, исходя из этих исключений (например: илан, ишыг, инанмаг, илыг, дѣјирман и др.), указывают на ослабление гармонии гласных в азербайджанском языке... Слова, отступающие от сингармонизма в литературном языке, нередко продолжают сохранять сингармонические формы в диалектах и говорах: напр.: ылан//илѣн, ышых, дѣјирмѣн, ынам, ынанмах, ылых, ылдырым//јылдырым//јулдурум//јилдирим//илдирим, јылхы//јилхи//илхи, тыкан//тикѣн, ышылдамаг, ишытты, ысламмах и др.”. Далее отмечает: “Вообще, анлаутный гласный в словах типа илыг, ишыг, илан и т.п. хотя и относится с точки зрения современного азербайджанского литературного языка к фонеме “и”, исторически этот гласный должен считаться вариантом фонемы “ы” [6, с. 11-12].

Мы также примыкаем к данной точке зрения, согласно которой гласный “и” исторически должен считаться вариантом фонемы “ы”.

Относительно нарушения закона гармонии Б.Х.Тодаева высказывает следующее: "Гармония гласных и согласных не так строго соблюдается не только в монгольских, но и в некоторых тюркских и в тунгусо-маньчжурских языках" [176, с. 17].

По этому поводу отмечал еще В.Котвич: "Утрата некоторых гласных или ограничение их употребления пробили брешь в первоначальной регулярной системе восьми гласных, и благодаря этому, например *i* (в языках монгольских и нескольких тюркских) или "и" (в тунгусо-маньчжурских языках), не имеющие соответствующих параллелей, освободились от гнета закона гармонии гласных и стали нейтральными.

В результате всего этого алтайские корни теперь можно только с оговорками назвать неизменяемыми, а соблюдение закона гармонии гласных и согласных в суффиксах - абсолютно строгим" [107, с. 33].

По поводу нарушения сингармонизма Н.З.Гаджиева отмечает, что: "...наряду с внешними действовали внутренние факторы; способствующие разрушению сингармонизма" [62, с. 46].

Да, действительно, нельзя сказать, что в большей степени повлияло на нарушение сингармонизма, внешние, либо внутренние факторы, так как: "Внешний и внутренний факторы в историческом развитии языка взаимодействуют" [106, с. 83]; и "Проблема экстралингвистического фактора в развитии системы языка остается в центре внимания лингвистики [186, с. 45].

Однако, несмотря на их взаимодействие, мы полагаем, что без внутреннего толчка внешние факторы не смогли бы вызвать в некоторых языках столь значительное нарушение сингармонизма.

Рассмотрим случаи нарушения гармонии гласных в письменных памятниках. К примеру, в азербайджанском героическом эпосе “Книге моего деда Коркуда” наблюдаются случаи нарушения закона гармонии: “... Кәли-кәли јурдын җәринә кәлди. кәрди ким, учарда гузгун, тазы толашмыш, јуртда галмыш...” [226, с. 44]. (использование јурдын вместо јурдунун, кәрди вместо кирдү); “... Нә “дедикими јетүрүн, кејүнимлән мәним шаһбаз атымы кәтүрүн! Ёеј, мәним севән јикидләр бинсүнләр!...” - деди. Базыркан дәхи, өкләринә дүшди, гулағыз олды” [225, с. 53], (использование јетүрүн вместо јетирин, кејүнимлән вместо кејинимлән, кәтүрүн вместо кәтирин, бинсүнләр вместо бинсинләр, дүшди вместо дүшдү, олды вместо олдү).

“... Оғуз зәманында бир јикид ки евләнсә ох атарды. Охы јердә дүшсә, анда кәрдәк дикәрди. Бејрәк хан дәхи охын атды, дибинә кәрдәкин дикди. Адағлусындан әркәнлик бир гырмызы гафтан кәлди...” [225, с. 57].

Оғуз заманында евләнән һәр икид ох атарды. Оху дүшән јердә дә кәлин отағы гуарды. Бејрәк хан да охуну атды, оху санчылан јердә отағыны гурдурду. Адахлысындан бир бәјлик гырмызы гафтан кәлди [225, с. 155].

В первом примере наблюдается нарушение лабиального сингармонизма, то есть использование нелабиализованного “ы” вместо лабиализованного “у”, а также “и” вместо “ү”. Во втором примере также наблюдается нарушение лабиального сингармонизма, то есть здесь использовались негубной узкий “и” вместо “ү”, нелабиализованный “ы” вместо “у”.

В третьем примере наблюдается нарушение как небной, так и губной гармонии гласных, т.е. отмечены переходы а>ә, у>ы.

Случаи нарушения закона гармонии гласных наблюдаются также в языке орхоно-енисейских памятников.

Так, в памятниках в честь Кюль-Тегина, Билге-Кагана, Тоньюкука, Кюли-Чора, Моюн-Чора, Уюк-Турана, Онгинском памятнике и т.д. встречаются переходы $u > i$, $\ddot{u} > i$, в результате чего нарушается губная гармония гласных.

В данных памятниках наблюдаются такого рода слова, как болмыс - вместо болмус - было, кучин - вместо кучүн - сила [219, с. 53], 1) бунсыз - вместо бунсуз - безгранично, обильно, много; 2) бунсыз - без печали [7, с. 23; 45, с. 84]; олуртым - вместо олуртум - взашел на престол, оғлын - вместо оғлун - твой сын, көрти - вместо көртү - увидел [219, с. 71, 73]; оғушым - мое племя, род, происхождение - вместо оғушум [219, с. 92]; түсди - вместо түсдү - влился [219, с. 118]; тутды - вместо тутду - держать [219, с. 129]; сүнүсдим - вместо сүнүсдүм - сражался [219, с. 146]; кунчујым - вместо кунчујум - моя ханум [219, с. 220]; јонтым - вместо јонтум - мой табун [219, с. 221]; сүсиз - вместо сүсүз - без войск [46, с. 21; 219, с. 341]; кулы - вместо кулу - его раб [80, с. 21]; катуны - вместо катуну - его жена [46, с. 10].

Как отмечает И.А.Батманов, отражение закона лабиального притяжения не было типично для таласских памятников, где в большинстве случаев наблюдается во втором слоге негубной гласный: оглы - его сын и т.д. [46, с. 33].

Рассмотрев случаи нарушения губной гармонии гласных в языке письменных памятников, выявляются соответствие $i > i$, $\ddot{u} > i$, $i > \ddot{u}$, а это, по-нашему мнению, означает, что нарушение, в большинстве случаев, происходит относительно узких гласных.

А теперь рассмотрим таблицу нарушений губной гармонии в языке письменных памятников (таблица 3.1.1).

Таблица 3.1.1

Случаи нарушения губной гармонии гласных в языке письменных памятников

Тюркские письменные памятники	Соответствия u > i; ū > i	Соответствия i > ū	Губные гласные o, ö встречаются лишь в первом слоге слова
"Книга моего Деда-Коркута"	11	11	11
Онгинский памятник	11	00	11
Памятник в честь Кюль-Тигина	11	00	11
Памятник в честь Бильге-кагана	11	00	11
Памятник в честь Тоньюкука	11	00	11
Памятник в честь Кюли-Чора	11	00	11
Памятник Моюн-Чора	11	00	11
Памятник Уюк-Турана	11	00	11
Таласский памятник	11	00	11

Примечание:

1. Знаком 11 отмечено наличие данного явления;
2. Знаком 00 отмечено отсутствие данного явления.

3.2. Нарушение закона гармонии в диалектах и говорах современных тюркских языков

Случаи нарушения закона гармонии наблюдаются также в диалектах и говорах тюркских языков.

Нарушение небной гармонии присуще, главным образом, для восточной и северной групп диалектов, реже оно наблюдается в южной группе диалектов азербайджанского языка [193, с. 25; 222, с.58]. К примеру, в бакинском диалекте встречается произношение в основах слов: guzi вмес-

то guzu - ягненок, goşi<gonşu - сосед; в словообразовательных аффиксах čajči<čajçu - чаевод, dadđi<dadly - вкусный (в данном слове кроме нарушения палатального сингармонизма, наблюдается прогрессивная ассимиляция согласных).

Так, согласно М.Ш. Ширалиеву, в бакинском диалекте нарушение закона гармонии наблюдается также в основах слов; например: бəғирсағ, јејлағ, гејмағ, гејтан, даји, аји, Баки и т.д.; в прилагательных, образованных при помощи аффиксов ы, и, у, ү; сумағи, армуди, нарынчи, дарчыни, бадымчани, хурмеји, сүрмеји, и т.д.; в производных прилагательных: дағли, бағдаки; в повелительном наклонении (1, 2 л. ед.мн.числа); голим, голакинən, голијек, голијуз, голијун, алмијим, алмакинən, алмијек, алмијун, и т.д.; в давнопрошедшем, незавершенном прошедшем и согласательном прошедшем (3 л. ед. ч. и 1 л. мн.ч.) - алмышди, алырди, аларди, алмышдик, алырдик (к), алардик (к) и т.д.; во всех лицах прошедшего-будущего времени: алачекдим, алачекдүн, алачекди, алачекдик (к), алачекдүз, алачекди (ләр) и т.д.; во 2, 3 л. ед. и мн. чисел (утверждение и отрицание) обязательного наклонения: башдијәм, башдијәсән, башдијә, башдијек, башдијәсүз, башдијәләр, алмејәм//алмијәм, алмејәсән, алмејә//алмијә, алмејек, алмејәсүз, алмејә (ләр) и т.д.; во всех лицах обязательного наклонения прошедшего времени: алејдим, алејдүн, алејди, алејдүк, алејдик, алејдүз, алејди (ләр) и т.д.; в отглагольных существительных: јазы/-/јази, горхи, чалғы//чалғи и т.д.; в причастиях: охумалы//охумали, охијән, баннијән, атычи и т.д. [221, с. 37, 38].

В бакинском диалекте в конце слов, образованных из двух или более слогов с губными гласными не используются узкие губные гласные у, ү; например: куды//куди, Нуры//

Нури, кўзи, гуји, очи, гути, оли, одын, бурын, јўзлик, кёрдим, көзим и т.д. [221, с. 36].

В нухинском диалекте азербайджанского языка в большинстве случаев наблюдается нарушение закона гармонии.

Кроме того, данное нарушение проявляется, в большей степени, в аффиксах, которые при присоединении к слову не подчиняются закону гармонии.

Нарушение закона гармонии гласных относительно негубных и губных гласных проявляются в двух видах: 1) после мягких гласных следуют твердые гласные; 2) после твердых следуют мягкие гласные. Первый тип нарушения более свойственен нухинскому диалекту, но в обоих случаях при нарушении закона гармонии доминирует веляризация. В большинстве деревень Нухи к словам и с мягкими, и с твердыми гласными присоединяются, в основном, аффиксы с твердыми гласными [212, с. 32].

Первый тип нарушения закона гармонии гласных М.Исламов сгруппировал в следующем порядке: а) после мягких негубных гласных следуют твердые негубные гласные: например, чирах, эвам, мејва, пенчах, сејсан, сәлига, и т.д; 2) в словообразовательных аффиксах: јејлах, чејлах, мишәтдых, бичинчилах, тәмиздых, и т.д; 3) в родительном падеже существительного: чәнкәлын, әһмәдын, и т.д; 4) местоимение сән и сиз в родительном падеже: сәнын, сизын, и т.д; 5) в аффиксах принадлежности 2 л. ед. и мн. чисел: чәмбәран, дәдан, дәдәз, елын, елбиз, и т.д; б) После мягких негубных гласных следуют твердые губные гласные; наблюдается почти в аналогичных случаях, что и в предыдущих: бизов, илхун, кәнччијух, кесмишух, китдун, јијирух, кәләчух, кезәрух, вердух и т.д; в) После мягких губных гласных следуют твердые губные гласные; сијух, күмчүлүх, түсдүнүн,

үтун, көмүрчүсуз, и т.д; г) После мягких губных гласных следуют твердые негубные гласные: үшах, көзүа, өзә, күрү-
јах, көрүфсан и т.д. [212, с. 32-36].

Второй тип нарушения закона гармонии гласных М.Исламов сгруппировал в следующем порядке: а) После твердых негубных гласных следуют мягкие негубные гласные: наблюдается почти в аналогичных случаях, что и первый тип: һачәр, нахырчи, ағашдәр, архијә, башин, ачим, алмишәм и т.д; б) после твердых губных гласных следуют мягкие губные гласные: гојүн, гочүн, бојнүн, охујум, вурушмүшәм, гојүрәм, отуржүхдү, гојүф и т.д; в) после твердых губных гласных следуют мягкие негубные гласные: гонши, горухчи, охијифди, охйрәм, охйрдим, гурмијәм, отурсејдим, гөрмијим, унимчи и т.д. [212, с. 36-39].

В диалектах и говорах, входящих в нахичеванскую группу азербайджанского языка закон гармонии гласных проявляется в различной степени. Так, несмотря на то, что норашенский говор нахичеванской группы больше всех других говоров сохраняет закон гармонии, но и в этом говоре наблюдается иногда нарушение закона гармонии: это, в основном, относится к аффиксам принадлежности 2 л. ед. ч.; например: јерыы, јерә, әлыы, әлә и т.д.

В нахичеванском диалекте и шахбузском говоре некоторые аффиксы не подчиняются закону гармонии гласных, и после слов с мягкими и твердыми гласными аффиксы следуют лишь с твердоядными гласными: это касается аффиксов принадлежности 2 л. ед. и мн. ч. и сказуемости 2 л. мн. ч.: например: ерыы, јерыа, јеруыз, јерыз, истәдыыз, истәдыыз и т.д. В деревнях Нехрем, Нурс и Кюкю аффиксы сказуемости 1 л. мн. ч. не подчиняются гармонии слова и бывают всегда с твердыми гласными; например: дедых, деми-

ших, үзэлдырых, дијечөјых, дијөрых, итилдөрых, ишдидах, ишдөмијах, ишдөмиших и т.д. [201, с. 30-31].

В деревнях Мезре и Кюкю аффиксы сказуемости, идущие лишь после аффиксов категорического будущего времени также не подчиняется гармонии слова. Кроме того, аффикс категорического будущего времени также не подчиняется гармонии слова: ишдијөчијых, кәләчијых, сахлыјечеәм, савлыјечех, савламечех и т.д. [201, с. 30-31].

В ордубадском диалекте и в джультинском говоре некоторые слова, словообразовательные аффиксы, аффиксы принадлежности 2 л. и аффиксы сказуемости 1 и 2 л. мн. ч., категорическое будущее время, инфинитив и некоторые аффиксы деепричастия не подчиняются гармонии слова и всегда бывают с твердыми гласными; например: әнчах, кәтчилых, јерыы, кедях, кетмисыыз, кедачах. кезмах, једыхда и т.д.

Иногда встречаются обратные случаи, т.е. определенные аффиксы (некоторые словообразовательные аффиксы, аффиксы винительного падежа имени существительного и порядковых числительных) несмотря на мягкость и твердость гласных слов, всегда бывают с мягкими гласными; например: азарри, ағачи, алтымчи и т.д. [201, с. 32].

В диалектах и говорах нахичеванской группы небная гармония гласных по сравнению с губной гармонией более развита. Но, несмотря на это, наблюдаются случаи нарушения небной гармонии гласных: например: Нахчуван, сарымтур, чөкүч, тәмиззијрүк и т.д. [201, с. 34].

Случаи нарушения закона губной гармонии гласных встречаются, в большинстве случаев, в Ордубадском, Нахичеванском диалектах и джультинском говоре; данное явление относится как к основам слов, так и к аффиксам; нап-

пример: охлав, төкирих, пулсыз, тојых, көсөв, гујы, јүзи, јүн-күлди и т.д. [201, с. 35].

В Кубинском диалекте небная и губная гармонии по сравнению с другими диалектами восточной группы, в особенности, с бакинским диалектом часто нарушаются.

Так, относительно небной гармонии гласных в кубинском диалекте, то в слове после негубных твердых гласных могут следовать негубные мягкие, а также губные твердые гласные; например: тарази, алти, дашди, буғдијә, сачи, гунағи, алтымчи, јазди и т.д. [220, с. 48-50].

Характерной особенностью кубинского диалекта является то, что в этом диалекте встречаются случаи использования в слове после негубных мягких гласных негубных твердых гласных, тогда как в большинстве диалектов и говоров восточной группы данное явление веляризации не наблюдается; например: гејмағ, кидмағ, вәрағ, кәләчағам, и т.д. В данном диалекте наблюдается также следование губные твердых гласных после негубных мягких гласных.

Эта особенность кубинского диалекта отличает его от других диалектов и говоров не только восточной группы, но и других групп диалектов азербайджанского языка. Приведем несколько примеров: бәдб, кәччијуғ, кәлдуг, билмишдуг, и т.д. Приведем несколько примеров на случаи следования губных мягких гласных после негубных мягких гласных: чәкүч, инекүн, тексүз, дијүн, кәлдүз и т.д. [220, с. 51].

В кубинском диалекте встречаются также случаи нарушения губной гармонии гласных; например: гузы (и), гујы (и), гурым, вурмышам, гōши, ōчи, тōзи, унумчи, гузуси и т.д. [220, с. 53-54].

В говорах муганской группы азербайджанского языка

закон гармонии проводится относительно последовательно, но несмотря на это, встречаются случаи нарушения данного закона.

Приведем несколько примеров нарушения небной гармонии гласных в говорах муганской группы: атычи, ағачи, адами, анаси, бачыси, јазди, гутарди, јығмышди, лазымди, бахчанун, башун, башдыјун, алдуғ и т.д. [200, с. 67-70].

Приведем несколько примеров нарушений губной гармонии гласных в говорах муганской группы: торын, гумлығ, дурсын, охудым, гојыр, они, отузымчи, көзин, өзи, үзи, үчүмчи, күлди, и т.д. [200, с. 70-72].

Несмотря на то, что закон гармонии гласных в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка строго соблюдается, но и в данной группе наблюдаются случаи нарушения закона гармонии гласных; например, после заднерядных негубных гласных (а, ы) следуют переднерядные негубные гласные: алејдим, доланер, сахлем, дарвазеји, атерам, саралер, јашејиш, бағлијир, гапији, атен, данеји, чыхмер, јығер [199, с. 25], башдем < башлајым, пајлерых < пајлајырыг, атејых < атајыг; ханејы < хананы, данејы < дананы, харавејы < арабаны и т.д. [74, с. 6], а также наблюдается следование заднерядных негубных или губных гласных после переднерядных губных гласных; например: дөјға, төјух, сөјүх, чөјгун, и т.д. [199, с. 25].

Как мы видим, в данной группе диалектов азербайджанского языка наблюдается нарушение небной гармонии как в сторону опереднения, так и отвердения: а>е, ы>е, о>ө и т.д.

Нарушения наблюдаются также в следующих случаях: в аффиксе дательного падежа *garija* < *garuja* - двери (встречается в бакинском, шемахинском диалектах и муганском

говоре); в аффиксе винительного падежа: *bobanı* < *babanı* - дедушку (бакинский диалект), *almanı* < *almanı* - яблоко (бакинский, кубинский диалекты); в аффиксах местного и исходного падежей: *ağa ǵdā* < *ağa ǵda* - на дереве, *ağa ǵdān* < *ağa ǵdan* - из (с) дерева (закатало-кахский говор); в аффиксах принадлежности: *atası* < *atasy* - его отец (бак., куб.), *başı* < *başu* - его голова (бак. куб.); в лично-предикативных аффиксах: *burdeg//burdik* < *burdajyg* - мы здесь (бак., шем., куб. д., муг. говор); *otaǵdejdım* < *otaǵdajdım* - я был в комнате (бак., шем.д., муг. говоры, куб., кар., шек. д.); в аффиксе порядковых числительных: *altıǵı* > *altım ǵu* - шестой (бак., шем., муг.), *otuzım ǵı* < *otuzum ǵu* - тридцатый (бак., шем., муг.) [193, с. 25-28].

В говоре джалилабадского района азербайджанского языка имеются нарушения сингармонизма: гапи, гојун, башдә, гуји, каманчә, ахшәм, дуззи; гузы, голузу, гуры, гујы, дурдым, чумыб, тутым [4, с. 9].

В керкукском диалекте азербайджанского языка также имеют место случаи нарушения закона гармонии гласных; например: атсунлар, бабауз, чабалыјуп; бејрам, әјран, лобјә; бујныз, бурын, гузы [136, с. 14, 15, 17].

Случаи нарушения закона гармонии наблюдаются также в диалектах турецкого языка, к которым относятся юго-западный, среднеанатолийский, восточный, северо-восточный или черноморский, румелийский, юго-восточный, кастамонийский диалекты. Приведем несколько примеров: ...*biz dā yaz zamanı yusāk māmīlākātīlārdā oturuduq* (юго-западный диалект) [58, с. 45]; ...*bu kızlar büyüdilər heş taşraya çıkmadılar*; ... *baba da: "qozel eqilārim var, kimā alacaksın?" dedi*; *evela büyük kız bir tane halı dokudu, sora o bir kız halı dokudu*; ... *sonra en küçük kız bir halı doxudu, ama kayet hoş*

oldu; ...iqisi baba dedi: “şimdi banım biraz işim mar; (среднеанатолийский диалект) [58, с. 49]; koydan şehera qeliy-erken bir arxadaşma ras qaldum; ... oni qaturdur, sattum, hesabuni aldum, gettum taxil aldum... atima yukladum;... zamanun birunda koya getdum ...; (восточный диалект) [58, с. 61]; ... padişahın pirinin pir oqli pir kızı var idi;... padişahdan korktuğu için meydana veremezdi; (северо-восточный диалект) [58, с. 71]; ... bir seneye basiyo ki, başlayalı (румелийский диалект) [58, с. 74]; ...zeman zeman içinde, xalbır saman içinde, deve dellallık ediyken, eşsek hamballık ediyken, sıçan xabbaba binmiş şıxır mıxır berberlik ediyken, bi varmış bi yokmuş, allahın qulu çokmuş; (юго-восточный диалект) [58, с. 75]; ... vaxtila koyün birinde bi reçber a varmış. ...hele şunu çağırdım de benim semir kurkumu, başımda tuğmu, heybetli vezir oldumu bubama gosterin de kendi lâfiyнен kendini utandurim demiş (кастамонийский диалект) [58, с. 87-88].

В данных диалектах вместо yüksek использовалось yusāk, büyüdüler > büyüdilär, güzel > gozel, büyük > boyük, küçük > kuçük, benim > banım, köyden > koydan, şehere > şehera, geldim > galdum, onu > oni, getirdim > gaturdur, sattım > sattum, hesabını > hesabuni, aldım > aldum, gittim > gettum, tahıl > taxil, oğlu > ogli, kızı > kızı, için > içun, basıyor > basiyo, zaman > zeman, köyün > koyün, çağırdım > çağırdım, babama > bubama, gösterin > gosterin, lâfiynan > lâfiyнен, utandırım > utandurim.

Для наглядности приведем несколько отрывков из текстов, песен, стихов в некоторых говорах илей Турции, где зарегистрированы многочисленные случаи нарушения гармонии гласных.

В говорах карсского иля имеются нарушения гармонии гласных в аффиксах настоящего времени по твердояднос-

ти, мягкорядности: например: *gonuşırsın, gätirim, tanımir, bahamirim, durırñ, alıllar, vurırñ, sormirim, bağlillar, gopir, oynıyır* и т.д. (Карский и Ардаханско-Пософский говоры) [243, с. 68-69].

В нижеследующих, подчеркнутых нами словах наблюдаются нарушения закона гармонии.

Отрывок из “*Gelin türküsü*”

Gurban olıvım başındaki valıya

Nası gıymış yollamışlar tarlıya

Yolçuyu yolundan eyler bu gelin [230, с. 119].

В говорах Сивасского и Токатского илей наблюдаются нарушения гармонии гласных: отрывок из текста (Сивасский иль).

Отрывок из песни (Сивасский иль).

... Zabahile doğar ülker terazi

Çoh ettiler nazlı yare garezi

Allahdan gelene gonün razı

Guldan gelen gadaları alırım... [232, с. 27].

Отрывок из текста (Токатский иль).

... Sora gızın varmıyacam anayışın (anlayınca) gız varmaduhdan sona, nası verək deyolar... [232, с. 173].

Примеры слов с нарушениями гармонии гласных: *ager - eğer, şayet* (Сив.); *adem - adam, insan* (Ток., Сив.); *bönki - bugünkü* (Сив.); *gamçı - kamçı* (Сив.); *yolcı - yolcu* (Сив.) [232, с. 217, 222, 241, 270].

Примеры нарушений гармонии гласных в Ордунском, Гиресунском, Трабзонском, Ризенском говорах:

Ордунский говор:

... U gadunun gocası parasız galdı, gazanmıya getdi, u gadun hamileydi; gocası gideli yirmi beş sene oldu [233, с. 7].

Гиресунский говор: Fakir yatacaı zaman terki hebesini başının altına guymus, hebenin gözleri altun ile hinça hinc dolivmiş [233, с. 91].

Трабзонский говор:
Отрывок из “Köy türküleri”:

... Gülgan yaprag aşmadan
Altı serin olurmi
Ince belli kızlardan
Acap celin olurmi [233, с. 147].

... Derenin kivisinda
Vurdum sari yilani
Ne opdum ne ısırdım
Necun dedun yalani
[233, с. 152].

Ризенский говор:
Отрывок из “Kız türküleri”:

... Kayık ceğer validan
Ucuzdan pahalidan
Ne iştersun sevdiğum
Ben çibi zavallidan...
[233, с. 279].

Примеры из Ванского, Битлисского, Мушского, Каракесинского, Эскишехирского, Болунского и Зонгулдакского говоров:

Примеры из Ванского говора:

Отрывок из песни:

... Bugün ayın ücidir
Yanahlarm gül şeker
Bugün ayın ortası
Allah muradın versin...
[234, с. 46].

Примеры из Битлисского говора:

Отрывок из песни:

... Yaz olanda bu
yavlayı gezmeli
Galem alıp gözelleri vaz-
mali
Topbugi harahalli burni
hızmalı

Çekmiş gider yaylasına
Bingölün... [234, с. 57].

Примеры из Мушского
говора:

Отрывок из стихотворе-
ния

“Bülbül”:

... Bülbülün ganadi sari

İtirmişem nazlı yarı

Bülbül havada ucande

Nazlı yar bade içinde...

[234, с. 81].

Болунский говор:

Отрывок из текста:

... Benim dedem yüz on yaşında evleniya. On iki yaşında
bi kız alıya, çerpmi köyünden, orda hocaymış... [234, с. 169].

Зонгулдакский говор:

Отрывок из “Eregli türküleri”:

Dere boyu gidelim

Seynen bizi gormüsle

Derelerde kesdane

Dünyaı gozel basmış... [234, с.191].

В говорах Анатолийского диалекта также наблюдаются
случаи нарушения гармонии гласных:

Кастамонийский говор:

Отрывок из стихотворе-
ния:

Heyvada narım galdı

Mepüsde yarım galdı

Mepüsdeki yarımın

Eli koynunda galdı [231,
с. 56].

Чанкыринский говор:

Отрывок из “Gelin
Türküsü”:

Get volcüm yolunca

Gaytan bişdireyim boyun-
ca

Beş gardaşım var duyunca

Öldürürler volcū seni
[231, с. 107].

В Диярбакырском говоре встречаются нарушения в мас-
дарах с тек: *düşmah, içmah, geçmah, gelmah* [229, с. 32].

Отрывок из песни:	... <u>Çarşı başında durdım</u>
... Ay aydmır <u>burası</u>	Liverimi <u>doldırdım</u>
Yarımın <u>kundırası</u>	Diyarbakır içinde
Mendil getir gül <u>götür</u>	Bir güzele <u>urıldım</u> [229, с.
Helvettir bağ <u>arası</u> ... [229, с. 73].	71].

В Газиантепском говоре наблюдаются следующие нару-
шения гармонии гласных: *berekât - bereket* (лит.), *kılar - kiler* (лит.), *düman - duman* (лит.), *zeman - zaman* (лит.)
[227, с. 94].

В Ризенском говоре также встречаются случаи наруше-
ния гармонии гласных:

Отрывок из песни:	... Alçak <u>ceviz dalları</u>
... <u>Asti yeşil</u> çimenler	Salla yavrum <u>kolları</u>
Eyle Eminem eyle	Nerden geleyim nerden
Ben alacağım seni	Baban kesti <u>yolları</u> ...[247.
Annene <u>oyle soyle</u> ...	с. 232].
[247, с. 215].	

В Айдынском говоре наблюдаются следующие наруше-
ния гармонии гласных:

Отрывок из сказки: ... Bi ауynan bi tilki vamiş. Ikisi
akadeş oluyda...

... Aman bızım olan yemâ, napacaksan yep-da? bâraba da
çok işlâ уарсаз... [236, с. 16, 17].

Примеры нарушения в Акхисарском и Джиханбейлинс-
ком говорах:

Отрывки из "Gelin Türküsü":
Gâlini bindirdilâr bir gamâr ata

Ya köylüsü geçirdi ötä
 Gızıl ırma varmadan oldu bir hata
 Gızıl ırmak neşlâdin allı gâlini. (Акхисарский говор) [237, с. 24].

Hatladı (atladı) çıkdı eşşi (ye)
 Sufrada galdı gumüş gaşı
 Giz evin yakışı(gi) (Джиханбейлинский говор) [237, с. 35].

В Муглинском говоре имеют место следующие нарушения гармонии гласных: Üzümün kilosu kaçi-le (kaça). Alacesen al, güzeli seven hacınnan gaşmaz [235, с. 110, 111].

Из приведенных выше примеров, вытекает непоследовательное использование в слове гласных одного ряда: в одних словах использовались гласные и переднего, и заднего ряда, в других словах же за неогубленными гласными следовали огубленные и наоборот. Все это свидетельствует о нарушении закона гармонии в диалектах и говорах турецкого языка.

Что же касается закона гармонии в диалектах туркменского языка, то он проявляется разнородно.

Так, в диалектах первой группы (более значительные; йомудский, текинский, гокленский, салырский, сарыкский и эрсаринский) губной сингармонизм у йомудов и эрсаринцев выражен сравнительно слабо, а в отдельных случаях и вовсе отсутствует, в других диалектах (в особенности в гокленском и текинском) губной сингармонизм распространяется на всю основу слова, а иногда (при немногосложной основе) захватывает и словоизменительные аффиксы. Это относится также и ассимиляции звуков, которая больше наблюдается в гокленском, текинском и салырском диалектах, тогда как в йомудском эти явления проявляются ограничено (диалекты эрсаринский и сарыкский занимают

промежуточное положение). Диалекты же второй группы, многочисленные, но мелкие диалекты полосы, пограничные с Ираном и Узбекистаном (нохурли, анаули, хасарли, нерезим и многие другие) в сфере закона гармонии значительно отличаются от диалектов первой группы, упомянутой выше. В данных диалектах нередко наблюдаются случаи нарушения закона сингармонизма, например: *gelmag* (вм. *gelmek*), в ауле Нохур и *alməj* (вм. *almak*) в ауле Маныш и т.д. [144, с. 29, 30].

Для наглядности приведем несколько примеров нарушения закона сингармонизма в диалектах туркменского языка. В геокленском диалекте туркменского языка также встречаются случаи нарушения небной гармонии гласных; например: *эла:ч* - лит. *алач* - выход, мера; *эма:л* - *амал* (этмек) - принять меры, действовать; *тейя:р* - лит. *тайяр* - готовый, готов; *ми:ма:н* - лит. *мырман* - гость [109, с. 9].

В северных говорах йомудского диалекта наблюдается нарушение небной гармонии гласных; например: *һейра:н* - лит. *хайран* - удивление; *һейва:н* - лит. *хайван* - животное; *һеса:п* - лит. *хасап* - счет и т.д. [11, с. 7].

В сарыкском диалекте также наблюдаются случаи непоследовательной реализации небной гармонии гласных; например: *дейхья:н* - лит. *дайхан* - крестьянин; *а:йнек* - лит. *эйнек* - очки; *ди:нма:н* - лит. *дынман* - не приостанавливая; *гело:р* - лит. *гелйәр* - идет; *и:шли:ду:р* - лит. *ишле-йәр* - работает [131, с. 7].

Палатальный сингармонизм в сильно иранизированных диалектах (в особенности, диалекты анаули и хасар) недостаточно выражается, а в отдельных словах полностью отсутствует. Так, например, в диалекте анаули (аул Маныш) наблюдаются следующие формы: *мән гәләҗақмән* - я приду; *ba:lalare* - детям; *səp oxysəp* - ты читаешь; *otuməj* - са-

диться; alməle - надо взять и т.д. [144, с. 43].

В диалекте хасарли туркменского языка наблюдается нарушение губной гармонии гласных; например: черəй - лит. черек - хлеб; үрəй - лит. йүрək - сердце; көйнəй - лит. көйнək - платье, рубашка [164, с. 7].

Из особенностей палатального сингармонизма, свойственных живой речи, А.П.Поцелуевский отмечает следующее: “а) переход среднерядного “ь” в конечных открытых слогах слов после всех согласных (за исключением заднеязычных и гортанных) в звук передне-среднего ряда ь, например: aldь (почти aldi); kita:бь, онь и т.п.; б) переход переднерядного “і” в непосредственном соседстве с заднеязычным “н” в звук переднесреднего ряда “ь”, например: теьпн, getirdьн, gidьн и т.п. [144, с. 43].

А.П.Поцелуевский также подчеркивает, что “...Вследствие отмеченного в моей “Фонетике” большого сходства артикуляции долгих полифтонгов “і:” и “ь:” при присоединении аффиксов к односложным корням слов с этими полифтонгами могут наблюдаться колебания в выборе переднего или наоборот заднего типа произношения аффиксов; так, например: формы dь:zdan, ь:zdayn, һь:l:ar и т.п. чередуются с формами di:zden, i:zden, hi:l:er и т.д. [144, с. 43].

В диалектах туркменского языка касательно губного сингармонизма долгие гласные, идущие за кратким губным звуком, в большинстве случаев не огубляются, например: otlomɑ:nɑ gitmek - уйти пастись, узь:n - длинный, јоь:n - толстый и т.д. [144, с. 44].

В особенности в многосложных формах открытые конечные слоги слов обычно вовсе не огубляются: ɵjlərine - к его юртам, ɵyі - его юрта; а если при немногосложной основе огубление все же наблюдается, то оно ограничивается гласными среднего подъема “о” и “ə”; губные же глас-

ные верхнего подъема “и” и “у” в открытых конечных слогах почти не наблюдаются, и в связи с этим обычно встречаются формы *əjdə* - в доме, дома, *ondo* - тогда, там, но абсолютно не встречаются формы *əly*, *gərdu* и т.д., которые заменяются в живой речи формами *əli*, *gərđi* и т.д. [144, с. 44].

Случаи нарушения закона гармонии наблюдаются также в системе спряжения форм настоящего времени глагола в диалектах туркменского языка. Например, в диалектах анаули и хасар

Анаули

ед.ч.

1. a'lamən [39, с. 123;
144, с. 51, 52].

2. a'lasən

3. a'lade

мн.ч.

1. a'lamiz

2. a'lasiz

3. a'lade [144, с. 51,
52].

Хасар

ед. ч.

1. a'ləmen [39, с. 123;
144, с. 51, 52].

2. a'ləsən

3. a'ləđь

мн. ч.

1. a'ləmyz

2. a'ləsyz

3. a'ləđь [144, с. 51,
52].

Аффикс глагольного отрицания “ma-me” в диалектах нохурли, анаули, хасар заменяется аффиксом “mej”, который не подчиняется закону сингармонизма, например: *jazmejmen* (я не пишу) - д. нохурли; *turmejmen* (я не встаю) - д. анаули; *almejmen* (я не беру) - д. хасар [144, с. 52].

В диалекте хасар личные окончания глагола в форме неопределенного будущего времени (как и в форме настоящего времени) сходятся с личными местоимениями и также, как и аффикс основы не подчиняются сингармонизму.

Хасар

ед. ч.

1. a'lərmən

2. a'lərsən

3. alər

мн. ч.

1. a'lərməz

2. a'lərsəz

3. a'lərlər [144, с. 52].

В отрицательной форме неопределенного будущего времени “maz-mez (-məz)” в диалекте хасар также наблюдается нарушение закона сингармонизма: alməsməz - мы не возьмем [144, с. 53].

В диалекте хасар при стяжении отрицательного аффикса “maz-mez” также встречается нарушение закона гармонии и оглушения конечного “z” в аффиксе 3 л. (> S):

ед.ч.

1. alməm

2. almən

3. alməs

мн.ч.

1. alməsməz

2. alməssəz

3. alməslər [144, с. 53].

В данном диалекте не сингармонизируется также аффикс отрицания в форме прошедшего времени; например: mən almədym, biz almədəj [144, с. 55].

Подобное наблюдается и в кубинском диалекте азербайджанского языка. Ср. (jəzmejb, əlmejb и т.д.).

В диалекте анаули в 1, 2, 3 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч. формы причастия будущего времени “çak-çek” в глаголах gelmek, getmek, almak, jemek и встречаются нарушения закона сингармонизма; например:

ед. ч.

1. gələçaqmən

2. gedçaqsən

3. alaçaqde

мн. ч.

3. je:jəçaqde

В марыйском говоре текинского диалекта туркменского языка также имеют место случаи нарушения закона гармонии гласных; например: хейва:н - лит. хайван (скот), хейра:н - лит. хайран (удивление), дейха:н - лит. дайхан (крестьянин) и т.д. [190, с. 8].

В ахалском говоре текинского диалекта туркменского языка наблюдается нарушение закона палатальной гармонии: хайра:н//heyра:н - лит. хайран (хайран) - удивление; хаса:п//hesa:п - лит. хасап//hasaп - счет и т.д. [27, с. 8].

В оламском диалекте туркменского языка также наблюдается переход а > е (э), в результате чего происходит нарушение палатальной гармонии гласных: тейя:р - лит. та-яр - готовый, кена:л - лит. канал и т.д. [26, с. 7].

В сакарском диалекте туркменского языка также встречаются случаи нарушения закона гармонии: например, в аффиксах 1 и 2 л. обоих чисел, а также в аффиксах родительного падежа; к тому же эти слова произносятся долго: то есть гүни:м - лит. гүнүм - день мой, гүни:миз - лит. гүнүмиз - день наш; гүни: н - лит. гүнүн - день твой; гүни:низ - лит. гүнүниз - день ваш; гүни:мизин - лит. гүнүмизин - в наш день [124, т. IV, 1966].

Наблюдается также переход гласного среднего ряда в гласный переднего ряда: ы > и: ис - лит. ыс - запах, тилла - лит. тылла - золото и др. аlyе - алийер//алйөр - лит. аляр - берет; алмийен - лит. алмаян - неберущий и др.; [124, т. IV, 1966]; гьалтек - лит. галтак - тачка [123, с. 10]. В сакарском диалекте отмечаются некоторые случаи ассимиляции; прогрессивная ассимиляция: н-к = нн: ренни - лит. ренки - цвет; н-д = нн: меннен - лит. менден - от меня; ш-ч = шш: ишши - лит. ишчи - рабочий; ш-ж = шш: урушшакъ - лит. урушжак - будет воевать; м-д = мн. а:дамнан - лит. адамдан - от человека и т.д.; [124, т. IV, 1966].

В салырском диалекте туркменского языка также наб-

людается нарушение палатальной гармонии гласных, например: алийә - лит. аляр - берет, дурйә: - лит. дуряр - стоит, дуркә - лит. дурка - когда он стоял [16, с. 6].

В манышском говоре анауского диалекта также наблюдается нарушение палатальной гармонии, например: халтә - лит. халта - мешок, тикъа:н - лит. тикен - колючка и т.д. [17, с. 9]. В вулканештском диалекте гагаузского языка также наблюдаются случаи нарушения гармонии гласных, причем небная гармония гласных в словах с гласными переднего ряда более подвержена нарушению, то есть в этом диалекте доминирует веляризация. Данное нарушение имеет место в основах настоящего времени глаголов с гласными переднего ряда в 3 л. мн. ч., к которым присоединяется лишь аффикс с гласным заднего ряда: верийла (р) - дают, ичийла (р) - пьют, сеслийла (р) - слушают, слышат; в аффиксе деепричастия - кан, который присоединяется к основам с передними гласными (гелиркан - приходя, вери(р) кан - давая, ишидиркан - услышав); в союзе "са", который не имеет варианта с переднеязычным гласным (бен са < бен исе - что касается меня, биз са < биз исе - что касается нас; в условной модальности настоящего-будущего времени, который образуется лишь посредством аффикса са (гелирсам - если я приду, вери(р)сам - если я дам, гидирсайды - если он пойдет и т.д. [178, с. 13].

Рассмотрев диалекты и говоры тюркских языков огузской группы мы приходим к такому выводу, что нарушения наблюдаются при осуществлении как небной, так и губной гармонии гласных, несмотря на то, что в одном диалекте или говоре превалирует нарушение губной гармонии, а в другом - небной гармонии гласных.

А теперь рассмотрим таблицу случаев нарушения гармонии гласных в диалектах и говорах тюркских языков огузской группы (таблица 3.2.1).

Таблица 3.2.1

Случаи нарушения гармонии гласных в диалектах и говорах тюркских языков огузской группы

Диалекты и говоры	Соответствие а > а	Соответствие а > и	Соответствие а > и и > и	Соответствие а > а	Соответствие а > е	Соответствие а > и	Соответствие а > и	Соответствие а > и	Соответствие а > и	Соответствие а > и	Соответствие а > и	Соответствие а > и	Соответствие а > и	Соответствие а > и	Соответствие а > и	Соответствие а > и	Соответствие а > и	Соответствие а > и
Балхский диалект северной джаматского языка	11	11	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Кубинский диалект северной джаматского языка	00	11	11	11	00	00	11	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00
Шемахинский диалект северной джаматского языка	00	11	11	00	11	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00
Шемахинский диалект северной джаматского языка	00	11	11	11	00	11	11	11	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Норачинский диалект северной джаматского языка	00	00	11	00	00	11	00	00	00	11	11	00	00	00	00	00	00	00
Шабанский говор северной джаматского языка	00	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Орджанский диалект северной джаматского языка	00	00	11	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Лангафский говор орджанского диалекта	00	00	11	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Топраки-ташский говор джаматского диалекта северной джаматского языка	00	11	11	00	00	00	00	00	00	11	11	00	00	00	00	00	00	11
Заманский диалект северной джаматского языка	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	11	11	00	00	00	00	00
Кюль-ташский диалект северной джаматского языка	00	00	00	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Саманский диалект северной джаматского языка	00	00	11	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	11	11	00	00	00
Восточный диалект тюркского языка	00	11	00	00	11	00	11	00	00	11	00	00	00	11	11	00	00	00
Северный восточный диалект тюркского языка	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Рымский диалект тюркского языка	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Юго-восточный диалект тюркского языка	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Каспийский диалект тюркского языка	00	11	00	00	11	00	00	00	00	11	00	00	00	11	00	00	00	00
Самаркандский диалект тюркского языка	00	11	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Самаркандский диалект тюркского языка	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Минский диалект тюркского языка	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	11	00	00	00
Самаркандский диалект тюркского языка	00	11	00	11	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Северный диалект тюркского языка	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Джаматский диалект тюркского языка	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Джаматский диалект тюркского языка	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	11	00
Восточный диалект тюркского языка	00	11	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	11	00	00
Амударьинский диалект тюркского языка	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Амударьинский диалект тюркского языка	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Амударьинский диалект тюркского языка	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Амударьинский диалект тюркского языка	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Амударьинский диалект тюркского языка	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Амударьинский диалект тюркского языка	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00
Амударьинский диалект тюркского языка	00	00	00	00	11	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00	00

Примечание:

1. Знаком 11 отмечено наличие данного явления;
2. Знаком 00 отмечено отсутствие данного явления.

Процесс нарушения губной гармонии наблюдается и в кумыкском языке, например, в терском диалекте, где употребление узких губных у и уь ограничено: гоьзинг - твой глаз, вм. лит. - гозуьнг, турып - встав. вм. лит. туруп и т.д. [64, с. 32].

В диалектах карачаево-балкарского языка имеются также случаи нарушения закона гармонии: аджир - жеребец, къунаджин къуназин - двухлетка, къамци - сыр, творог, джилан//жилан - змея [10, с. 47].

Случаи нарушения губной гармонии зарегистрированы и в северном диалекте крымско-татарского языка. Сравним юж. тузлук-солонка, чюрюклюк - гниль, хурулуш - строительство, олду - он стал, - сев. тузлыкь//тузлукь, чюриклик, къурылыш//къурулыш, олды и т.д.

Это явление охватывает язык триалетских урумов - бурни - его нос, учунчи - третий и т.д., карсский и эрзерумский диалекты турецкого языка - уохлĭg- отсутствие, gonşulĭg - соседство и т.д., а также азербайджанский язык на территории Турции *azeri türkçesi* - *garpuzi yarpuzi* - арбуз, окраинные диалекты туркменского языка (сакарский и др.), тумшыкъ - тумшукъ - морда, подбородок [64, с. 33].

Что касается губной гармонии гласных в каракалпакском языке, то в южном диалекте она выражена слабее, чем в северном; например: сев. *körgön* - юж. *körgän* - увидевший, сев. *körödü* - юж. *körädi* - он видит [62, с. 169].

В южном диалекте наблюдается чередование сингармонистических и несингармонистических вариантов, например: мойун - мойын - шея, ойун - ойын - игра и т.д. [62, с. 169].

В диалектах сибирских татар также наблюдается нарушение как палатальной, так и губной гармонии гласных: нийару - удовлетворительный, пикар - ложный, йәйтак -

санки, дровни, тутып - схватив, кушны - птицу, куннин - дня, уйнин - дома; тотып, кошны, кӧннин, күчли, түрли [180, с. 49, 50].

В сергачском и чистопольском и других говорах мишарского диалекта татарского языка имеет место переход ый в ий или даже ий в и, где наблюдается нарушение палатальной гармонии гласных, например: абзий - лит. абзый - дядя, старший брат, жинау - жыйнау - все вместе, кина - кыйна - бить, избивать; особенно в отрицательной форме глаголов настоящего времени - типа бармим вместо бармыйм, алмим - алмыйм и т.д. [121, с. 51].

В чистопольском говоре татарского языка, также наблюдаются следующие нарушения: кима < койма - олады, кийар < кыяр - огурец, кима < койма - забор, ограда [20, с. 7].

В говорах оренбургских татар при монофтонгизации дифтонгов - -ай, -ой, -уй, -ый и при наличии палатализованных согласных в словах с заднерядными гласными бывают переднерядные гласные: кани - лит. кайный - кипит, уни - уйный - играет; и наоборот в словах с переднерядными гласными появляются заднерядные гласные: аләнә - эй-ләнә - кружится, барәм - бәйрәм - байрам.

Эта черта наблюдается и в говоре мишарей Оренбуржья: аффикс - нкыра/-нкерә, не подчиняется закону гармонии гласных основы: кименкырау - кими төшү - немного убавляться, тын кысынкери - бераз тын кыса - немного одышка и т.д. [161, с. 26].

В айском, аргаяшском, сальютском говорах восточного диалекта башкирского языка также наблюдаются случаи нарушения закона гармонии гласных. Так, в айском, аргаяшском, миасском, сальютском говорах восточного диалекта губная гармония по линии о и ө не проявляется: напри-

мер; орышыу - уговаривать, отыры - уже слишком, борын - прежде, издревле. Помимо этого, во многих словах в начале и середине слова о соответствует у; ө соответствует о (э(е)), ү литературного языка; например: колданыу - применение, применять - лит. кулланыу; токмас - лапша - лит. тукмас; шонан - дальше, после этого - лит. шунан; офтаныу - вздыхать - лит. уфланыу; ботау - мешать - лит. бутау; мөхтәж - бедный - лит. мохтаж; ғөмер - жизнь - лит. ғүмер; көзәтеу - наблюдение - лит. күзәтеу и т.д. [113, с. 27].

В аргаяшском говоре восточного диалекта башкирского языка небная гармония гласных проводится также непоследовательно. В данном говоре нарушение гармонии гласных происходит в сторону от палатальности к твердости (переднерядности-заднерядности) и, наоборот, от твердости к палатальности (заднерядности-переднерядности). В особенности часто встречается первый тип нарушения гармонии гласных, который распространяется на слова с одним и более корнями: например; бәйтак - (ә>а) - изрядно, много - лит. байтак (майтак); йеныс (е>ы) - пол - лит. йенес; һектау (е>а) плакать - сальют. говор һыктау; әтәмбай (ә>а) пришелец, припущенник - дем. әтәмбәй [113, с. 93]. Относительно второго типа нарушения гармонии гласных по линии заднерядности-переднерядности (твердость-палатальность), то он встречается реже, чем первый тип: например; кузләүес (у>ә) - совок; састәнкә (а>ә) - косоплетка; һыйһөн (ы>ө) - угощение, организованное для сверстниц выданной девушки; кыйағез (а>е) - бумага, талмәрйен (а>ә) - лягушка, ташкәй (а>ә) - пескарь и т.д. Данный тип нарушения гармонии от заднерядности к переднерядности отмечается и в падежных аффиксах: например: машинағә - к машине - в.м. машинаға; табынғә - в меджлис - в.м. табынға; һалдаткә - солдату в.м. һалдатка; атайынден - у отца - в.м.

атайындын и т.д. [113, с. 93].

В сальютском говоре восточного диалекта башкирского языка наблюдается нарушение гармонии гласных от переднерядности к заднерядности; например: ҕсталык - мастерство - др. говоры, лит. осталык; берок - обязательно - другие говоры, лит. берүк; нәһан? - что это?; көйаш - солнце - другие говоры, лит. - кояш; мәхелук - зверюшка - другие говоры, лит. мәхлүк и т.д. [113, с. 183].

В иксакмарском говоре южного диалекта башкирского языка также наблюдаются случаи нарушения небной гармонии. В данном случае к основам с заднерядными гласными присоединяются аффиксы с мягкими гласными; например: бағымне - в.м. бағымны - находящийся под присмотром, кызыбез - в.м. кызыбыз - наша дочь; Башкортланған казакбез - в.м. казакбыз - обашкирившиеся казахи мы и т.д. [125, с. 34].

В некоторых случаях нарушение закона небной гармонии в заимствованных словах происходит под влиянием среднеязычных согласных к и г, когда в исконно башкирских словах выступают лишь с гласными переднего ряда; например: кәлхуз//калхуз - колхоз, көмзул//камзул - камзол, буранке - воронка, көмфарка - конфорка и т.д. [125, с. 34].

В среднем говоре южного диалекта башкирского языка наблюдается ярко выраженное нарушение закона небной гармонии, которое не встречается так ни в одном другом говоре башкирского языка. В большинстве случаев, небной гармонии не подчиняются гласные аффикса, иногда и конечные части слов или второй компонент сложных слов, в которых происходит опереждение гласных, хотя твердый вариант является основным; например: боғарсәй/бөгәрсәй/-буғарса лит. елец, рыба; кайнатабез - кайнатабыз - кипя-

тим; торғайнеләр - торғайнылар - бывало, так делали; корот Һалабез - корот Һалабыз - кладем курут; каниғәтләнте - лит.кәнәғәтләнде -удовлетворился. [125, с. 103].

В заимствованных словах также наблюдается нарушение гармонии гласных, где смягчение гласных происходит под влиянием соседних согласных к, с, т; например: керниса - крыса, сенйыр - лит. сынйыр - цепь; селбара//сылбара//сыр-бала < сер+бала - детеныш рыбы - лит. селбәрә- мальки; алабүтә - лит. алабута - лебеда, әтколак лит. атколак - конский шавель; һак-сүп - лит. һак-сук - мифические птицы, которые не могут найти друг друга [125, с. 104].

В демском говоре южного диалекта башкирского языка нарушение небной гармонии чаще всего наблюдается в заимствованных словах и в меньшей степени в исконных словах говора. В данном случае первая часть слова по различным причинам произносится с переднерядными, а вторая часть с заднерядными гласными: например; хәйуан - животное, шәйтан ашык -щиколотка, бәрә-сара - беспорядок, растерянность; өйалыу - стесняться и т.д. [125, с. 177].

В ташкентском говоре казахского языка наблюдается переход а > ә, а > е, в результате чего происходит нарушение палатальной гармонии гласных; әзгентай - лит. азғантай - мало, немного, т.д. [1, с. 6].

По-нашему мнению, в диалектах и говорах тюркских языков кыпчакской группы, в большинстве случаев, происходит нарушение небной гармонии гласных, в результате чего в словах наличествуют гласные и переднего, и заднего рядов.

А теперь рассмотрим таблицу случаев нарушения гармонии гласных в диалектах и говорах тюркских языков кыпчакской группы (таблица 3.2.2).

Таблица 3.2.2

**Случаи нарушения гармонии гласных в диалектах и говорах
тюркских языков кыпчакской группы**

Диалекты и говоры	Нарушение гармонии гласных							
	Соответствия а > а	Соответствия 1 > 1	Соответствия и, ъ > 1, 1	Соответствия э > а	Соответствия 1 > е	Соответствия е > 1	Соответствия 1 > ъ	Соответствия 0 > а
Терский диалект кумыкского языка	00	00	11	00	00	00	00	00
Диалекты карачаево-балкарского языка	00	11	00	00	00	00	00	00
Северные диалекты крымско-татарского языка	00	00	11	00	00	00	00	00
Южный диалект каракалпакского языка	00	00	11	00	00	00	00	11
Диалекты сибирских татар	11	00	11	00	00	00	00	00
Серганский, чистопольский говоры мишарского диалекта тагадского языка	00	11	00	00	00	00	00	00
Айский, артынский, салыутский, миасский говоры восточного диалекта башкирского языка	11	00	00	11	11	11	11	00
Иксакарский говор южного диалекта башкирского языка	11	00	00	00	11	00	00	00
Средний говор южного диалекта башкирского языка	00	00	00	11	11	00	00	00
Демский говор южного диалекта башкирского языка	11	00	00	00	00	00	00	00
Ташкентский говор казахского языка	11	00	00	00	00	00	00	00

Примечание:

1. Знаком 11 отмечено наличие данного явления;
2. Знаком 00 отмечено отсутствие данного явления.

В хорезмских говорах узбекского языка также имеет место нарушение закона гармонии.

Смягчение [ъ], происходящее как в заимствованных, так и в исконных тюркских словах огузского говора; ишанч//и-нанч - вера, уверенность; илан, ишан увеличивает количество так называемых “ломаных” слов и, видимо, обусловлено общей тенденцией смягчения твердых основ в связи с начинающим нарушением закона палатальной гармонии, чему ярко свидетельствуют опорные говоры городского типа, в которых этот закон давно уже не функционирует [2, с. 31, 32].

Приведем еще примеры частого нарушения стройной системы небной гармонии в огузском наречии хорезмских говоров: ъенна - собирать, ъегла - плакать, чеғыр - звать,

йерканат - летучая мышь, чейка - полоскать [2, с. 38].

В хорезмских говорах узбекского языка некоторые аффиксы словообразования и словоизменения как своих, так и заимствованных, не подчиняются закону палатальной гармонии: 1) слова жан, бай//вай, хан, употребляются в качестве аффиксов и присоединяются к именам собственным: ешчан//еччан, мөтчан, бекчан; 2) таджикские аффиксы стан; гүлстан; бан/ман; гүзәрман - лодочник; пешман - мастер по кладке кирпича; хана: сийсхана - конюшня; 3) аффиксы принадлежности: нькь/кь: апамкь - сестрин; апамнькь; вуланькь - их; баланькь - детский; 4) аффиксы сравнительной степени прилагательных рак: огузское наречие кьчч-рак - поменьше; гү: чльрак - сильнее; кипчакское наречие - күшльрэк - где наблюдается подчинение закону палатальной гармонии; 5) иногда аффикс отношения: дэгь/дей: альсдэйь душман - враг, находящийся вдали, йакындейь дос - друг, находящийся вблизи; ба:гдейь - находящийся в саду, атыздэйь, йапдэйь и др.

Смягченный вариант этого аффикса употребляется лишь в ханкинском говоре и в отдельных мелких говорах огузского наречия, в остальных же наличествуют оба варианта:

6) аффикс сравнения дэй/дей: урадей - как яма, бөладей - как беда, бедовый, мундей - так, таким образом; кандей - как; то же и аффикс уподобления: ди:йн:атанди:йн - как твой отец; 7) вопросительная частица нә: атан нә? - а отец твой?, бардын-нә - а если ли и пошел ты?; 8) частица утверждения, подчеркивания лә: а:дам-лә - он ведь человек, каштын-лә - ведь ты убежал-таки; 9) аффикс прогрессива: йатър: барйатър - он идет туда; гүлийатър - он смеется; гәл-йатър - он идет сюда (кипч. - ватър): 10) аффикс причастия будущего времени доғын: гәләдоғын - тот, который придет, охыйдоғын - тот, который будет учиться (кипч.

тавгън); 11) аффикс предела чәнль/чәлль: азана-чәлль - до утра; калаға-чәлль - до города: хыйваға-чәлль - до Хивы; (кипч. чәкль/-чакль); 12) частица усиления ку: гетть-ку - он ведь ушел; ийән-ку - он ведь твой младший брат (кипч. - го); 13) аффикс глагола и причастия будущего времени жак/жәк, но в кипчакских говорах этот аффикс наличествует лишь в твердом варианте: келжак - придет, сөйлыйжак - он будет говорить [2, с. 81, 82].

В связи с тем, что в сложных словах хорезмских говоров компоненты сохраняют свою самостоятельность, встречаются случаи нарушения закона гармонии; например: апа-йә - сестры (апа+ийә), а:ғайә - братья (а:га+ийә), а:ғыйнь (а:га+инь) друг, товарищ, атәнә - родители, апүкә - сестры, әкәтока - друзья и т.д. [2, с. 82].

Аналогично положение и в сочетаниях типа глагольная форма плюс недостаточный глагол в спрягаемой форме: барвәдъ, барган әдъ, барар әдъ, барйатър әдъ, баржак әдъ, барадоғын әдъ, барсәдъ и т.д. Однако в слившихся словах с одним ударением и претерпевшим сильное фонетическое изменение, наблюдается уподобление гласных одного из компонентов гласным другого компонента; например: әпкә - принеси (> альб гә), әпкет - унеси (> альб гет), әппер - подай сюда (> альб бәр), (кипч. әпкь, әпкет, әппер; иншу - вот этот (инә шу), навучун - почему?; навъ - что это (> нә бу); кипч. шүйтып - таким образом, бүйтып, үйтып и т.д. [2, с. 82].

Еще одним свидетельством нарушения закона палатальной гармонии в огузском наречии является то, что почти в любом слове, где наличествует сочетание ай или йә, видоизменяется на әй-ей-ий или йә-йе-йи; например: пейда - польза - кипч. - пайда; ейран - молочный напиток - кипч. - айран: мейдан - площадь - кипч. майдан [2, с. 82].

В паркентском говоре узбекского языка также имеет место нарушение гармонии гласных; например: сохбѣт - < лит. сухбат, гавурт - < лит. гугурт и т.д. [18, с. 9].

Как отмечает И.И.Шамсиддинов: "... Каракульский говор по фонетическим особенностям является сингармонистическим. Однако, в нем наблюдается сложный процесс начала разрушения закона палатальной гармонии. Губная гармония гласных почти отсутствует, причиной тому послужило влияние несингармонистических говоров городского типа" [191, с. 22]. К примеру, в каракульском говоре узбекского языка наблюдается переход а > ә, в результате чего имеет место нарушение палатальной гармонии гласных: канәт - лит. каноат - удовлетворение и т.д. [191, с. 8].

В джушском говоре узбекского языка наблюдается переход у > ы, который, впоследствии, становится причиной нарушения губной гармонии гласных в данном говоре: вузын - лит. узун - длинный, куры - лит. курук - сухой, кулын - лит. кулун - жеребенок, кулак - лит. кулок - ухо и т.д. [22, с. 8].

В андижанском городском говоре узбекского языка тоже имеет место переход у > ъ, ь, в результате чего наблюдается нарушение губной гармонии гласных: чъмчѣк/чумчук - воробей, чѣгърчѣк/чуғурчук - скворец, кѣвѣр/кувур - труба, мѣшьк/мушук - кот и т.д. [116, с. 8,9].

В папском говоре узбекского языка тоже наблюдается переход у > ъ, в результате чего происходит нарушение губной гармонии гласных: узъм - виноград, учън - для, гувѣт - спичка, тузѣк - ладно и т.д. [192, с. 8].

Нарушение закона гармонии наблюдалось еще в памятниках письменности на узбекском языке. Примечательно по этому поводу высказывание Ф.А.Абдуллаева: "...Процесс утраты сингармонизма своими корнями уходит, по всей вероятности, в

древность, ибо внимательное изучение памятников письменности на узбекском языке позволяет констатировать факты нарушения сингармонизма еще в эпоху Алишера Навои..." [2, с. 76]. Ф.А.Абдуллаев также приводит отрывок из памятников, написанных арабскими буквами, где выявляются интересные факты:

اير كيراك اور تانسە يانسە يالينه يا، ه يي يانسە آتي
 نينك يالينه ايب اولوص درلا اولسە اير اتاناب
 دوستيخە يالينه بخشي راغ

[2, с. 76].

Согласно Ф.А. Абдуллаеву, известно, что в начале тюркских слов буква / - элиф, обозначала передний гласный [ä], а тот же знак с маддой наверху - задний гласный [a]; в середине и в конце слова для обозначения твердого гласного [a] использовался знак / или ل, а знаком ۋ (хаи хавваз) обозначался передний гласный [a].

Так, в конце рифмующихся твердых основ слов يانسە-йансе, يالينه-йалыне, пишется буква, обозначающая передний гласный [ä]; однако в сингармонистических говорах эти слова, то есть йанса, йалына и т.д. произносятся твердо. Выявляется, что такое написание в критических изданиях произведений Алишера Навои, носит регулярный и последовательный характер. Таким образом, эти примеры свидетельствуют о процессе разрушения закона сингармонизма еще в XV веке [2, с. 77].

Что же касается закона губной гармонии гласных в наречиях хорезмских говоров, то он не обнаруживается.

Так, если в первом слоге слова гласные о, ө, то они не

влияют на гласные второго слога, независимо от того, является ли этот слог корня или аффикса, открытый ли слог или закрытый: оғыл - сын, о:дън - дрова, доғръ - правильно, дойдъм - я насытился, до:лъ - полный.

Во всех хорезмских говорах первый слог слова с гласными о-ө, у-ү не оказывает уподобляющего действия на второй открытый слог слова, а вместо губных гласных используются узкие негубные гласные ь-ь: бөрь - волк, куйь - колодец, сувь - его вода, түйь - его волос, түлкъ - тылкъ - лиса и т.д. [2, с. 75].

В шахрисябзском говоре узбекского языка гармония гласных также нарушается. Так, при присоединении аффиксов к двусложным основам гармония гласных не осуществляется; так как в говоре не имеются аффиксы с твердым гласным; например: кудухчә - маленький колодец; кокылә - одуванчики [76, с. 10].

В джизакском говоре узбекского языка иногда встречаются нарушения губной гармонии гласных; например: йулдаш - вместо йулдош [72, с. 76].

Как отмечает Н.Раджабов, в карнабском говоре узбекского языка явление сингармонизма вообще отсутствует [146, с. 2].

В общей сложности, во всех говорах узбекского языка наблюдается непоследовательность в проведении закона губной гармонии гласных. Иначе говоря, в одних говорах обнаруживается более или менее регулярное проведение лабиально-сингармонистических чередований гласных (до 2-го, 3-го слогов), а в других говорах, также и в хорезмских губной сингармонизм проявляется очень слабо.

Нарушение губной гармонии гласных наблюдается и в диалектах уйгурского языка, где вместо губного гласного во втором и последующих слогах, корневых и производных

основ употребляется негубной гласный соответствующего ряда, что абсолютно не присуще литературному языку.

Например: в хотанском диалекте көнәл - лит. көнүл - сердце, өтәк - лит. өтүк - сапоги; в яркендском говоре оғал - лит. оғул - сын; в кашгарском говоре бүгән - лит. бүгүн - сегодня [92, с. 163, 164].

В хамийском наречии түштү - в.м. лит. түштү; бөліштү - в.м. лит. бөлуштү и т.д. [115, с. 67].

Рассмотрев диалекты и говоры тюркских языков карлукской группы, мы приходим к такому выводу, что в диалектах и говорах узбекского языка наличествует нарушение как губной, так и небной гармонии гласных, тогда как в диалектах и говорах уйгурского языка, в большинстве случаев, нарушается губная гармония.

Рассмотрим для наглядности таблицу случаев нарушения гармонии гласных в диалектах и говорах тюркских языков карлукской группы (таблица 3.2.3).

Таблица 3.2.3

Случаи нарушения гармонии гласных в диалектах и говорах тюркских языков карлукской группы

Диалекты и говоры	Нарушение гармонии гласных								
	Соответствие а > ә	Соответствие и > а	Соответствие о > а	Соответствие и > о	Соответствие и > ә	Соответствие и > и	Соответствие а > ә	Соответствие и > а	Соответствие и > и
Огузское наречие хорезмского говора узбекского языка	11	11	00	00	00	00	00	00	00
Напкентский говор узбекского языка	00	00	00	11	11	00	00	00	00
Шахризабекский говор узбекского языка	11	00	00	00	00	00	00	00	00
Лажизакий говор узбекского языка	00	00	11	00	00	00	00	00	00
Карикульский говор узбекского языка	11	00	00	00	00	00	00	00	00
Джулисский говор узбекского языка	00	00	11	00	00	00	00	00	11
Анджизакий городской говор узбекского языка	00	00	00	00	00	11	00	00	11
Панинский говор узбекского языка	00	00	00	00	00	00	00	00	11
Хотанский диалект уйгурского языка	00	00	00	00	00	00	11	00	00
Яркендский говор уйгурского языка	00	00	00	00	00	00	00	11	00
Кашгарский говор уйгурского языка	00	00	00	00	00	00	11	00	00

Примечание:

1. знаком 11 отмечено наличие данного явления;
2. знаком 00 отмечено отсутствие данного явления.

В качинском диалекте хакасского языка отмечаются нарушения губной гармонии; например: хузухты - (вм. хузухту) - орех (в вин. пад.), чүстүктиг (вм. чүстүктүг) - с перстнем. В шорском диалекте хакасского языка наблюдается нарушение небной гармонии гласных; например: абэзы (вм. абазы) - его отец; палэзи (вм. палазы) - его ребенок [41, с. 331,332].

В северо-западных говорах якутского языка также встречаются случаи нарушения закона палатальной гармонии гласных. В особенности, это касается слов, заимствованных из эвенкийского языка. Так, в одном слове с гласным заднего ряда “а”, “у” или дифтонгом “уо”, наличествует рядом долгий ии вместо предполагаемого долгого ыы. Использование долгого “ии” вместо долгого “ыы”, возможно, вызвано отсутствием в эвенкийском языке гласного заднего ряда “ы” [33, с. 116].

Приведем примеры с нарушением закона палатальной гармонии гласных северо-западных говорах якутского языка: арамиин - личинка овода, развивавшаяся в носовой полости оленя - ср.: эвенк. арамин (в том же значении); ахтамии - холощенный олень - ср. эвенк. актами; бугдии - пегий, пестрый - ср. эвенк. бугди - пестрый, пегий, рябой; ньуории - женская (с украшениями) палка для верховой езды - ср. эвенк. н’ори - женский посох для езды на олене; ньунгии - берцовая кость у оленя - ср. эвенк. нун’и: 1) бедро; 2) кость голени; 3) локтевая кость; таптиин - перекидная через седло веревка, соединяющая мешки с багажом - ср. эвенк. таптин - (в том же значении) [33, с. 116].

Данные слова обнаружены в говоре якутов Анабарского района.

Подобное явление наблюдается и в говоре якутов Оленекского района; например: ахтамии - самец - производитель 7-8 лет (которого холостят в этом возрасте) - ср.

эвенк. - актами - холощенный олень; атакии - паук - ср. эвенк. - атаки; мурэкэптиин - кромка, союзка по нижнему краю головок как женских, так и мужских унтов из оленьих лапок другого цвета, чем сами унты - ср. эвенк. мурэкэптын - обшивка, затяжка у верхнего края обуви; умакии - берцовая кость (голенная кость человека) - ср. эвенк. умукки - голень, кость ноги оленя; урбиин - крюк для вытаскивания мяса из котла - ср. эвенк. урибун (в том же значении) [33, с. 116].

Это явление настолько закрепилось в речи северо-западных якутов, что наблюдается переход долгого гласного ыи в долгий ии также в коренных якутских словах. П.П. Барашков отмечает, что, например, П.С.Афанасьев в Анабарском районе зафиксировал слово баайдиин - давеча, которое употреблялось в Чурапчинском районе как: байдыын, баайдыын, баайдыан, майдыан и т.д. [33, с. 116].

В вышеприведенных диалектах и говорах тюркских языков уйгуро-огузской группы, по нашему мнению, превалирует нарушение небной гармонии гласных, хотя есть случаи нарушения и губной гармонии гласных.

А теперь приведем для наглядности таблицу соответствий гласных звуков при нарушении закона гармонии гласных в диалектах и говорах тюркских языков уйгуро-огузской группы (таблица 3.2.4).

В диалектах киргизского языка также зарегистрированы многочисленные случаи нарушения губной гармонии. Как отмечает Н.З. Гаджиева, по Г.Бакиновой, это наблюдается в материалах чуйского, тяньшанского, узбекистанского и южнокиргизских говоров, например: *zūrek* - сердце, *zürgeṇ* - ходячий, *sujlegen* - говорящий, *tünde* - ночью - лит. *zürök*, *zürgön*, *süjlogön*, *tündö* и т.д. [62, с. 152]. Сравним сев. говор *küzündö* - джер. *küzünde* - осенью, сев. *өкмөт* - джер. *өкмөт* - власть [62, с. 152].

Случаи нарушения гармонии гласных в диалектах и говорах тюркских языков уйгуро-огузской группы

Диалекты и говоры	Нарушение гармонии гласных		
	Соответствия i > i	Соответствия u, ü > i, i	Соответствия a > э
Качинский диалект хакасского языка	00	11	00
Шорский диалект хакасского языка	00	00	11
Северо-западный говор якутского языка	11	00	00
Говор якутов Оленекского района	11	00	00

Примечание:

1. Знаком 11 отмечено наличие данного явления;
2. Знаком 00 отмечено отсутствие данного явления.

Наблюдаются также случаи нарушения небного притяжения в тулейкенском говоре: данə - штука - лит. даана, салəм - привет - лит. салам, кəрамат - чудо - лит. керемет [181, с. 7].

В ноокатском говоре Ошской области также имеются случаи нарушения губной гармонии гласных; например: оlor//олар, онон//онан, өкмөт//өкмат, өзү//өзи, сөзү//сөзи и т.д. [30, с. 9].

В киргизских говорах за пределами Киргизии также довольно часто встречаются случаи нарушения губной гармонии; например: конак - кирг. лит. конок (гость); эгəw - кирг. лит. өгөө (напильник); сүрəт - кирг. лит. сүрөт (рисунок); гүнə - кирг. лит. күнөө (вина) и т.д. [51, с. 13].

В таласском говоре киргизского языка в отдельных случаях наблюдаются также случаи нарушения губной гармонии гласных: үйлериғизде, жүргендир, түнкисин и т.д. [21, с. 8].

Н.З. Гаджиева указывает, что необходимо отметить не-

маловажность наблюдений И.А.Батманова относительно гармонии гласных в киргизском языке: “Во всех диалектах севера обнаруживается одна и, безусловно, прогрессивная тенденция к снижению степени сингармонизма в аффиксах: в третьих аффиксальных слогах утрачивается явление лабиализации: *вм. уjløryndø* имеем *уjlørynde* - в его домах; *вм. уjlørybyz* имеем *уjlørybiz* - наши дома (с редуцированным гласным, который обозначаем знаком *i*) и т.п. Явление это общее для всех северных диалектов. Что же касается явления сингармонизма гласных в основах, то о нем и не приходится говорить, с этой обузой покончено, поскольку киргизский язык обогатился новым типом чередования, допускающим сочетание в одной основе гласных разных категорий (твердых-мягких, губных-негубных) *ср. masele, mamleket*” [62, с. 153].

Характерной особенностью северной группы диалектов алтайского языка является отсутствие последовательной губной гармонии гласных в отношении широких гласных “а” и “э”, например: *көрген* (*көргөн*) - видевший, *полған* (*болгон*) - бывший [38, с. 69; 41, с. 345].

Палатальная гармония гласных весьма последовательна для диалекта черневых татар - туба-кижи, который является одним из северных диалектов алтайского языка, хотя имеются некоторые нарушения, главным образом в заимствованных словах.

Относительно незаимствованных, коренных слов, то исключение составляют слова с задними гласными, но сочетающимися с палатализованными согласными, например: *айлына* (=айлина) *апарган* - отнес в аул, *шышыкан* (=шишкан) - мышь, *аджылып* (=аджилып) *калган* - открылся и т.п., а также различные стяжения, представляющие собой соединения нескольких слов с коренными гласными разных рядов, например: *ол чыга ла салывен* (< сала берген) - он вылез и убежал, *тарерим* (< тарап ийерим) -

(голову) буду чесать, урыйген (< уруп ийген) - он вылил. Стяжением, вероятно, объясняются также случаи палатальной дисгармонии при образовании условной формы от некоторых глаголов, например: ак чечек ѓспеза, ак пором не-ни отыйыр - белые цветы если не вырастут, то что мой бело-серый (конь) будет есть, буружей келза - если придет буржуй и т.п [40, с. 13].

Что же касается губной гармонии гласных, в диалекте черневых татар - туба-кижи, то она проявляется непоследовательно, и наблюдается факультативное произношение с полным огублением второго и последующих слогов, с неполным огублением и без огубления, особенно это относится к широким гласным заднего ряда, например: болзо//болсо//болса - если будет, очо галды//оча галды//отуруп калды - он сел, олор//олар - они, тошто//тошта - на льду, озондо//озонда - раньше и т.д. Несмотря на то, что губная гармония относительно узких гласных в туба-диалекте проявляется более последовательно, но имеются некоторые случаи ее нарушения. Так, например: быдак (вм. бутак) - ветка, сучок, тилги//тилгу (вм. тулку), пийин (вм. бугун) - сегодня, илежип йеген (вм. улежип дьиген) - поделив, они съели, тиргеш (вм. тургеш) - название племени и т.д. [40, с. 14, 15].

По-нашему мнению, необходимо отметить, несмотря на то, что губная гармония гласных в наибольшей степени проявляется в киргизском языке, но в диалектах и говорах данного языка наблюдаются многочисленные случаи нарушения именно губной гармонии. Относительно диалектов и говоров алтайского языка, то в них происходит нарушение как небной, так и губной гармонии гласных.

Таким образом, по нашему мнению, все вышесказанное в третьей главе в очередной раз подтверждает более последовательную реализацию закона гармонии в современных тюркских языках, нежели в языке письменных памятников,

диалектах и говорах тюркских языков. Этому свидетельствуют многочисленные случаи нарушения закона гармонии как в заимствованных, так и в исконно тюркских словах, тогда как в современных тюркских языках нарушение данного закона происходит, в большинстве случаев, в заимствованных словах. Хотя, мы не отрицаем, что в некоторых словах диалектов и говоров тюркских языков наблюдается более успешное проведение того или иного вида закона гармонии, нежели в современных тюркских языках данных диалектов и говоров.

А теперь рассмотрим также таблицу случаев нарушения гармонии гласных в тюркских языках киргизско-кыпчакской группы (таблица 3.2.5).

Таблица 3.2.5

Случаи нарушения гармонии гласных в диалектах и говорах тюркских языков киргизско-кыпчакской группы

Диалекты и говоры	Нарушение гармонии гласных					
	Соответствия а > а	Соответствия ц, ш > и, і	Соответствия е > а	Соответствия о > а	Соответствия й > е	Соответствия б > э
Чуйский, Тяньшанский, узбекский и южнокиргизские говоры киргизского языка	00	00	00	00	11	00
Джержетальский говор киргизского языка	00	00	00	00	11	11
Тулейкенский говор киргизского языка	11	00	11	00	00	00
Ноокатский говор ошской области	00	11	00	11	00	11
Киргизские говоры за пределами Киргизии	00	00	00	11	00	11
Таласский говор киргизского языка	00	11	00	00	00	00
Северная группа диалектов алтайского языка	00	00	00	11	11	00
Диалект черневых татар Туба-Кизи	00	11	00	00	00	00

Примечание:

1. Знаком 11 отмечено наличие данного явления;
2. Знаком 00 отмечено отсутствие данного явления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведя формальное описание закона гармонии во всех ныне существующих современных тюркских языках, посредством составления таблиц и графов, в процессе исследования мы пришли к следующему заключению:

1) Относительно небной гармонии гласных в современных тюркских языках, то она проявляется почти одинаково, где исключениями являются хакасский и уйгурский языки, которые имеют следующие специфические черты проявления небной гармонии гласных.

В хакасском и уйгурском языках особое место в небной гармонии гласных занимает гласный “и”. Данный мягкий гласный “и”, не имеющий своей твердой пары среди гласных фонем, может входить в состав как “твердого”, так и “мягкого” слова (ср. чоохтабин - (отриц. форма деепричастия) - не говоря; колумни- мою руку, болушнин- становления/род. пад.).

По-нашему мнению, данное явление восходит к пратюркскому языку, где гласный “и” являлся нейтральным.

2) Несмотря на то, что в тюркских языках губная гармония гласных проявляется неравномерно, имеются некоторые сходные черты, которые сближают данные языки различных групп.

Сходством в проявлении губной гармонии в туркменском, гагаузском, азербайджанском, турецком, караимском, кумыкском, карачаево-балкарском, крымско-татарском, тувинском, хакасском, уйгурском языках является то, что при осуществлении данного закона гармонии огубляются лишь узкие гласные, а относительно широких гласных, то они не претерпевают огубления. Естественно, есть некоторые исключения (азерб. *oxlov*, *kösöv*), но они составляют редкие

случаи.

3) В ногайском, каракалпакском языках губная гармония гласных действует лишь относительно узких гласных “ы”, “и” и широкого “е”.

В данных языках имеется также огубление узких “ы”, “и” и широкого “е” под влиянием губно-губного “в”; ног. окъы- читай >окъув - чтение; к.калп. айув (<айыв) - медведь и т.д.

4) В татарском и казахском языках губная гармония гласных проявляется лишь в разговорном языке.

Так, например, после губных гласных “о”, “ö” последующие “ы” или “е” произносятся как “о” или “ö”; кол-ы [коло] - его раб и т.д.; а после губных гласных “у”, “ү” последующими будут негубные “а”, “ы”, “э”, “е”: урам - улица и т.д.

В казахском языке под действием гласного “о” или “ү” гласный ы переходит в “ү” ; орын > орун ; гласный “і” переходит в “ү” под влиянием “ө” или “ү” > көрік>көрүк, гласный “е” переходит в “ө” под действием “ө” или “ү” өлен>өлөн.

5) В башкирском языке губные широкие гласные “о”, уподобляют последующие “е (э)” и “ы” по законам губной гармонии гласных: тормыш - тормош - жизнь, көмеш - көмөш - серебро и т.д.

6) В узбекском и хакасском языках под влиянием узких губных гласных огубляются лишь узкие гласные и только в пределах неразложимой основы (узб. бурун - нос; хакас. хулун и т.д.).

7) В якутском и киргизском языках губные гласные “о”, “ö”, “u” оказывают огубляющее действие на “а”, “е”, “i” , “ı”. В киргизском языке наблюдается огубление “е” под влиянием “ü”, где данное явление не наблюдается ни в одном из современных тюркских языков. Ср. (киргиз. jügök-

сердце и т.д.)

8) В алтайском языке наблюдается также огубление “а” под действием “о”, подобно якутскому и киргизскому.

В алтайском языке встречается при огублении аффиксов явление, где “о”, “ö” основы оказывает огубляющее действие, а “и” основы не оказывает.

9) Что же касается чувашского языка, то губная гармония в данном языке не наблюдается.

В ходе исследования выявлены также следующие сходные черты проявления закона гармонии согласных в современных тюркских языках.

10) Закон гармонии согласных в гагаузском, турецком, караимском, кумыкском (в разг.), крымско-татарском, казахском, ногайском, уйгурском, якутском, алтайском языках проявляется относительно в полной мере, т.е. после глухих согласных основы следуют глухие согласные аффикса, а после звонких согласных - звонкие.

Кроме того, в азербайджанском, турецком, караимском, кумыкском языках сонорные *m*, *p*, *g*, *l*, *y* сочетаются и с глухими и со звонкими согласными.

11) В азербайджанском и карачаево-балкарском языках начальные согласные аффиксов подчиняются конечным согласным основы по глухости-звонкости лишь в некоторых аффиксах и в большинстве случаев аффиксы бывают со звонкими начальными согласными.

12) В татарском языке закон гармонии согласных распространяется лишь на аффиксы, начинающиеся с “*d*”, “*t*”.

13) В башкирском языке наблюдается специфическое проявление гармонии согласных, где после конечных гласных основы (*г*, *з*, *у*, *и* (*ü*)), начальный “*d*” аффикса переходит в *з*, а также аф. мн. ч. (*lar*) переходит в “*t*” после глухих согласных, в “*d*” - после (*l*, *m*, *z*, *j*), в (*š*) - после (*г*, *у*, *з*, *и*(*v*), *ü*(*v*)).

14) В каракалпакском, хакасском, тувинском, киргизском языках помимо полного проявления гармонии согласных, наличествует также аффиксальное варьирование по глухости-звонкости, где наблюдаются соответствия $p - d - t$ в каракалпакском и хакасском; $l - p - t$ в тувинском и хакасском языках; $l - d - t$ - в киргизском языке.

15) В узбекском языке гармония согласных проявляется во всех его говорах, но неодинаково.

16) В туркменском языке при аффиксации наблюдается ассимиляция по глухости, где в туркменском языке данное явление встречается лишь в разговорном языке.

Таким образом, из вышесказанного мы пришли к следующим выводам:

1. Закон небной гармонии гласных в тюркских языках проявляется почти одинаково, а исключение составляют хакасский и уйгурский языки, в которых данный закон проводится несколько иначе.

2. Закон губной гармонии гласных проявляется в наибольшей степени в киргизском и якутском языках. Помимо этого, в киргизском языке почти все аффиксы имеют четыре варианта изменений гласных, а именно одну пару с негубными гласными и другую пару с губными гласными: например, аффикс множественного числа имеет следующие варианты: -лар, -дар, -тар: -лор, -дор, -тор: -лөр, -дөр, -төр т.д.

Далее по мере убывания следуют другие тюркские языки: алтайский, башкирский, ногайский, каракалпакский, туркменский, гагаузский, азербайджанский, турецкий, караймский, кумыкский, карачаево-балкарский, крымско-татарский, тувинский, уйгурский, узбекский, хакасский, татарский, казахский и чувашский языки.

3. Закон гармонии согласных проявляется в наибольшей степени в каракалпакском, хакасском, тувинском и кир-

гизском языках, так как в данных языках имеется три варианта изменений согласных, а именно соответствия *n-d-t* в каракалпакском и хакасском; *l-n-t* в тувинском и хакасском языках; *l-d-t* в киргизском, например, аф. род. пад. -нын /-нин; -дын /-дин ; -тын /-тин (к.калп.); аф. исход. пад. -да / де: -на /-не ; -та /-те (хакас.): аф. мн. ч. -лар/-лер: -нар/-нер: -тар/-тер (тув.) - лар/лер: -нар/-нер: -тар/-тер (хакас.): -лар/лер: -дар/дер: -тар/-тер. (кирг.).

Далее по мере убывания следуют гагаузский, турецкий, караимский, крымско-татарский, казахский, ногайский, уйгурский, якутский, алтайский, азербайджанский, карачаево-балкарский, татарский, башкирский, узбекский, чувашский языки.

В туркменском и кумыкском языках при аффиксации данное явление наблюдается лишь в разговорном языке.

4. Мы пришли к такому выводу, что закон гармонии в тюркских языках раньше проявлялся слабо, а с формированием литературного языка, упорядочиванием его норм проводится более последовательно, чем в письменных памятниках, диалектах и говорах тюркских языков, так как в их фактических материалах зарегистрировано большое количество случаев нарушения закона гармонии.

Более того данные нарушения наблюдаются помимо заимствованных слов, также и в исконно-тюркских словах, что не имеет места в современных тюркских языках: например, болмыс - в.м. болмус, күчин - в.м. күчүн - сила, оглын - в.м. оглун, көрти - в.м. көртү - увидел и т.д. (письменные памятники): *gonuşırsın* - в.м. *konusuyorsun* - разговариваешь; *gatirim*- в.м. *getirim*- принесу (карсский говор турецкого языка); *almışdı* - в.м. *almışdı* - купил; *bugın* - в.м. *bugun* (бак. д. азерб. яз.).

XÜLASƏ

Monoqrafiya müasir türk dillərində ahəng qanununun formal təsvirinə həsr olunmuşdur.

Ahəng qanunu bütün türk dilləri üçün ümumi struktur-tipo-loji hadisə olaraq müxtəlif cür təzahür edir, yeni özünün oxşar və fərqli xüsusiyyətləri var.

Buna görə də ahəng qanununun müasir türk dillərində təzahürünün oxşar və fərqli cəhətini aşkar etmək məqsədilə hadisənin və onun formal təsvirinin həmin dillərdə müqayisəli-tarixi aspektdə araşdırılması hazırda aktualdır.

Bu kitabda ilk dəfə olaraq mövcud müasir türk dillərinin sistemli tədqiqi verilmiş və təkcə saitlərin ahəng qanununun deyil, həmçinin əvvəlki tədqiqat işlərində toxunulmayan cəhət, samitlərin ahəng qanununun formal təsviri də tətbiq edilmişdir.

Monoqrafiya giriş, üç fəsil, nəticə və istifadə olunmuş ədəbiyyat siyahısından ibarətdir.

Girişdə mövzunun aktuallığı, tədqiqatın məqsəd və vəzifələri, onun nəzəri və təcrübi əhəmiyyəti, yeniliyi əsaslandırılır, obyekt və metodları müəyyənləşdirilir.

“Ahəng qanunu dilin fonetik, morfoloji və morfonoloji yarusları zəminində” adlı 1-ci fəslində ahəng qanununun yeri, vəziyyəti, əsas xarakterik xüsusiyyətlərinin, funksiyalarının problemləri ümumtürk kontekstində araşdırılır. Həmin fəsildə ahəng qanunu həmçinin prosodik, assimilyasiya, aqqlıutinativ və por-sial nöqtəyi nəzərdən tədqiq edilir.

“Qədim türk yazılı abidələrində və müasir türk dillərində ahəng qanunu təzahürünün xüsusiyyətləri” adlanan ikinci fəsildə saitlərin damaq və dodaq ahəngi qanunu, qədim türk yazılı abidələrində və müasir türk dillərində samitlərin ahəng qanunu təsvir olunur. Nəticədə bu dillərdə ahəng qanununun oxşar və

fərqli xüsusiyyətləri aşkar edilmişdir.

Müqayisə üçün ahəng qanununa aqqlıyutativ dillər olan macar, monqol və fin dillərində həmçinin baxılmışdır.

“Qədim türk yazılı abidələrində müasir türk dillərinin dialekt və şivələrində ahəng qanununun pozulması hallarının təsviri” başlıqlı 3-cü fəsildə yazılı abidələrdə” müasir türk dillərinin dialekt və şivələrində ahəng qanununun pozulması hallarının çoxlu faktiki materialı gətirilir. Bu da öz növbəsində onu sübut edir ki, ahəng qanunu ədəbi dilin gələcək inkişafı və formalaşması prosesində daha ardıcıl tətbiq edilir, nəinki yazılı abidələrdə, türk dillərinin dialekt və şivələrində.

Nəticədə hazırda mövcud olan bütün müasir türk dillərində ahəng qanununun formal təsvirinin yekunları, bunların əsasında tərtib olunmuş cədvəl və rəsmlər verilmişdir. Bunun nəticəsində isə ahəng qanununun oxşar və fərqli xüsusiyyətləri, həmçinin müasir türk dillərində həmin hadisənin ən çox və ya ən az dərəcədə təzahürü aşkar edilir.

RESUME

The monograph is devoted to the formal description of the law of harmony in the contemporary turkic languages.

The law of harmony beeing common structural - typological phenomenon for all turkic languages becomes apparent in a variously manner, that is has own similar and distinctive peculiarity.

On that ground, the consideration of the law of harmony in the contemporary turkic languages in the comparative - historical aspect with the purpose of exposing the likeness and difference in this phenomenon's display in this languages and formal describing is actual at present.

In this work for the first time the systematic investigation of all existing turkic languages is given and formal discription not only the law of vowel harmony but, also the law of consonant harmony, that is not touched upon the previous works is carried out.

The monograph consists of the list of abridgements, the introduction, three chapters, conclusion, list of the used literature.

In the introduction the actuality of the theme is substantiated, the purposes and tasks of the investigation are defined, its scientific novelty, theoretical and practical significance, object and methods are determined.

In the first chapter called - "Synharmonizm against a background of the phonetic, morfological and morphonological tiers of the language" - the problems of the place, position, principal characteristic peculiarities, the law of harmony's functions in general turcological context are considered.

In this chapter also morphonological, prosodical, assimilative, agglutinative points of view of the law of harmony are

investigated.

In the second chapter, called "The display's peculiarities of the law of harmony in the old turkic written monuments and contemporary turkic languages" the law of palatal and labial harmony of vowels, the law of consonant harmony in the old turkic written monuments and contemporary turkic languages are described, and as a result of that the similar and distinctive peculiarities of the law of harmony in this languages are exposed.

For comparison, the law of harmony also in not turkic languages such as hungarian, mongolian and finnish, that are the agglutinative languages is considered.

In the third chapter called "The description of cases of the law of harmony's violation in the old turkic written monuments, dialects and patois of the contemporary turkic languages" - plenty of factual materials of cases of the law of harmony's violation in the written monuments, dialects and patois of the contemporary turkic languages, that, in one's turn, is the proof, that the law of harmony in the turkic languages in the process of the subsequent development and forming of the literary language came to be carried out more successively, than in the written monuments, dialects and patois of the turkic languages.

In conclusion, results of the law of harmony's formal description in all existing contemporary turkic languages are given by means of tabulation and graph's compiling, in consequence of similar and distinctive traits and also the greatest or the least degree of this phenomenon's display in the contemporary turkic languages are come to light.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдувалиев Ю. Фонетико-морфологические особенности ташкентского говора казахского языка. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1967, Алма-Ата, 18 с.
2. Абдуллаев Ф.А. **Фонетика хорезмских говоров**, Ташкент, Издательство "Фан" Узбекской ССР, 1967, 246 с.
3. Абуов Ж. Сингармонические основы восприятия речи. **Автореф. на соиск. докт.фил.наук**, 1998, Алматы, 52 с.
4. Агаев А.Г. Говор Джалилабадского района азербайджанского языка. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1975, Б., 39 с.
5. Аганина Л.А. Гармония гласных (сингармонизм) в илийском диалекте уйгурского языка. **Вестник Академии Наук Казахской ССР**, 1954, N 3 (108), с. 30-37
6. Азизов Э.И. Гармония гласных в диалектах и говорах азербайджанского языка. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1974, Баку, 24 с.
7. Айдаров Г. **Язык орхонского памятника Бильге-Кагана**, Алма-Ата, Издательство "Наука" Казахской ССР, 1966, 93 с.
8. Айдаров Г. **Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века**, Алма-Ата, 1971, 380 с.
9. Айляров Ш.С. Вопросы сингармонизма в современном турецком языке. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1974, М., Издательство Московского Университета, 26 с.
10. Акбаев Ш.Х. **Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка**, Черкесск, Карачаево-Черкесское Книжное Издательство, 1963, 166 с.
11. Амансарыев Дж. Северные говоры емудского диалекта туркменского языка. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1954, Ашхабад, 18 с.

12. Аралбаев Ж.А. **Вокализм казахского языка**, Алма-Ата, Издательство "Наука" Казахской ССР, 1970, 178 с.
13. Ардентов Б.П. **Введение в языкознание**, Кишинев, 1963, 241 с.
14. Ардентов Б.П. **Введение в языкознание**, Кишинев, Издательство "Картя Молдовеняскэ", 1967, 196 с.
15. Ардентов Б.П. **Общее языкознание**, Кишинев, 1971, 207 с.
16. Атаджанов М. Салырский диалект туркменского языка. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1959, Ашхабад, 18 с.
17. Атамедов Н. Манышский говор анауского диалекта туркменского языка. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1965, Ашхабад, 25 с.
18. Афзалов Ш.А. Паркентский говор узбекского языка. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1953, Ташкент, Издательство Академии Наук Уз. ССР, 16 с.
19. Ахатов Г.Х. **Диалект западносибирских татар**, Уфа, 1963, 195 с.
20. Ахатов Г.Х. **Мишарский диалект татарского языка**, Уфа, Издание Башкирского университета, 1980, 84 с.
21. Ахматов Т.К. Таласский говор киргизского языка. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1959, Фрунзе, 15 с.
22. Ахмедов А. Джушский говор узбекского языка. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1962, Ашхабад, 23 с.
23. Ахметьянов Р.Г. **Сравнительное исследование татарского и чувашского языков**, Москва, Издательство "Наука", 1978, 248 с.
24. Ахунзянов Э.М. **Общее языкознание**, Казань, Издательство Казанского университета, 1981, 256 с.
25. Ашмарин Н.И. **Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи**, Баку, Издание О-ва Обследования и

Изучения Азербайджана, 1926, 196 с.

26. Багыев Х. Оламский диалект туркменского языка. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1965, Ашхабад, 27 с.

27. Байрамдурдыев Б. Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1965, Ашхабад, 20 с.

28. Байчоров С.Я. **Древнетюркские рунические памятники Европы**, Ставропольское книжное издательство, 1989, 294 с.

29. Байчура У.Ш. **Звуковой строй татарского языка**, часть II, Издательство Казанского университета, 1961, 392 с.

30. Бакеев К.О. Ноокатский говор ошской области. **Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1952, Алма-Ата, 16 с.

31. Балашша Й. **Венгерский язык**, Москва, Издательство иностранной литературы, 1951, 375 с.

32. Баранникова Л.И. **Введение в языкознание**, Издательство Саратовского университета, 1973, 384 с.

33. Барашков П.П. **Фонетические особенности говоров якутского языка**, Якутск, Якутское Книжное Издательство, 1985, 182 с.

34. Баскаков Н.А. **Ногайский язык и его диалекты**, М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1940, 271 с.

35. Баскаков Н.А., Бекназаров С.Б., Кожуров У.Н. **Русско-каракалпакский словарь**, М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1947, 831 с.

36. Баскаков Н.А. **Каракалпакский язык**, II, часть I, М., Издательство Академии Наук СССР, 1952, 543 с.

37. Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. **Хакасско-русский словарь**, М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953, 487 с.

38. Баскаков Н.А. **Алтайский язык**, М., Издательство Академии Наук СССР, 1958, 115 с.

39. Баскаков Н.А. **Тюркские языки**, М., Издательство Восточной Литературы, 1960, 247 с.

40. Баскаков Н.А. **Диалект черневых татар (Туба-Киж)**, М., Издательство "Наука", 1966, 173 с.

41. Баскаков Н.А. **Введение в изучение тюркских языков**, М., Издательство "Высшая школа", 1969, 383 с.

42. Баскаков Н.А. **Диалект кумандинцев (Куманды-Киж)**, М., Издательство "Наука", 1972, 279 с.

43. Баскаков Н.А., Голубева Н.П., Кямилева А.А., Любимова К.М., Салимзянова Ф.А., Юсипова Р.Р. **Турецко-русский словарь**, М., Издательство "Русский язык", 1977, 966 с.

44. Баскаков Н.А. **Историко-типологическая фонология тюркских языков**, М., "Наука", 1988, 208 с.

45. Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. **Современная и древняя енисеика**, Фрунзе, Издательство Академии Наук Киргизской ССР, 1962, 249 с.

46. Батманов И.А. **Таласские памятники древнетюркской письменности**, Фрунзе, Издательство "Илим", 1971, 65 с.

47. **Башкирская диалектология** (под редакцией А.Г.Биишева, Н.Х.Ишбулатова), Уфа, 1963, 210 с.

48. **Башкирско-русский словарь** (под редакцией К.З.Ахмерова, Т.Г.Баишева, Г.Р.Керимовой и А.А.Юлдашева), М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958, 804 с.

49. Березина Л.Ю. **Графы и их применение**, М., "Просвещение", 1979, 143 с. с ил.

50. Бертагаев Т.А. Сингармонизм, ударение и изменение звукового состава слова. **ВЯ**, 1968, N 2, с. 106-111.

51. Бейшекеев Н. Киргизские говоры за пределами Киргизии. **Автореф. на соиск. канд. фил. наук**, 1965, Фрунзе, 32 с.

52. Богородицкий В.А. **Лекции по общему языковедению**, Казань, Типо-литография Императорского Университета, 1915, 332 с.

53. Богородицкий В.А. **Введение в тюрко-татарское языкознание**, часть I, Казань, ГИЗ ТССР, 1922, 58 с.

54. Богородицкий В.А. **Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками**, Казань, Татгосиздат, 1953, 220 с. с ил. и нот. ил.

55. Бодуэн де Куртенэ И.А. **Избранные труды по общему языкознанию**, т. II, М., Издательство Академии Наук СССР, 1963, 390 с.

56. Боровков А. **Учебник уйгурского языка**, Л., Издание Ленинградского Восточного Института им. А.С.Енукидзе, 1935, 247 с.

57. **Введение в языкознание** (под редакцией Л.И.Баранниковой и др.), Саратов, Издательство Саратовского университета, 1984, 75 с.

58. Векилов А.П. **Турецкая диалектология**, часть I, Издательство Ленинградского университета, 1973, 103 с.

59. Венцкович Р.М. **Введение в языкознание**, часть I, М., 1975, 165 с.

60. Виноградов В.А. Сингармонизм и фонология слова. **Тюркологические исследования**, 1970, с. 106-116.

61. Владимирцев Б.Я. **Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия**, М., "Наука", 1989, 437 с.

62. Гаджиева Н.З. **Проблемы тюркской ареальной лингвистики**, М., Издательство "Наука", 1975, 303 с.

63. Гаджиева Н.З. **Некоторые тенденции в развитии**

строая тюркских языков. **Советская тюркология**, 1976, N 2, с. 3-12.

64. Гаджиева Н.З. **Тюркоязычные ареалы Кавказа**, М., Издательство "Наука", 1979, 264 с.

65. Гайдаржи Г.А., Колца Е.К., Покровская Л.А., Тукан Б.П. **Гагаузско-русско-молдавский словарь**, М., Издательство "Советская энциклопедия", 1973, 664 с.

66. Головин Б.Н. **Введение в языкознание**, М., Издательство "Высшая школа", 1973, 320 с.

67. **Грамматика киргизского литературного языка** (под редакцией Э.Абдулдаева, С.Кудайбергенова, О.В.Захоровой (ответственный редактор), А.Орусбаева, А.Турсунова), часть I, Фрунзе, Издательство "Илим", 1987, 402 с.

68. **Грамматика современного башкирского литературного языка** (под редакцией А.А.Юлдашева), М., Издательство "Наука", 1981, 495 с.

69. **Грамматика современного якутского литературного языка** (под редакцией Е.И.Убратовой и др.), М., Издательство "Наука", 1982, 496 с.

70. **Грамматика туркменского языка**, часть I (под редакцией Н.А.Баскакова, М.Я.Хамзаева и Б.Чарыярова), Ашхабад, Издательство "Ылым", 1970, 503 с.

71. **Грамматика хакасского языка** (под редакцией профессора Н.А.Баскакова), М., Издательство "Наука", 1975, 418 с.

72. Гулямов Х. **Джизакский говор узбекского языка. Автореф. на соиск. канд.фил.наук**, 1954, Ташкент, Издательство Академии Наук Уз.ССР, 15 с.

73. Данияров Х. **Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком**, Ташкент, Издательство "ФАН" Узбекской ССР, 1975, 239 с.

74. Джафарли А. **Казахский диалект азербайджанского языка. Автореф. на соиск. канд. фил. наук**, 1962, Баку, 26 с.

75. Джураев Б. **Шахриябзский говор узбекского языка. Автореф. на соиск. канд. фил. наук**, 1959, М., 25 с.

76. Дмитриев Н.К. **Строй турецкого языка**, Л., Издание Ленинградского Государственного Университета, 1939, 60 с.

77. Дмитриев Н.К. **Грамматика кумыкского языка**, М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1940, 205 с.

78. Дмитриев Н.К. **Турецкий язык**, М., Издательство восточной литературы, 1960, 94 с.

79. **Древнетюркский словарь** (под редакцией В.М.Наделяева и др.), Л., Издательство "Наука", 1969, 676 с.

80. **Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках** (под редакцией академика И.А.Батманова), Фрунзе, Издательство "Илим", 1971, 196 с.

81. Дыренкова Н.П. **Грамматика ойротского языка**, М.-Л., Издательство АН СССР, 1940, 303 с.+ 1 карта.

82. Дьячковский Н.Д. **Звуковой строй якутского языка**, часть I, Якутск, Якутское книжное издательство, 1971, 192 с. с ил.

83. Егоров В.Г. **Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении**, часть I, Чебоксары, Чувашское государственное издательство, 1954, 239 с.

84. Звегинцев В.А. **Очерки по общему языкознанию**, М., Издательство Московского университета, 1962, 384 с.

85. Зиндер Л.Р. **Общая фонетика**, М., "Высшая школа", 1979, 312 с. с ил.

86. Зиндер Л.Р. **Введение в языкознание**, М., "Высшая школа", 1987, 176 с.

87. Золхоев В.И. **Фонология и морфонология агглютинативных языков**, Новосибирск, Издательство "Наука", 1980, 143 с.

88. Илиев А., Кибиров Ш., Рузиев М., Цунвазо Ю. **Русско-уйгурский словарь**, М., Уйгурское государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956, 1473 с.

89. Исхаков Ф.Г. Гармония гласных в тюркских языках. **ИСГТЯ**, 1955, часть I, с. 122-159.

90. Исхаков Ф.Г. **Тувинский язык**, М.-Л. Издательство Академии Наук СССР, 1957, 123 с.

91. **Исследования по фонологии** (под редакцией С.К.Шаумяна), М., Издательство "Наука", 1966, 408 с.

92. Кайдаров А.Т. **Развитие современного уйгурского литературного языка**, часть I, Алма-Ата, 1969, 356 с.

93. **Караймско-русско-польский словарь** (под редакцией Н.А.Баскакова, А.Зайончковского, С.М.Шапшала), Издательство "Русский язык", 1974, 685 с.

94. Карасаев Х., Шукуров Ж., Юдахин К. **Русско-киргизский словарь**, М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1944, 985 с.

95. Касевич В.Б. **Фонологические проблемы общего и восточного языкознания**, М., Издательство "Наука", 1983, 295 с.

96. Касевич В.Б. **Морфонология**, Л., Издательство Ленинградского Университета, 1986, 160 с.

97. Кодухов В.И. **Введение в языкознание**, М., "Просвещение", 1979, 351 с. с ил., 1 отд. л. карт.

98. Козин С.А. **Сокровенное сказание**, т. I, М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1941, 619 с.

99. Кондратьев В.Г. **Очерк грамматики древнетюркского языка**, Издательство Ленинградского Университета,

1970, 65 с.

100. Кондратьев В.Г. **Вводный фонетический курс турецкого языка**, Л., Издательство Ленинградского Университета, 1976, 60 с.

101. Кондрашов Н.А. **Общее языкознание**, часть II, М., 1974, 172 с.

102. Конечна Г. Ассимиляция и диссимиляция. ВЯ, 1958, N 3 с.90-95

103. Кононов А.Н. **Грамматика современного турецкого литературного языка**, М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1956, 569 с.

104. Кононов А.Н. О природе тюркской агглютинации. ВЯ, 1976, N 4, с. 3-17.

105. Кононов А.Н. **Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв.** Л., "Наука", 1980, 255 с.

106. Косовский Б.И. **Общее языкознание**, Минск, Издательство БГУ им. В.И.Ленина, 1969, 107 с.

107. Котвич В. **Исследование по алтайским языкам**, М., Издательство Иностранной Литературы, 1962, 371 с.

108. Кочергина В.А. **Введение в языковедение**, М., Издательство Московского Университета, 1979, 208 с.

109. Кульманов Г. **Геокленский диалект туркменского языка**. Автореф. на соиск. канд.фил.наук, 1960, Ашхабад, 17 с.

110. **Кумыкско-русский словарь** (под редакцией З.З.Бамматова), М., Издательство "Советская энциклопедия", 1969, 408 с.

111. Кязимов Ф. **Принципы сингармонизма в азербайджанском языке**. Известия Академии Наук СССР, 1954, т. XIII, с. 88-96.

112. Ломтев Т.П. **Общее и русское языкознание**, М., Издательство "Наука", 1976, 381 с.

113. Максютова Н.Х. **Восточный диалект башкирского языка**, М., Издательство “Наука”, 1976, 292 с.

114. Малов С.Е. **Памятники древнетюркской письменности**, М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1951, 80 с.

115. Малов С.Е. **Уйгурский язык**, М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1954, 203 с.

116. Маматов А. Андижанский городской говор узбекского языка. **Автореф. на соиск. канд. фил. наук**, 1967, Ташкент, 26 с.

117. Мамедов А.М. Ассимиляция в свете взаимоотношения фонетики и грамматики. **Советская тюркология**, 1972, N 4, с. 12-16.

118. Маслов Ю.С. **Введение в языкознание**, М., “Высшая школа”, 1975, 328 с. с ил.

119. **Материалы по общей тюркологии и дунгановедению** (под редакцией И.А.Батманова), Фрунзе, Издательство “Илим”, 1964, 107 с.

120. Матусевич М.И. **Введение в общую фонетику**, М., Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959, 135 с.

121. Махмутова Л.Т. **Опыт исследования тюркских диалектов**, М., Издательство “Наука”, 1978, 271 с.

122. Мельников Г.П. Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках. **ВЯ**, 1962, N 6, с. 31-53.

123. Менглиева Г. Сакарский диалект туркменского языка, **Автореф. на соиск. канд. фил. наук**, 1964, Ашхабад, 29 с.

124. Менглиева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка. **Вопросы Диалектологии Тюркских**

Языков, 1966, т. IV, с. 117-129.

125. Миржанова С.Ф. **Южный диалект башкирского языка**, М., Издательство "Наука", 1979, 272 с.

126. **Морфологическая типология и проблема классификации языков** (под редакцией Б.А.Серебренникова и О.П.Суника), М.-Л., Издательство "Наука", 1965, 303 с.

127. Мусаев К.М. **Грамматика караимского языка**, М., Издательство "Наука", 1964, 344 с.

128. Мусаев К.М. **Краткий грамматический очерк караимского языка**, М., Издательство "Наука", 1977, 100 с.

129. Наджип Э.Н. **Современный уйгурский язык**, М., Издательство восточной литературы, 1960, 133 с.

130. Назбиев Ж. **Сингармонизм слога в казахском языке. Автореф. на соиск.канд.фил.наук**, 1992, Алма-Ата, 20 с.

131. Нартыев Н. **Сарыкский диалект туркменского языка. Автореф. на соиск.канд.фил.наук**, 1960, Ашхабад, 19 с.

132. Насилов В.М. **Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв.**, М., Издательство "Наука", 1974, 101 с.

133. **Ногайско-русский словарь** (под редакцией Н.А.Баскакова), М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1969, 562 с.

134. Норман Б.Ю., Павленко Н.А. **Введение в языковедение**, Минск, "Вышэйшая школа", 1984, 365 с.

135. **Ойротско-русский словарь** (под редакцией Н.А.Баскакова), М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1947, 312 с.

136. Пашаев Г.М. **Фонетика керкукского диалекта. Автореф. на соиск.канд.фил.наук**, 1969, Баку, 31 с.

137. Покровская Л.А. **Грамматика гагаузского языка**, М., Издательство "Наука", 1964, 298 с.

138. Поливанов Е.Д. Образцы не-иранизированных (сингармонистических) говоров узбекского языка. **Известия Академии Наук СССР**, 1931, с. 93-111.

139. Поливанов Е.Д. **Узбекская диалектология и узбекский литературный язык**, Узгосиздат, 1933, 45 с.

140. Поливанов Е.Д. **Труды по восточному и общему языкознанию**, М., 1991, 623 с.

141. **Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков**. Тезисы докладов, Л., 1961, 53 с.

142. Поппе Н.Н. **Аларский говор**, часть II, Л., Издание Академии Наук СССР и государственного института культуры Бурят-Монгольской АССР, 1931, 216 с.

143. **Проблемы структурной лингвистики** (под редакцией С.К.Шаумяна), М., Издательство "Наука". 1972, 554 с.

144. Поцелуевский А.П. **Диалекты туркменского языка**, Ашхабад, Туркменское государственное издательство, 1936, 66 с.

145. Поцелуевский А.П. **Фонетика туркменского языка**, Ашхабад, Туркменское государственное издательство, 1936, 61 с.

146. Раджабов Н. Карнабский говор узбекского языка. **Автореф. на соиск.канд.фил.наук**, 1958, Самарканд, 17 с.

147. Решетов В.В. **Узбекский язык**, часть I, Ташкент, Государственное учебно-педагогическое издательство Уз. ССР, 1956, 357 с.

148. Реформатский А.А. Сингармонизм как проблема фонологии и общей лингвистики. **Тюркологические исследования**, 1970, с. 101-105.

149. Реформатский А.А. **Лингвистика и поэтика**, М., Издательство "Наука", 1978, 263 с.

150. Руднев А.Д. **Материалы по говорам восточной Монголии**, С.-Петербург, Издание факультета восточных

языков императорского С.-Петербургского университета, 1911, 258 с.

151. **Русско-башкирский словарь** (под редакцией Н.К.Дмитриева, К.З.Ахмерова, Т.Г.Баишева), М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1948, 958 с.

152. **Русско-казахский словарь** (под редакцией Н.Т.Сауранбаева), М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954, 935 с.

153. **Русско-карачаево-балкарский словарь** (под редакцией Х.И.Суюнчева и И.Х.Урусбиева), М., Издательство "Советская энциклопедия", 1965, 744 с.

154. **Русско-тувинский словарь** (под редакцией А.А.Пальмбаха), М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953, 708 с.

155. **Русско-туркменский словарь** (под редакцией Н.А.Баскакова и М.Я.Хамзаева), М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956, 880 с.

156. **Русско-хакасский словарь** (под редакцией Д.И.Чанкова), М., Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961, 967 с.

157. **Русско-чувашский словарь** (под редакцией И.А.Андреева и Н.П.Петрова), М., Издательство "Советская энциклопедия", 1971, 893 с.

158. Рясянен М. **Материалы по исторической фонетике тюркских языков**, М., Издательство иностранной литературы, 1955, 221 с.

159. Савченко А.Н., Иоффе В.В. **Общее языкознание**, Ростов-на-Дону, Издательство Ростовского университета, 1985, 208 с.

160. Садыков Т. **Теоретические основы кыргызской фо-**

нологии и морфонологии. Автореф. на соиск.докт.фил.наук, 1995, Алматы, 43 с.

161. Садыкова З.Р. **Говоры оренбургских татар**, Казань, Татарское книжное издательство, 1985, 159 с., 1 отд. л. карт.-схем.

162. Санжеев Г.Д. **Сравнительная грамматика монгольских языков**, т. I, М., Издательство Академии Наук СССР, 1953, 240 с.

163. Санжеев Г.Д. **Современный монгольский язык**, М., Издательство Восточной литературы, 1960, 103 с.

164. Сапарова Г. **Диалект хасарли туркменского языка**. Автореф. на соиск.канд.фил.наук, 1970, Ашхабад, 18 с.

165. Севортян Э.В. **Фонетика турецкого литературного языка**, М., Издательство Академии Наук СССР, 1955, 152 с.

166. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. **Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков**, М., Издательство "Наука", 1986, 302 с.

167. **Славянский сборник**, т. III (изданный под наблюдением члена славянского комитета П.А.Гильтебрандта), Петербург, Издание петербургского отдела славянского комитета, 1876, 400 с.

168. **Современный казахский язык** (под редакцией М.Б.Балакаева и др.), Алма-Ата, Издательство Академии Наук Казахской ССР, 1962, 452 с.

169. **Современный татарский литературный язык** (под редакцией Х.Р.Курбатова, Л.Т.Махмутовой, Л.П.Смоляковой, Э.Р.Тенишева), М., Издательство "Наука", 1969, 380 с.

170. **Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков** (под редакцией Э.Р.Тенишева), М., Издательство "Наука", 1984, 484 с.

171. Степанов Ю.С. **Основы общего языкознания**, М.,

“Просвещение”, 1975, 271 с.

172. Талипов Т. **Фонетика уйгурского языка**, Алма-Ата, Издательство “Наука” Казахской ССР, 1987, 256 с.

173. **Татарская грамматика** (под редакцией М.З.Закиева, Ф.А.Ганиева, К.З.Зиннатуллиной), т. I, Казань, Татарское книжное издательство, 1993, 584 с.

174. **Татарско-русский словарь** (под редакцией О.В.Головкиной и М.М.Османова), М., Издательство “Советская энциклопедия”, 1966, 863 с.

175. Тодаева Б.Х. **Монгольские языки и диалекты Китая**, М., Издательство восточной литературы, 1960, 135 с.

176. Тодаева Б.Х. **Монгорский язык**, М., Издательство “Наука”, 1973, 391 с.

177. Трубецкой Н.С. **Основы фонологии**, М., Издательство иностранной литературы, 1960, 372 с.

178. Тукан Б.П. Вулканештский диалект гагаузского языка. **Автореф. на соиск.канд.фил.наук**, 1965, Кишинев, 20 с.

179. **Туркменско-русский словарь** (под редакцией Н.А.Баскакова, Б.А.Каррыева, М.Я.Хамзаева), М., Издательство “Советская энциклопедия”, 1968, 832 с.

180. Тумашева Д.Г. **Диалекты сибирских татар**, Издательство Казанского университета, 1977, 294 с.

181. Туряджанова М. Тулейкенский говор киргизского языка. **Автореф. на соиск.канд.фил.наук**, 1954, Фрунзе, 17 с.

182. **Узбекско-русский словарь** (под редакцией Т.Н.Карыниязова и А.К.Боровкова), Ташкент, Издательство узбекского филиала Академии Наук СССР, 1941, 736 с.

183. Хакулинен Л. **Развитие и структура финского языка**, часть I, М., Издательство иностранной литературы, 1953, 311 с.

184. Церетели К. **Основы урмийского сингармонизма**.

Сообщения Академии Наук Грузинской ССР, 1946, N 9-10, т. VII, с. 663-670.

185. Цинциус В.И. **Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков**, Л., Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1949, 342 с.

186. Черепанов М.В. **Общее языкознание**, Издательство Саратовского университета, 1969, 107 с.

187. Черкасский М.А. Опыт формального описания гармонии гласных в тюркских языках. **ВЯ**, 1961, N 4,5,6, с. 94-102.

188. Черкасский М.А. **Тюркский вокализм и сингармонизм**, М., Издательство "Наука", 1965, 142 с.

189. Чикобава А.С. **Введение в языкознание**, часть I, М., Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953, 243 с.

190. Чорлиев О. Марыйский говор туркменского языка. **Автореф. на соиск.канд.фил.наук**, 1964, Ашхабад, 18 с.

191. Шамсиддинов И.И. Каракульский говор узбекского языка. **Автореф. на соиск.канд.фил.наук**, 1965, Ташкент, Издательство "Наука" Узбекской ССР, 23 с.

192. Шарипов О. Папский говор узбекского языка. **Автореф. на соиск.канд.фил.наук**, 1962, Ташкент, 21 с.

193. Ширалиев М.Ш. **Диалекты и говоры азербайджанского языка**, Баку, Издательство "Элм", 1983, 197 с.

194. Шухардт Г. **Избранные статьи по языкознанию**, Издательство иностранной литературы, 1950, 292 с.

195. Щербак А.М. **Сравнительная фонетика тюркских языков**, Л., Издательство "Наука", 1970, 204 с.

196. Юсифов М.И. **Сравнительная фонетика тюркских языков огузской группы. Автореф. на соиск.докт.фил.наук**, 1986, Баку, 38 с.

197. **Языки Народов СССР, Тюркские языки** (под ре-

дакцией Н.А.Баскакова), т. II, М., Издательство "Наука", 1966, 531 с.

198. **Якутско-русский словарь** (под редакцией П.А.Слепцова), М., Издательство "Советская энциклопедия", 1972, 605 с.

199. **Azərbaycan dilinin qərb qrupu dialekt və şivələri** (R.Ə.Rüstəmovun, M.Ş.Şirəliyevin red. altında), I c., Bakı, Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1967, 281 s.

200. **Azərbaycan dilinin muğan qrupu şivələri** (R.Ə.Rüstəmovun red. altında), Bakı, Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1955, 262 s.

201. **Azərbaycan dilinin naxçıvan qrupu dialekt və şivələri** (M.Ş.Şirəliyevin red. altında), I c., Bakı, Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1962, 326 s.

202. **Azərbaycanca-rusca lüğət** (M.T.Tağıyevin red. altında) III c., Bakı, "Ergün" nəşriyyatı, 1997, 872 s.

203. Axundov A. **Azərbaycan dilinin fonemlər sistemi**, Bakı, "Maarif" nəşriyyatı, 1973, 303 s.

204. Axundov A. **Azərbaycan dilinin fonetikasi**, Bakı, "Maarif" nəşriyyatı, 1984, 391 s.

205. Cəlilov F. **Azərbaycan dilinin səs quruluşu**, Bakı, 1982, 83 s.

206. Cəlilov F. **Azərbaycan dilinin morfonologiyası**, Bakı, "Maarif" nəşriyyatı, 1988, 286 s.

207. Çobanzadə B., Aqazadə F. **Turq qrameri**, Bakı, Azər-nəşr, 1929, 202 s.

208. Dəmirçizadə Ə.M. **Müasir Azərbaycan dilinin fonetikasi**, Bakı, V.İ.Lenin adına ARI-nin nəşriyyatı, 1960, 145 s.

209. Əzizbəyov X.Ə. **Azərbaycanca-rusca lüğət**, Bakı, Azərbaycan dövlət nəşriyyatı, 1985, 417 s.

210. Əzizov E.İ. **Ahəng qanununun prinsipi haqqında. Tür-koloqiya**, 2000, N 1-4, s. 45-48.

211. Hüseynzadə M. **Müasir Azərbaycan dili**, Bakı, Azər-

baycan dövlət tədris-pedaqoji ədəbiyyatı nəşriyyatı, 1963, 275 s.

212. İslamov M. **Azərbaycan dilinin Nuxa dialekti**, Bakı, Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1968, 274 s.

213. Kazımov İ. **Axısqa türklərinin dili**, Bakı, "Elm", 1999, 277 s.

214. Qurbanov A. **Ümumi dilçilik**, I hissə, Bakı, "Maarif" nəşriyyatı, 1989, 568 s.

215. Qurbanov A. **Ümumi dilçilik**, II c., Bakı, "Maarif" nəşriyyatı, 1993, 548 s.

216. Məhərrəmov A., Şükürov Ə. **Qədim türk yazılı abidələrinin dili**, Bakı, 1976, 198 s.

217. Mirzəzadə H. **Azərbaycan dilinin tarixi qrammatikası**, Bakı, Azərbaycan universiteti nəşriyyatı, 1990, 375 s.

218. **Müasir Azərbaycan dili** (M.A.Şirəliyevin, Z.İ.Budaqovanın red. altında), I c., Bakı, "Elm" nəşriyyatı, 1978, 324 s.

219. Rəcəbov Ə., Məmmədov Y. **Orxon-yenisey abidələri**, Bakı, "Yazıçı", 1993, 396 s.

220. Rüstəmov R.Ə. **Quba dialekti**, Bakı, Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1961, 281 s.

221. Şirəliyev M.Ş. **Bakı dialekti**, Bakı, Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1957, 226 s.

222. Şirəliyev M.Ş. **Azərbaycan dialektologiyasının əsasları**, Bakı, "Maarif" nəşriyyatı, 1967, 420 s.

223. Yadigar F. **Fonetika və fonologiya məsələləri**, Bakı, "Maarif" nəşriyyatı, 1993, 192 s.

224. Zeynalov F. **Türkologiyanın əsasları**, Bakı, "Maarif" nəşriyyatı, 1981, 347 s.

225. Zeynalov F., Əlizadə S. **Kitabi-Dədə Qorqud**, Bakı, "Yazıçı", 1988, 265 s.

226. Aksan D. **Türkiye türkçesi gelişmeli sesbilimi**, Ankara, Ankara Üniversitesi Basımevi, 1978, 84 s.

227. Aksoy Ö.A. **Gaziantep ağzı**, İstanbul, İbrahim Horoz

basımevi, 1945, 416 s.

228. Banguoğlu T. **Türk grameri**, Ankara, Türk tarih kurumu basımevi, 1959, 306 s.

229. Beysanoğlu Ş. **Diyarbakır ağzı**, Ankara, Güzel İstanbul matbaası, 1966, 246 s.

230. Caferoğlu A. **Doğu İllerimiz ağızlarından toplamalar**, İstanbul, Bühraneddin Basımevi, 1942, 296 s.

231. Caferoğlu A. **Anadolu ağızlarından toplamalar**, İstanbul, Bühraneddin Basımevi, 1943, 272 s.

232. Caferoğlu A. **Sivas ve Tokat illeri ağızlarından toplamalar**, İstanbul, Bühraneddin Matbaası, 1944, 276 s.

233. Caferoğlu A. **Kuzey-Doğu illerimiz ağızlarından toplamalar**, İstanbul, Bühraneddin Erenler Matbaası, 1946, 355 s.

234. Caferoğlu A. **Anadolu illeri ağızlarından derlemeler**, İstanbul, Osman Yalçın Matbaası, 1951, 288 s.

235. Caferoğlu A. Muğla Ağzı. **Türk dili araştırmaları yılığı**, 1963, s. 107-130.

236. Caferoğlu A. Aydın ili ağızlarından örnekler ve etnografya bakımından özellikleri, **Türk dili araştırmaları yılığı**, 1966, s. 1-28.

237. Caferoğlu A. Akhisar ve Cihanbeyli ağızları. **Türk dili araştırmaları yılığı**, 1968, s. 1-38.

238. Çagatay S.Ş. **Türk lehçeleri örnekleri VIII. yüzyıldan XVIII. yüzyıla kadar yazı dili**, Ankara, Türk tarih kurumu basımevi, 1950, 330 s.

239. Çagatay S.Ş. **Türk lehçeleri örnekleri VIII. yüzyıldan XVIII. yüzyıla kadar yazı dili**, Ankara, Türk tarih kurumu basımevi, 1963, 371 s.

240. Deny J. **Türk dili grameri**, İstanbul, Maarif Matbaası, 1941, 1142 s.

241. Emre A.C. **Türkçenin yapıışı**, İstanbul, Bühraneddin basımevi, 1942, 111 s.

Aynel Ənvər qızı Məşədiyeva

***TÜRK DİLLƏRİNDƏ
AHƏNG QANUNUNUN FORMAL TƏSVİRİ***

Bakı - Elm - 2004

**Редакционно-Издательский
и Полиграфический Центр
“ЭЛМ”**

**Директор: Ш. Алышанлы
Гл. редактор: Т. Керимли**

Сдано в набор 19.12.2003 г.
Подписано к печати 04.02.2004 г.
Формат 60х84 1/16. Объем 15,25 п.л.
Тираж 350. Заказ № 10.
Цена договорная.

*Отпечатано в типографии РИПЦ
(Истиглалият, 8)*

Айнель Энвер кызы Мешадиева родилась в 1977 году в г. Баку. В 1998 году окончила с отличием отделение турецкой филологии факультета востоковедения Бакинского Государственного Университета на степень бакалавра. В том же году поступила в магистратуру того же факультета и окончила ее в 2000 году с отличием. После окончания магистратуры поступила в аспирантуру отдела тюркских языков Института языкознания им. Насими Национальной Академии Наук Азербайджана.

А.Мешадиева завершила диссертационную работу в 2003 году до истечения срока аспирантуры. Она является автором более десяти научных статей.

